

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический
университет

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА

*Сборник
научных трудов*

Екатеринбург 1994

Статьи сборника посвящены актуальным проблемам современной семасиологии, основное внимание авторов направлено на разнообразие речевых модификаций лексического значения слова. Рассматриваются вопросы функционирования лексических единиц в тексте, закономерности семантического варьирования в лексике и др.

Рассчитан на преподавателей и студентов факультета русского языка и литературы, учителей.

Редакционная коллегия: А. П. Чудинов, д-р филол. наук, проф. (ответственный редактор), Н. Е. Сулименко, д-р филол. наук, проф. (Российский педуниверситет), М. Ю. Федосюк, д-р филол. наук, проф. (Московский педуниверситет)

Рецензенты: Л. Г. Бабенко, д-р филол. наук, проф. (Уральский ун-т), Д. И. Архарова, канд. филол. наук, доц. (Свердловский институт развития регионального образования)

Н. Е. СУЛИМЕНКО
Российский педуниверситет

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анализируются социокультурные и психолингвистические аспекты коммуникативной деятельности с учетом диалогической природы общения и акцентирования роли адресата в речевой деятельности.

На пути от концепта, понятия — к слову исследования в области идеографии и лексикологии сомкнулись с психолингвистическими изысканиями. «Четыре кита» современной лингвистики пересеклись в комплексном понятии «языковая личность» [3]. Психолингвисты объявили приоритетными те лингвистические теории, в которых ведущими являются критерии психологической реальности и соответствия законам речемыслительной деятельности.

Единство психической сферы субъекта коммуникации позволяет слову быть «одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» [1, с. 21]. Внимание к социокультурным и психологическим параметрам речевой коммуникации ввело в круг лингвистических исследований понятие структуры языковой личности как единства ассоциативно-вербального, тезаурусного и мотивационно-прагматического уровней (см. [3]). Последний, в частности, предполагает учет встречной активности адресата, выяснение коммуникативных ориентиров, лингвистических предпосылок управления речевой деятельностью в диалогическом речевом общении.

В основе новых концепций культуры речи, риторики лежат идеи гармоничного общения, без которых трудно себе представить педагогику сотрудничества и ее лингвистическое обеспечение (см. [6]). В соответствии с этим значительный интерес для анализа представляет книга Д. Карнеги «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично» [4]. Текст не только знакомит нас с прагматическим преломлением иной лингвистической традиции, но и, в силу своей принадлежности двум культурам, позволяет проследить за лексическим обеспечением межкультурного взаимопонимания.

Книга Карнеги отличается здоровым гуманным прагматизмом, нацелена на защиту коммуникативных прав обоих участников общения, ориентацию на определенный круг типовых и индивидуальных потребностей. Привлекают внимание не только умело высказанные рекомендации, но и их мастерское осуществление в авторской публичной речи, не утратившей обаяния даже в переводном варианте.

Приоритетными ценностями, лежащими в основе всех рекомендаций автора, являются уникальность человеческой личности, жизненность, естественность поведения, необходимость взаимной адаптации собеседников для достижения коммуникативного эффекта, удовлетворения материальных и духовных потребностей.

Особый раздел наук — речевая коммуникация, исследуемая в контексте общей коммуникации, предполагает развитие способностей к успешному публичному выступлению. В прагматически ориентированных системах обучения публичному общению «в качестве макроединиц коммуникации рассматриваются стратегии речевого поведения» [7, с. 234], в основе которых — управление коммуникатором в процессе воздействия на целевое осознание реципиентом ситуации своей будущей деятельности (см. [Там же, с. 51]). Овладение подобными стратегиями для будущего учителя-словесника приобретает особую значимость.

Тема коммуникативных стратегий выступает ведущей в тексте и снабжена разными языковыми, и в первую очередь лексическими, средствами. Это, например, прямое перечисление коммуникативных операций (разъяснить какой-то вопрос; произвести впечатление и убедить; добиться действия; развлечь), привлечение сентенций, афоризмов как речемыслительных образцов (*Предвидеть — значит управлять; Мы любим искусство, которое скрывает искусство и др.*), экспликация когнитивных потребностей с опорой на лексические антонимы и их синонимические распространители в синтаксически параллельных конструкциях (*То, что совершенно ново, не интересно; то, что абсолютно старо, нас не привлекает. Мы хотим, чтобы нам рассказали что-нибудь новое о старом*). Присутствуют также прямые указания на необходимость использования коммуникативных стратегий: *Концовка речи действительно является самым стратегически важным элементом. То, что сказано в конце, слушатели, скорее всего, будут дольше помнить.*

Отмечая значение контрастов для возбуждения интереса у слушателей, внося изменения в их ценностные ориентации, автор демонстрирует блестящие образцы построения полемических текстов, отражающих диалогичность процесса познания, смену научных представлений о целях и методах обучения ораторскому искусству. Привлекаются экспрессивные средства, усиливающие речевое воздействие не только на интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу адресата. Например: *О том, каким должно быть выступление, написано очень много вздора и пустой болтовни. Его оплели всякого рода правилами и ритуалами и придали ему нечто таинственное. Старомодная «элоквиция» [красноречие], этот кошмар, поношение божеского и человеческого, часто придавала ему нелепый вид... Со времен Гражданской войны в США возникла совершенно новая школа публичных выступлений. В соответ-*

ствии с духом времени речь стала простой и ясной, как телеграмма. Современная аудитория не будет терпеть словесных фейерверков, бывших когда-то в моде... Отметание старых и утверждение новых риторических канонов подчеркнуто противопоставлениями типа *старомодный / современный, таинственный / простой и ясный, телеграмма / словесный фейерверк*; стилистически контрастными средствами *«элоквиция» / кошмар, поношения*; оценочной лексикой со сниженными коннотациями *вздор, пустая болтовня, нелепый*; приемом градации оценки через серию обособленных приложений.

Автор умело использует воздействующую силу приема сопоставления несопоставимого, требующего от читателя или слушателя активного поиска общего в разном, поражающего неожиданностью новых ассоциаций, обеспечивающего доступность новой информации при восприятии. Например: *Оратор раздумывал над своими идеями в течение определенного времени, однако все они являются новыми для слушателей, попадают в них подобно заряду дроби. Некоторые из них могут затронуть их, но большинство пролетает мимо.* В этой фразе неоднозначность глагола *пролетать* проецируется на сближение разных актантов.

Защищая неподготовленность адресата, аудитории, автор решительно обезоруживает неудачливого оратора парадоксальными сближениями (речь шла о епископе, члене палаты лордов, толковавшем солдатам в окопах об «интернациональной дружбе» и о «праве Сербии на место под солнцем»): *Куда там. Половина из них не знала, что такое Сербия: город или название болезни. Что касается итогов его речи, то он с таким же успехом мог произнести высокопарный панегирик по поводу небулярной космогонической теории.* Привлечение специального термина узкой сферы применения призвано подчеркнуть ограниченность информационного тезауруса даже сравнительно развитой в интеллектуальном отношении аудитории. Ср. еще: *Некоторые ораторы вообще не могут добраться до конца своего выступления. Где-то в середине они начинают быстро и бессвязно говорить и как бы давать перебои, подобно двигателю, в котором почти кончилось горючее, и после нескольких отчаянных рывков они полностью останавливаются. Авария. Конечно, им нужна более тщательная подготовка, и необходимо больше практики — больше бензина в баке.* Непрерывность сравнения, особенно действенного в исходной национальной культуре, поддерживается речевой многозначностью глаголов *добраться, останавливаются*, входящих и в ЛСГ движения и группу говорения (по связанным значениям).

Культура обращения с адресатом проявляется в прямых дидактических рекомендациях типа: *Трудно, очень трудно для средней аудитории в течение длительного времени слушать а-*

страстные заявления. Легче, и причем намного легче, слушать иллюстрации. Почему бы не начать с одной из них? или: Хорошее выступление — это прежде всего разговорный тон и непосредственность, несколько акцентированные. Вносите в выступление свою индивидуальность, свою собственную, свойственную вам манеру. Мысль о необходимости имитации разговорной речи постоянно подчеркивается Карнеги, но не по техническим мотивам, а в связи с субъективным началом разговорной речи, отличающейся неофициальным характером общения.

Ориентация на прием диалогизации монолога, психологической основой которого является диалогичность процесса познания и мышления человека, специально подчеркивается автором: *Говорите со слушателями так, как будто вы ожидаете, что они сейчас встанут и будут отвечать вам. Если бы они задавали вопросы, ваше выступление почти наверняка сразу же значительно улучшилось бы. Поэтому вообразите себе [установка на диалог.— Н. С.], что кто-то задал вам вопрос и что вы отвечаете на него... ваша фразеология не будет более официальной, это согреет и очеловечит выступление.*

В содержании и способах построения речевых рекомендаций находит воплощение идея о единстве психической сферы человека, о необходимости воздействия на все уровни ее структуры (интеллектуальный, эмоциональный, волевой, ценностно-мотивационный): *...для хорошего выступления самое главное — именно ощущение контакта с аудиторией. Слушатели должны чувствовать, что некое послание идет непосредственно из головы и сердца оратора к их сознанию и к их сердцам.*

В разнообразных ситуациях отражается воздействие на отдельные стороны этой структуры: *Начало выступления представляет наибольшую трудность, но в то же время оно является исключительно важным, ибо в этот момент ум слушателей свеж и на него сравнительно легко произвести впечатление.* Подчеркивая необходимость смыслового курсива, в то же время не давая слушателю заметить его, автор, по существу, указывает важность смыслового и лексического повторов как возбудителей той более общей информации, которая возникает и закрепляется в сознании слушателей.

Некоторые психолингвисты упрекают Карнеги в отсутствии эвристических моментов в его рекомендациях, в стереотипизации коммуникативных реакций. Лексикологический анализ текста не позволяет полностью согласиться с подобными замечаниями, поскольку момент изучения сам по себе предполагает некоторую стереотипизацию речевых навыков, связанную с теми или иными типовыми целями коммуникации и ее условиями.

Активизация структурных уровней сознания особенно ощутима в межкультурном взаимопонимании. Оно может строить-

ся двумя способами — «безлакунно» и с помощью восполнения культурологических и языковых лакун.

Обеспечение «безлакунного» способа основано на общности внеязыковых знаний и опыта участников коммуникации, а также на свободе ассоциирования в пределах общего опыта. При изучении семантических полей, содержательных блоков слов «укрепляется ощущение семантического универсализма, содержательного единства языков, их принципиальной взаимной переводимости» [5, с. 108]. Так, общность культурных реалий, преемственность познания делают прозрачным сравнение неудачного оратора с «обеденным колоколом»: *...когда он поднимался на трибуну, члены палаты начинали кашлять, шаркать ногами и толпами покидали зал. Со звуком этого колокола у читателя связывается не только сигнал к перерыву на обед, но и ощущение скуки, монотонности речи выступающего.*

«Безлакунный» способ взаимопонимания связан и с общеизвестными географическими и культурно-историческими реалиями, отраженными в излюбленных Карнеги контекстах: *Запомните, что обычный человек будет более обеспокоен тем, что от него хочет уйти повар, чем проблемой выплаты Италией своих долгов Соединенным Штатам. Его больше выведет из себя тупое лезвие бритвы, чем революция в Южной Америке... Или: Та речь, которую я только что описал, могла быть с тем же успехом произнесена в песчаной безводной пустыне Гоби. И действительно, она звучала так, как будто была произнесена в подобном мест, а не перед группой живых людей.* Не менее понятно сравнение неторопливого вступления, рекомендуемого старыми риториками, с поездкой в кабриолете, а людей вокруг энергичного оратора — со скоплением диких гусей вокруг поля озимой пшеницы.

Не столь прозрачны для понимания и требуют специальных знаний и игры воображения следующие фрагменты, содержащие относительные культурологические лакуны: *Вам приходилось видеть людей, которые глядят по сторонам в поисках стула, сопровождая это движениями, напоминающими английскую гончую, укладывающуюся спать.* И далее очень наглядно описываются эти движения, вызывая комический эффект: *Они вертятся вокруг, а когда обнаруживают, наконец, стул, то скручиваются и проваливаются в него, словно мешок с песком.* Ср. еще: *Даже такой утонченный денди, как Дизраэли, не мог преодолеть этого соблазна [класть руки в карманы.— Н. С.].* Здесь специфическая реалья создает уже квазипонимание.

Наконец, наличие в некоторых рекомендациях абсолютных культурологических лакун делает их неприемлемыми для носителей другой культуры: *Фраза «белый петух бантамской породы со сломанной ногой» вызывает в вашем представлении значительно более ясную и четкую картину, чем*

простой термин «домашняя птица» (автор говорит о необходимости опоры на сферу представлений слушателей. Однако в данном случае образный компонент лексического значения как раз затушеван специальным обозначением породы). Близко к этому: *Когда вы говорите «черный шотландский пони», то разве это не выразительнее, чем простое слово «лошадь»?* (иноязычные читатели, очевидно, ответят «нет»).

Даже абсолютные культурологические лакуны не бывают бессодержательными. Активизируя определенные зоны сознания адресата самой своей непонятностью, они наполняются личностными смыслами: *Несмотря на прогресс, достигнутый в других отношениях, некоторых школьников до сих пор заставляют декламировать высокопарные речи Вебстера и Ингерсолла — нечто столь же устарелое и далекое от духа нашего времени, как шляпки миссис Ингерсолл и миссис Вебстер, если бы они вдруг воскресли и появились в них.* Эпитеты автора помогают восполнить, компенсировать лакуны.

Иногда важна не сама экзотическая реалья (хотя и это будит воображение), а то, во имя чего она упоминается. Например: *Их [правил красноречия.— Н. С.] не будет на этих страницах, ибо, как заметил в веселую минуту Джош Биллинг, нет смысла знать так много вещей, если они не такие, какими кажутся.*

Однако нередко оказываются зыбкими границы между культурологическими и языковыми лакунами, эти границы во многом определяются уровнем знаний интерпретатора. При необходимости языковые лакуны помещаются в примечаниях редактора переводного текста: *«Сладкое мясо» — зубная и поджелудочная железы.* В иных случаях, даже при детальном описании реалии, стоящей за словом, собственно языковые ассоциации могут оказаться невостребованными, а образ — обедненным: *...пусть выступающий будет виден, как заснеженная вершина Юнгфрау, возвышающаяся на фоне голубого неба Швейцарии* (за именем собственным скрыты ассоциации с чистой, высокой, стройной девушкой). Только родовое обозначение воспринимается в следующих сравнениях: *Одно или два важных слова возвышаются над ней [фразой.— Н. С.], подобно небоскребу «Эмпайр стейтбилдинг» на Пятой авеню в Нью-Йорке; Малейшее несоответствие в его [оратора.— Н. С.] внешнем виде так же бросается в глаза, как пик среди равнин.*

Автор постоянно подчеркивает, что успех коммуникации зависит от ориентации оратора в сфере жизненно важных интересов и потребностей слушателей. Это отражается и на овладении коммуникативно-речевыми стратегиями, культурно-речевыми навыками: *...каждый день о нас судят по нашей речи. Наши слова показывают нашу интеллигентность; они говорят прощательному слушателю о том обществе, в котором мы живем; они указывают на наш уровень образования и культу-*

ры... О нас судят на основании того, что мы делаем, как мы выглядим, что мы говорим и как мы это говорим. Отсюда необходимость завоевывать уважение тех, с кем мы общаемся, и не оскорблять слух внимательных слушателей. Владение языком рассматривается как важнейший способ контакта с миром: *Его неправильный английский язык неопровержимо свидетельствует всему миру, что он не является культурным человеком.*

Показательно, что огромную роль в активных занятиях по пополнению словарного запаса Карнеги отводит словарю тезаурусного типа, поиску собственного идеостилиа: *Не употребляйте истертых и избитых слов. Будьте точными при выражении своих мыслей. Держите словарь Роже «Сокровищница слов» на вашем письменном столе.*

Образной основе восприятия сознательно уделяется очень важное место. Ей посвящен один из разделов книги, который называется «Слова, создающие картину».

Известно, что 90 % информации человек воспринимает через органы зрения, а на глубинном уровне визуальная и вербальная информация подобны. Это не может не учитываться в коммуникативных стратегиях. Поэтому понятен призыв автора: *Насыщайте вашу речь фразами, создающими образы, а также словами, которые вызывают перед вашими глазами целую вереницу картин* (т. е. создают эффект кинематографического ряда). Или: *Используйте зрительное восприятие слушателей... Будьте определенными. Не говорите слова «собака», если вы имеете в виду «фокстерьера с черным пятном над правым глазом».*

Для облегчения восприятия автор пользуется, например, образными сравнениями: *Они бросаются в глаза в каждом предложении, и их так же много, как кроликов в Австралии* (общедоступное, «безлакунное» и наглядное сравнение). Некоторые образы могут показаться примитивными, но они привлекают своей безыскусственностью, ориентацией на нормы живой речи и возможностью использования в практике работы по развитию устной речи: *Юмор должен быть глазурью на торте, шоколадом между слоями торта, но никак не самим тортом* (опора не только на зрительные, но и на вкусовые ощущения; актуализация в компонентах сравнения сем «изысканный», «утонченный», «представленный в дополнение к основному»). Успех оратора увеличивает апелляция к бытовым ассоциациям: *Разве шофер просто бросает пакет в вашем дворе? Разве передать вещь — то же самое, что вручить ее? Почтальон, приносящий телеграмму, доставляет ее непосредственно тому, кому она адресована. Но удаётся ли это всем ораторам?* В серии риторических вопросов задействованы в аргументации свободные и связанные значения глаголов общей ЛСГ передачи, соотносящие нормы и стандарты практической и речевой деятельности.

Особое внимание автор уделяет эмоциональной сфере участников коммуникации, обеспечению эмоционального контакта, доверия к оратору, без которого информация не будет восприниматься всерьез. Эффект воздействия достигается за счет использования тематически оправданной лексики, образных выражений, удачных сравнений, эмотивных, оценочных коннотаций слов и фразеологизмов, их многократных повторов, привлечения приема иронии в полемике: *Искренность, подъем и глубокая убежденность тоже помогут вам. Когда человек находится под влиянием своих чувств, на поверхность выступает его подлинная сущность. Препяды падают. Пламя эмоций сжигает все барьеры. Он вложил душу в то, что говорил, и его изложение было действительным потому, что оно опиралось на подлинную красоту его собственной внутренней жизни.*

По замечаниям наших психологов, «...не будет безосновательным утверждать, что Карнеги дает современной науке больше, чем взял от нее, хотя вроде бы и не претендует на что-то большее, чем популяризаторство» [2]. Интерес к книгам Карнеги не угасает именно в силу их человековедческой направленности, вне которой гуманитарные науки перестают быть таковыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
2. Зинченко В. П., Жуков Ю. М. Предисловие // Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1990.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. Карнеги Д. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. М., 1989.
5. Кузнецов А. М. Варианты лексико-парадигматических структур // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
6. Михальская А. К. К современной концепции культуры речи // Филологические науки. 1990. № 5.
7. Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

М. В. ТРОСТНИКОВ

Московский лингвистический университет

ПЕРЕВОД И ИНТЕРТЕКСТ (Анненский и Верлен)

Сопоставляется поэзия П. Верлена как предтечи европейского декаданса и И. Анненского, стоявшего на пороге русского декаданса, поэтический язык которого ориентирован на предшествующую литературную традицию.

В последние годы широкую известность получила теория интертекста. Она может быть рассмотрена в трех основных аспектах:

1) прямое заимствование, цитирование, включение в поэтический текст высказывания, принадлежащего другому автору («Как хороши, как свежи были розы» — Мятлев, Тургенев, Северянин);

2) заимствование образа, своеобразный намек на образный строй другого произведения («Не жалею, не зову, не плачу» С. Есенина и IV глава поэмы «Мертвые души» Гоголя);

3) заимствование идеи, миросозерцания, способа и принципа отражения мира. Это наиболее трудновычленимое заимствование, которое подразумевает полное копирование чужеродной эстетики без использования идей другого автора в своем творчестве (так, поэтика Маяковского представляет собой поэтику А. Рембо, механически перенесенную на отечественную почву).

В контексте теории стихотворного перевода рассмотрим проблему интеркультурных контактов и соответственно интертекста.

Любой перевод представляет собой трансплантацию некоторого эстетического явления на не свойственную ему, чужеродную почву. Так, «Ein Fichtenbaum und die Palme» Гейне, превращающиеся то в пальму и сосну (Лермонтов), то в сосну и кедр (Тютчев), являются прекрасной иллюстрацией сказанному.

Воспользуемся образом, придуманным Л. Гумилевым (большой исторический микроскоп, при помощи которого можно в той или иной мере наблюдать происходящие события) [7], для иллюстрации анализа интеркультурных связей. Большая степень приближения позволит увидеть общекультурные взаимодействия, обнажит понятие «национального духа»; взаимодействие культур тогда станет подобным игре в четыре руки на фортепиано: при совпадающей мелодии и диссонансе в басах (аналогом которого может послужить базовый культурный фон — *cultural background*) вместо унисона слышится какофония¹. При более сильном увеличении станут заметны течения, направления, школы, стили, которые, образуя различные комбинации, создают причудливую ткань литературной жизни эпохи, включающую и отдельных представителей мира искусств. Таким образом реализуется известный постулат А. Бюффона: *un style — c'est un homme*. Наконец, при максимальном увеличении можно выйти на уровень отдельного текста — нечленимого атома, из которого впоследствии составляются мозаичные панно более высоких уровней обобщения. Именно уровень отдельного текста исследуется в данной статье.

Особое положение Анненского в русской литературе во многом обусловлено спецификой русской культуры рубежа XIX—XX вв., которая определялась происходившей в этот период сменой воззрений на природу языка и принципы его преломле-

---

¹ Аналогия между интеркультурными контактами и игрой на фортепиано заимствована у Р. Роллана [11].

ния в искусстве [13; 14]. Не случайно в этот период практически одновременно (с разницей в 5—10 лет) творили представители таких антагонистических эстетических направлений, как символизм, футуризм, имажинизм, акмеизм. Анненский, стоявший вне каких-либо литературных группировок, сумел отобразить в своем творчестве особенности существовавших в этот период поэтик, если под поэтикой понимать «совокупность возможных способов языкового воплощения замысла писателя и законы сочетания различных способов в зависимости от «типа языкового мышления», характерного для определенного этапа развития философских, лингвистических и общеэстетических знаний общества» [10, с. 937].

Роль Анненского в развитии языка русской лирики можно сопоставить с ролью Жуковского в поэзии XIX в.: синтезировав в своем творчестве достижения предшествующих этапов развития поэтического языка, они во многом сумели предвидеть последующее его развитие.

Параллель Анненский — Жуковский становится еще более явной при обращении к переводческой деятельности этих поэтов. Значительно изменяя оригинал, сознательно русифицируя его, оба поэта во многом выполняли чисто культурологическую миссию. И если Жуковский первым познакомил русского читателя с образцами западноевропейской романтической лирики, то Анненский одним из первых ввел читателя в мир европейского декаданса. Целый ряд переводов поэта фактически представляет собой «хрестоматию образов» отдельного сборника или всего творчества переводимого автора. В то же время, вводя оригинал в общий контекст русской поэзии, Анненский демонстрировал неразрывное единство европейской литературы, целостность общеэстетического процесса.

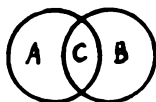
Традиционно принято выделять две школы перевода, представителей которых условно можно назвать «буквалистами» и «интерпретаторами». Задача первых (в их числе, например, В. Брюсов и М. Лозинский) заключается в том, чтобы максимально точно, почти дословно, передать средствами другого языка текст оригинала; задача вторых — создать адекватное оригиналу произведение². Анненский не вписывается ни в одну из этих групп, поскольку он «в лирических переводах выхватывает порою лишь отдельные характерные элементы и на них сосредоточивает внимание, передавая их точно, а все остальное воспроизводит, исходя уже из них, создавая фон, на котором должны выделяться более красочные пятна» [17, с. 58].

Такой метод перевода имеет много общего с обычным «внимательным чтением» и может быть отображен при помощи пред-

---

² Основные аспекты полемики между этими школами достаточно полно отражены в послесловии Л. М. Аринштейна к переводам Б. Пастернака [4].

ложенной Т. Казаковой схемы взаимопроникновения ассоциативных тезаурусов автора и читателя:

A — ассоциативный тезаурус автора, т. е. совокупность тех ассоциаций, которые вкладывает писатель, поэт, драматург в создаваемое произведение; *B* — ассоциативный тезаурус читателя, т. е. та эстетическая информация, которую способен воспринять читатель. Чем больше зона *C*, в которой они пересекаются, тем «понятнее» произведение [9]. Нулевая оппозиция, т. е. полное совпадение тезаурусов автора и читателя, естественно, невозможна. Более того, выйдя из-под пера автора, текст начинает самостоятельное существование («бытование»), получая дополнительные значения, которые сам автор в него не вкладывал, что приводит к отказу от самого понятия «текст» и «автор текста» в целом ряде исследований (см., напр. [5]).

При переводе текста на иной язык возникают несоответствия с национальным культурным фоном другого социума. Поэтому переводчик типа Анненского не только и не столько переводит текст, сколько адаптирует его к условиям бытования в иной языковой и культурной среде. Чем успешнее осуществлено «вживание» инородного текста в контекст чужой культуры, тем лучше перевод и тем выше мастерство переводчика. Сам Анненский достигал таких целей различными способами: русификацией текста, эстетизацией изображаемого (ср., например, «Феи расчесанных голов» с названием оригинала «*Les Chercheurs de roux*» — «Искательницы вшей» А. Рембо), тематическим расположением переводов и т. д. Однако наиболее интересной с филологической точки зрения является, как нам кажется, предпринятая в ряде переводов попытка опоры на собственно русскую поэтическую традицию, на известные читателю тексты. Примером этого может послужить перевод Анненским стихотворения П. Верлена «*Bon chevalier masqué*».

Сравним оригинальный и переводной тексты.

Bon chevalier masqué qui chevauche en silence,
Le Malheur a percé mon vieux de sa lance.

Le sang de mon vieux coeur n'a fait qu'un jet vermeil,
Puis s'est évaporé sur les fleurs, au soleil.

L'ombre éteignit mes yeux, un cri vint à ma bouche
Et mon vieux coeur est mort dans un frisson farouche.

Alors le chevalier Malheur s'est rapproché,
Il a mis pied à terre et sa main m'a touché.

Son doit ganté de fer entra dans ma blessure
Tandis qu'il attestait sa loi d'une voix dure.

Et voici qu'au contact glacé du doit de fer
 Un coeur me renaissait, tout un coeur pur et fier
 Et voici que, fervent d'une candeur divine,
 Tout un coeur jeune et bon battit dans ma poitrine!
 Or je restait tremblant, ivre, incrédule un peu,
 Comme un homme qui voit des visions de Dieu.
 Mais le bon chevalier, remonté sur sa bête,
 En s'éloignant, me fit un singe de la tête
 Et me cria (j'entends encore cette voix):
 «Au moins, prudence! Car c'est bon pour une fois»³.

Мне под маскою рыцаря с коня не грозил,
 Молча старое сердце мне Черный пронзил,
 И пробрызнула кровь моя алым фонтаном,
 И в лугах по цветам разошлася туманом.
 Веки сжала мне тень, губы ужас разжал,
 И по сердцу последний испуг пробежал.
 Черный всадник на след свой немедленно вернулся,
 Слез с коня и до трупа рукою коснулся.
 Он, железный свой перст в мою рану вложил,
 Жестким голосом так мне сказал: «Будешь жив».
 И под пальцем перчатки целителя твердым
 Пробуждается тело и чистым и гордым.
 Дивным жаром объяло меня бытие,
 И забилося, как в юности, сердце мое.
 Я дрожал от восторга и чада сомнений,
 Как бывает с людьми перед чудом видений.
 А уж рыцарь поодаль стоял верховой,
 Уезжая, он сделал мне знак головой.
 И досель его голос в ушах остается:
 «Ну, смотри. Исцелить только раз удастся».

Сравнение подстрочника с переводом Анненского показывает достаточно высокую точность стихотворного перевода, в котором многим французским реалиям найдены четкие соответствия, учитывающие специфику восприятия текста в русле русской стихотворной традиции.

Так, амбивалентность неизвестного рыцаря, одновременно приносящего и зло, и добро, в оригинале передана анафорическими антонимами: *bon* и *malheur*. Анненский заменяет эти два эпитета одним — *черный*, который в первом же двустии превращается в субстантивированное имя собственное.

Отметим, что Черный ближе по значению к *Le Malheur*, но французское слово подразумевает однозначно отрицательные коннотации, в то время как в русском языке существуют две взаимоисключающие традиции употребления этого цветового символа: фольклорная, где черный — цвет ночи, дьявола, злых

³ Стихотворение открывает сборник П. Верлена «Sagesse» [23].

сил, и романтическая, согласно которой черный — цвет Ночи, времени сна тела и бодрствования души. Первое явление всадника не дает возможности определить, добро или зло несет он, и здесь перевод Анненского вполне правомерен. Исключительно удачен перевод французского *p'afait qu'un* крайне редко употребляющимся русским глаголом *пробрызнуть*. Некоторое стилистическое несоответствие немаркированного французского выражения и экспрессивного русского глагола имеет более глубокие корни, чем элементарная стилистическая неточность перевода, и связана с общей тональностью перевода, отличной от оригинала. Но с семантической точки зрения эффект, подчеркивающий внезапность и интенсивность излияния крови из открытой раны, передан весьма точно.

Ряд мелких замен (*soleil* — *лучи*, *bouche* — *губы*, *yeux* — *веки* и др.) обусловлен особенностями поэтики Анненского, поэтики «метонимической», как неоднократно отмечали исследователи творчества поэта [8; 12; 19; и др.]. Перечень подобных мелких расхождений между оригиналом и переводом можно было бы продолжить, но буквализм не входит в наши задачи. К тому же дословный перевод практически невозможен⁴. В данном случае особый интерес представляют два момента, существенно отличающие перевод Анненского от оригинала; появление в тексте во сильных позициях ключевых слов идиостиля Анненского⁵ и принципиально иная стилистическая окраска текста.

Крайне важные для восприятия Анненского слова *ужас*, *испуг*, *чад* не имеют четких соответствий во французском тексте. Так, *un egi* («крик») Верлена преобразуется в *ужас*, *un frisson* («дрожь») — в *испуг*, вместо *inexorable un peu* («некоторая недоверчивость») — *чад сомнений*.

Несмотря на близость мировосприятий Анненского и Верлена⁶, несмотря на то, что сам Анненский неоднократно говорил о своей любви к Верлену (*И под музыку Верлена будет петь моя мечта* — «Не могу понять, не знаю...»), Анненский и Верлен являются разными художниками, их мирозерцания нельзя смешивать, а принципы, характерные для строения ху-

---

⁴ Нам известно всего два примера подобного рода — перевод «Завещания» Джо Хилла, выполненный М. Зенкевичем, и пушкинский перевод «Покаянной молитвы» св. Ефрема Сирина (впрочем, последний представляет успех весьма относительный) [18].

⁵ Статистический анализ языка лирики Анненского в сопоставлении с языком французского декаданса см.: [16].

⁶ Так, характеристика поэзии Верлена, данная М. Горьким в статье «Поль Верлен и декаденты» применима и к творчеству Анненского: «В его меланхолических и звучащих тоской⁷ стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты, ищет Бога и не находит, хочет любить и не может» [7, с. 124—125].

⁷ «Тоска», наряду со «скукой» и «мукой» составляет, как нам удалось установить, триаду основных сущностей философии творчества Анненского [15].

дожественного текста Верлена, нельзя распространять на поэзию Анненского.

Принципиальные различия между поэтикой Анненского и Верлена заслуживают особого разговора. Основная особенность поэтического языка Верлена заключается в том, что он сознательно избегает изысканных стилистических оборотов, сложных грамматических конструкций, выражает свою мысль предельно простым, часто разговорным языком. В то же время его стихотворения лишены лирического сюжета в традиционном понимании этого термина; как правило, в его произведениях речь идет лишь о душе, где развивается условное «действие» текста (см. [20]). Таким образом создается контраст между насыщенным, полным страстей внутренним содержанием текста и его внешней стилистической нейтральностью, отсутствием формальной экспликации лирического конфликта.

Именно этими особенностями языка лирики Верлена обусловлено отсутствие стилистической маркированности текста стихотворения «*Воп chevalier masqué*». Романтическая традиция предполагала обязательное подчеркивание неординарности происходящего, величия описываемого на всех уровнях организации стихотворения. Именно в соответствии с этой традицией поступает при переводе Анненский, употребляя архаизмы: лексические (*перста, немедля, объять, досель*), словообразовательные (*маскою, разошлася*), грамматические (*до трупа рукою коснулася*). Ориентация на «теорию трех штилей» Ломоносова — Тредиаковского подчеркивается изобилием глагольных рифм, свойственных русской поэзии XVIII в. и практически изжитых в поэзии начала XX в.

Рассказ о духовном перерождении героя завершается у Верлена нарочито сниженно. Выражение *au moins* не имеет точного русского эквивалента. Во французском языке оно используется для смягчения высказывания, его нейтрализации [22]. В некоторых случаях аналогом этого выражения может служить русское «по крайней мере». У Анненского же заключительная фраза становится приговором высшего судьи: *Ну, смотри. Исцелить только раз удастся*.

Весь сборник «*Sagesse*», задуманный и частично написанный Верленом во время тюремного заключения, содержит достаточно неожиданные для его творчества религиозные мотивы, чем значительно отличается от предшествующих произведений поэта. Свое заключение Верлен рассматривал как наказание за предшествовавшую распутную жизнь, и именно в тюрьме, как свидетельствуют его биографы, он на краткий период обрел определенный духовный стержень, осознал наличие божества в себе, что повлияло на цельность сборника, наличие в нем определенных общечеловеческих идеалов.

Однако, изменившись внутренне, Верлен не изменил своей поэтической манеры. Свойственное ему конкретное, «вещное»

мышление отразилось на представлении о религии, связанном, в первую очередь, с конкретной церковной атрибутикой, предметами культа, собственно церковной службой. Иначе говоря, религиозное обращение явилось для Верлена естественным событием, органично входящим в контекст обыденной жизни. Поэтому в сборнике «Sagesse» иные темы, сюжеты, объекты описания, но те же стиль, тон, тембр поэтического языка.

Отношение Анненского к религии было более сложным. Не вдаваясь в подробности, отметим его интерес к восточным религиям, в частности к буддизму, на который накладывалось осознание отсутствия благодати, невозможности уверовать так, как веруют дети, как веровал Верлен (см., например, стихотворение «Буддистская месса в Париже»).

В то же время Анненскому присущ некоторый мистический страх, отношение к религии как к чему-то возвышенному, недоступному. Критикуя протестантство Толстого, он пишет: «Для нас, нетолстовцев, Евангелие совершенно особая книга... <...> ...В церкви... наши лучшие минуты, когда нам читают Евангелие, и всякий раз в бессмертных словах на дорогом для нас за свою чуждость ежедневному языку мы воспринимаем освежающую душу новизну» (выделено мною.— М. Т.) [2, с. 68].

Обыденность, естественность, «нормальность» религии Верлена и «чуждость ежедневности», новизна, экстраординарность религии Анненского — в этом различие между двумя столь близкими по мировосприятию и стилю поэтами, именно здесь кроется глубинная причина принципиального отличия перевода Анненского от стихотворения Верлена. (Углубление противоречий, подчеркивание контрастов, большая экспрессия — все это черты, привнесенные в текст переводчиком.)

Как уже отмечалось выше, переводя французских поэтов, Анненский ставил перед собой не только творческие, но и просветительские задачи. Выбирая по одному, наиболее характерному, с его точки зрения, стихотворению из сборника, он пытался обобщить основные идеи и способы их выражения, свойственные данному поэту, и сконцентрировать их в одном тексте. Поэтому название сборника указывается в заглавии перевода, а не приводится по первой строчке, как это сделано у Верлена.

Сборник «Sagesse» посвящен проблеме обретения веры, содержит поэтическое описание прозрения, озарения, духовного посвящения лирического героя. В русской литературе существует поэтический текст, который воспринимается как образец описания такого события — стихотворение А. С. Пушкина «Пророк». Сила поэтической традиции привела к тому, что русский читатель каждое стихотворение, посвященное миссии поэта, вольно или невольно воспринимал под знаком пушкинского «Пророка».

«Вживляя» в русскую культуру чужеродный по образной системе и символическому подтексту текст Верлена, Анненский не мог не прибегнуть к совмещению двух столь далеких друг от друга поэтических и культурологических традиций. Результатом этого явился архаизированный язык перевода, возвышенность описания, выводящая текст за рамки ординарного, в то время как у Верлена — нарочитая сниженность, отсутствие пафоса в описании, например включение такого экстраординарного события, как поэтическое (божественное) откровение в контекст будничности. Поэтому разница между оригиналом и переводом, между Верленом и Анненским лежит не только в области поэтического, но и в области национально-духовного.

Французская литература представляет собой «сочетание высокой художественности и низкого уровня духовности» [1, с. 178], и этим она отлична от русской, проникнутой идеями мессианства, вестничества. Если русская литература развивалась «вглубь» (подчас в ущерб формальной, внешней, собственно литературно-художественной стороне), то литература французская развивалась «вширь». Поэтому можно говорить о том, что особенности национальных литературных традиций наложили отпечаток на анализируемые здесь произведения, в частности на заключительные сцены. Описание Верленом определяющей для поэта встречи с посланцем иных, высших, миров заключено в рамки обыденности, прозаичности, что отражается на эмоциональной окрашенности описания, которое лишь слегка опоэтизировано отзвуками рыцарских легенд. Перевод же Анненского содержит черты, характерные одновременно для двух противоположных поэтических сознаний, французского и русского.

Итак, рассмотренные в статье тексты позволяют говорить о крайне интересном аспекте проблемы интертекста. Текст Верлена в переводе Анненского совмещает различные культуры (поэтические, словесные, образные и др.) и может быть назван интертекстом интеркультуры.

Возвращаясь к образу исторического микроскопа, мы отметим, что сопоставление переводного и оригинального стихотворных текстов выходит на уровень межкультурного общесемиотического сопоставления, раскрывающего понятие «транснациональный дух», отдельные национально-культурные черты, наиболее полно отражающиеся в культуре, литературе, поэзии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев Д. Л. Роза мира. М., 1991.
2. Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979.
3. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1959.
4. Ариштейн Л. М. О Пастернаке — переводчике // Зарубежная поэзия в переводах Б. Пастернака. М., 1991.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
6. Горький М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23. М., 1953.

7. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Л., 1974.
8. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
9. Казакова Т. А. Структура и свойства ассоциативного ряда художественного текста // Язык и стиль английского художественного текста. Л., 1977.
10. Краткая литературная энциклопедия: В 8 т. Т. 5. М., 1968.
11. Роллан Р. Три откровения. М., 1965.
12. Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977.
13. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
14. Тростников М. В. Идиостиль И. Анненского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
15. Тростников М. В. Сквозные мотивы лирики Анненского // Изв. АН СССР. Отд-ие лит. и яз. 1991. Т. 50. № 4.
16. Тростников М. В. Язык лирики Анненского (лингвостатистический аспект) // Науч.-тех. информация. М., 1992 (Сер. 2. Информационные процессы и системы; № 4).
17. Федоров А. В. Поэзия И. Анненского // И. Анненский. Стихотворения и трагедии. Л., 1959.
18. Филиппов Б. Путь поэта // Заболоцкий Н. Стихотворения. Нью-Йорк, 1965.
19. Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969.
20. Эткинд Е. Г. Лирика Поля Верлена // П. Верлен. Лирика. М., 1969.
21. *Micro-Robert*. Dictionnaire du Française Primordial. P., 1980. Т. 1, 2.
22. *Verlain P.* Oeuvres complètes. P., 1968.
23. *Verlain P.* Sagesse. L., 1944.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994.

А. П. ЧУДИНОВ

Уральский педуниверситет

И. С. ЧУДИНОВА

Свердловский институт развития регионального образования

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ РЕЧЕВОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКА (на материале повестей А. Алексина)

Исследуется композиционно-речевая специфика повестей А. Алексина, характеризующаяся отождествлением главного героя и повествователя, обращающегося к событиям своего детства и ранней юности; выделяются средства выражения динамики речевого сознания героя, языковые сигналы, свидетельствующие о возрасте повествователя.

Речевая организация художественного текста в значительной степени определяется структурой повествования, которую В. В. Виноградов определил как «систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками» [2]. Композиционно-речевая специфика рассматриваемых повестей Анатолия Алексина («Домашний совет», «Сердечная недостаточность», «Раздел имущества») отождествляет главного героя и рассказчика: в каждом случае повествование ведется от имени подростка, рассказывающего о событиях своего детства и ранней юности. Таким образом, перед писателем, помимо прочего, стоит задача отразить динами-

ку речевого сознания героя: развитие языковой компетенции, пополнение словарного запаса новыми единицами, особенности восприятия лексической и фразеологической семантики в разном возрасте, оценку повествователем словоупотребления сверстников и взрослых.

В рассматриваемых повестях наблюдается определенное сходство сюжетов: привычное течение жизни нарушается событием, резко меняющим взаимоотношения в семье и заставляющим героя по-новому взглянуть на слова и дела близких людей, попытаться найти давние истоки последних событий. В результате возникает полифония этических оценок: рассказчика до и после перелома, других персонажей, автора произведения, читателей.

Вполне естественно, что воспоминания повествователя фрагментарны (всего не расскажешь!); но эпизоды, которые воспринимаются сначала как связанные потоком сознания, постепенно выстраиваются в стройный ряд, позволяющий понять закономерности, казалось бы, непредсказуемых преобразований, увидеть в прошлом истоки поступков героев [6, с. 51].

Необходимо учитывать возраст повествователя, который (особенно в детстве) мог чего-то не заметить, какие-то факты оценить не совсем точно. Поэтому следует обратить внимание на диалоги, смысл которых не всегда одинаково воспринимается повествователем и читателями. Комментарии главного героя к поступкам взрослых людей и своих ровесников нередко свидетельствуют об интеллектуальной зрелости, нравственных качествах, являются отражением «диалектики души». Автор постоянно подчеркивает, что этические оценки ребенка часто оказываются очень точными, а свежесть детского взгляда на мир помогает увидеть больше, чем это дано взрослому человеку.

Повествование от имени юного героя требует особой организации внутреннего монолога и диалогов, заключающейся в постоянной имитации речевого сознания подростка. Задача писателя не зеркальное отражение возрастного уровня при помощи грамматических и лексических средств, а создание у читателя иллюзии «невзрослости» повествователя с использованием специальных приемов.

Сигналом «детства» в повестях Алексина часто служит обостренное внимание рассказчика к внутренней форме слов и фразеологизмов: у героя еще не выработался характерный для большинства взрослых людей автоматизм восприятия, при котором превалируют не деривационные, а парадигматические и синтагматические связи. Ребенок в отличие от взрослого острее ощущает внутреннюю форму, и в неразложимом сочетании ему нередко видятся составные части, создающие необычный зрительный образ. Например: *В конце концов, полностью уверовав в мою несмышленость, Антон Александрович решил объяснить маме в любви: «Софья Васильевна... Сонечка! Загляните*

пристальной мне в глаза. Неужели вам ничего не ясно?». И тут я заорала... Я схватила маму за руку и потащила ее в другую комнату, чтобы она не успела заглянуть в глаза Антону Александровичу («Раздел имущества»). Запечатлевшийся в памяти эпизод введен в текст не случайно: он позволяет показать, как рано сформировалось у ребенка негативное отношение к лошеному поклоннику матери.

Характерный для А. Алексина прием столкновения в тексте фразеологизма и эквивалентного свободного сочетания также служит признаком детского языкового сознания. Ср.: *У бабушки же со дня моего рождения цель была действительно одна: поставить меня на ноги. Сначала в прямом, а потом в переносном смысле («Раздел имущества»); Я любила, когда Павлуша доставал что-либо «из-под земли», потому что знала: именно там, под землей, таятся самые главные сокровища, именуемые полезными ископаемыми («Сердечная недостаточность»).* В данном случае фразы принадлежат уже не детям, а юным девушкам, что позволяет автору использовать игру слов от имени повествователя.

Языковая компетенция подростка постоянно совершенствуется: он узнает новые слова и уточняет значение уже известных, знакомится с моделями семантического варьирования [8], пополняет сведения о лексической и синтаксической сочетаемости слов. Это речевое развитие находит отражение в текстах повестей. Ср.: *Раньше я знала, что карты бывают географические, игральные, топографические. Оказалось, есть еще и курортные («Сердечная недостаточность»).* Знакомство с новыми реалиями и понятиями сопровождается непрерывным обогащением словарного запаса подростка.

Исследователи детской речи отмечают распространенность в ней семантико-структурных сближений по типу народной этимологии [3; 4; 7]. Этот прием постоянно используется А. Алексиним. Например, так обыгрывается имя одного из героев: *Мой брат Ирину хронически раздражал: «Он хочет соответствовать имени «Владик»: завладеть всем. И даже, представь себе, сердцем. К примеру моим» («Домашний совет»).* Подобные структурно-семантические сближения позволяют писателю более точно показать индивидуальность героя: «чувство языка», внимание к слову являются ее яркими характерными чертами.

Речевое сознание подростка ясно узнается и тогда, когда автор акцентирует внимание на почти утраченных языком семантических связях, сближает значения омонимичных слов. Ср.: *Научную лабораторию ...возглавлял член-корреспондент Савва Георгиевич — ученый с мировым именем. — «У него и характер мировой!» — сказал я однажды. — Предложил мне прокатиться на белой «Волге» («Домашний совет»).* Ср. также: *Я знала, что прежде существовали родовые поместья, родовые устои, родовая знать... А у меня была родовая травма («Раздел*

имущества»). В первом случае подросток сближает семантику прилагательных-омонимов («всемирная известность» и «отличный характер»). Во втором контексте значения омонимов противопоставлены (позитивная и негативная оценка реалий). В речи юного героя встречаются однокоренные слова с противопоставленной семантикой: *Я слушала всех, но слушалась только бабушку* («Раздел имущества»). Подобные фразы говорят об обостренном внимании героя к внутренней форме слова.

Следует помнить, что представления о «живых» и «мертвых» метафорах в речевом сознании ребенка нередко имеют совершенно иной характер, чем в языковой компетенции взрослого. Вторичные значения, воспринимающиеся нами прежде всего с точки зрения их понятийной соотнесенности, могут казаться детям очень образными, «свежими», связи между значениями слова для школьника более важны, чем для взрослого. В структуре повествования указанная особенность детского восприятия нередко отражается путем развития метафоры, использования в сопоставимых вторичных значениях слов из ее ближайшего окружения. Ср.: *Когда меня показывали очередному профессору, мама обязательно шепотом предупреждала, что это «самое большое светило». На сей раз «самые большие светила» собрались все вместе. Просто слепило в глазах* («Раздел имущества»). В дальнейшем контексте продолжается развертывание ключевой, по терминологии Н. Д. Арутюновой (см. [1]), метафоры «выдающийся ученый — светило».

Показателен отбор глаголов, используемых повествователем для обозначения действий других персонажей. Так, в повести «Раздел имущества» при описании действий матери особенно часто используются слова, обозначающие процесс мышления: *Бездумно мама не бросала слова ни на ветер, ни в безветренную погоду. Она выстраивала мысли с алгебраической точностью, вынося за скобки все лишнее*. При речевой характеристике экскурсовода-отца особенно часто встречаются глаголы *объяснять, цитировать, поддерживать, аргументировать*. Наконец, говоря о любимой бабушке, девочка постоянно употребляет лексику, отражающую эмоциональное состояние и отношение. Разумеется, в данном случае речь вовсе не идет о целенаправленном отборе подростком слов определенных тематических групп, но используемая лексика в определенной мере служит скрытым показателем отношения повествователя к ближайшим родственникам.

Литературная критика неоднократно отмечала, что «в центре алексинских повестей — семья, первичная ячейка людской общности», в которой «растущий человек получает начальные, может быть, самые впечатляющие уроки нравственности и морали» [5, с. 94]. Поэтому вполне закономерно, что в рассматриваемых повестях часто используются термины родства. Специфика семантики этой группы слов состоит в том, что понятий-

ное ядро окружено множеством ассоциативных признаков, значимость которых способна превышать яркость ядерного значения.

Детское сознание лучше воспринимает эмоциональный ореол значения слова, чем его понятийное содержание. Поэтому один из любимых приемов Алексина — акцентирование ассоциативных признаков слова при снижении функциональной значимости его ядра (строго говоря, слово в таких случаях не связывается со своим обычным денотатом). Ср.: *Когда бабушка впервые объяснила мне, что самое дорогое слово на свете «мама», я стала называть ее «мамой Асей»: у бабушки было редкое имя Анисья* («Раздел имущества»).

Интересно, что некоторые герои Алексина предпочитают использование перифразы вместо точного обозначения родственных отношений. Так, Ирина называет Владика не братом, а только родственником Сани («Семейный совет»), Галя постоянно называет своего отца «муж моей мамы» («Сердечная недостаточность»). Такое словоупотребление точнее передает суть высказывания, раскрывая отношение героев к другим персонажам.

Использование приемов тавтологии, алогизма при употреблении терминов родства в повестях Алексина поднимает глубинные значения слов. Ср.: *Мама усиленно пыталась сделать двух братьев братьями* («Домашний совет»). Специфика такого словоупотребления состоит в том, что сначала слово *брат* использовано исключительно в терминологическом смысле, а затем на первый план выходят ассоциативные признаки: «сделать братьями», т. е. воспитать родственные чувства. Ср. еще: *Он [Павлуша] был вторым маминим мужем. Но на самом деле единственным, потому что первый, по мнению мамы, званием мужа и отца не заслуживал. Мама раз и навсегда присвоила ему титул «эгоист»* («Сердечная недостаточность»). Очевидно, что человек не может считаться единственным мужем женщины только на том основании, что его предшественник — эгоист, но в данном случае важны не ядерные семантические признаки слова, а его ассоциативный фон: для героини повести муж и отец — это звания, которые человек должен заслужить постоянной заботой о семье.

Рассмотренные выше факты свидетельствуют, что для создания речевой характеристики молодого героя Алексин постоянно использует специальные средства: сопоставление фразеологизма и эквивалентного свободного сочетания, акцентирование внутренней формы и структурно-семантических связей слов, народно-этимологическую мотивацию, усиление значимости ассоциативных признаков на фоне снижения яркости ядерных сем, специальный отбор лексики. В других случаях показателем юного возраста повествователя служит образование ненормативных слов и словосочетаний, отказ от эвфемизмов, немотивированное

использование просторечной и стилистически окрашенной лексики, личностная оценка рассказчиком словоупотребления взрослых. Таким образом, речевой облик молодого героя становится важной составной частью всей структуры повествования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
3. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов, 1981.
4. Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии: Учебн. пособие. Свердловск, 1989.
5. Мотышев И. Воспитание чувств // Роман-газета. 1980. № 11.
6. Николина Н. А. Структура повествования в автобиографической прозе // Русский язык в школе. 1986. № 4.
7. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.
8. Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. А. ИЛЮХИНА
Самарский университет

ОБ ОДНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ («лошадиные» метафоры)

Рассматриваются устойчивые метафорические комплексы, обобщающие наиболее существенные, социально значимые представления о лошади, анализируется специфика регулярной метафорической модели «животное — человек».

Описание механизма полисемии в настоящее время ведется в разных аспектах, в том числе в плане выявления картины регулярной многозначности на материале различных типов лексических объединений. М. М. Покровский писал, что «семасиологический процесс распространяется на целые категории слов» и «история значений известного слова будет для нее только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, *принадлежащими к одному и тому же кругу представлений*» (выделено нами.— Н. И.) [2, с. 75]. Данный принцип приложим не только к этимологическим разысканиям, но и к анализу фактов современного языка и может быть использован при рассмотрении семантического диапазона слова на более широком лексическом фоне. В этой связи нами предлагается взгляд на полисемию в рамках ассоциативно-семантического поля, т. е. лексического массива, объединенного общим эмпирическим образом и комплексом интеллектуальных и эмоционально-оценочных представлений.

В составе общеизвестной метафоры «животное — человек» в качестве модификации выделяется метафорический комплекс «лошадь — человек». Очень часто он реализуется в рамках более частной разновидности «запряженная лошадь — несвободный в каком-либо отношении человек» и характеризует лицо прежде всего в социальных связях, которые ограничивают свободу деятельности, ставят в отношения подчинения, зависимости, необходимости. Например: *По сути, Гайдар покаялся в том, что слишком рано опустил вожжи «государственного регулирования», опрометчиво понадеявшись на рыночные стимулы* (С. Разин); *К. Федин отрицает какую бы то ни было возможность и необходимость вмешательства каких бы то ни было сил, «понукающих», по его определению, замкнутый мир деревенской культуры* (Н. Рымарь); *в сонмище людском я был как лошадь, загнанная в мыле, пришпоренная я смелым ездоком* (С. Есенин); *Он ...видя кровавый разгул в стране начал править Алексея на военную стезю, наверное, полагал мудрый старик, что уж военных-то, силу свою и и мощь, большевики подрывать не будут...* (В. Астафьев).

Прежде всего отметим, что коррелирующие между собой ключевые лексемы рассматриваемого поля *лошадь*, *конь* и *кляча* обладают несовпадающими семанτικο-ассоциативными связями. Наиболее противопоставлены слова *конь* и *кляча*: с первой из них ассоциируются представления об изначально свободном, сильном существе (типичные контексты — *необузданный, пришпорить, встать на дыбы, закусить удила* и т. п.), со второй — представления о существе измученном, обремененном, привыкшем к несвободному положению (типичные контексты — *загнанная, заезженная, впрячь, хомут, понукать* и т. п.). Указанные закономерности обнаруживаются при употреблении слов *конь* и *кляча* как в основном, так и в переносном значениях.

Наблюдения показывают, что рассматриваемый метафорический образ сравнительно редко эксплицируется непосредственно словами *лошадь*, *конь*, *кляча* в составе собственно метафорической или сравнительной конструкции. Чаще всего указанный образ воплощается через названия частных атрибутов этого денотата — элементов упряжи, процессов запрягания, управления, что вполне обеспечивает узнаваемость образа и репрезентирует тот же общий категориальный смысл.

Как уже указывалось, образ запряженной лошади используется для характеристики человека прежде всего в аспекте социальных связей в различных конкретных сферах его жизнедеятельности.

В одних случаях рассматриваемый метафорический образ отражает отношения народа и «власти» — политический, идеологический и государственный диктат. Ср.: *Но явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо*

зажмет в своем кулаке бразды правления (И. Бунин); Он тщетно пытается обуздать народ и всю страну циркулярами, параграфами... придав всему хоть какой-то порядок (Л. Новиков); Складывается впечатление, что готовится ей [культуре] новая узда, на этот раз не классовая, а национальная (Л. Никитина).

В других случаях метафорический комплекс «человек» — «лошадь» используется по отношению к межличностным связям человека с целью отразить его подчиненное положение в рамках должностной иерархии, внутрисемейных отношений и других видов зависимости. Ср.: Когда я заговорил про француза, он вдруг осадил меня и строго спросил... (Ф. Достоевский); Это был неосновательный, ненадежный мужик, и, быть может, если бы она [жена] не понукала его постоянно, то он не работал бы вовсе (А. Чехов); Выделив прибавку одной части рабочих, владелец выиграл, внеся элемент зависти и подхлестнув к повышению производительности остальных (В. Вишневский). Для отражения подобных ситуаций нередко используется прием «раздвоения субъекта», который выражается в субстантивной номинации состояний лица как самостоятельных сущностей, ср.: А мой Копейкин, — голод-то, знаете, пришпорил его (Н. Гоголь).

Метафорический комплекс «человек» — «лошадь» нередко используется по отношению к моральным нормам как сдерживающему, ограничивающему началу, по отношению к тяготящим человека повседневным обязанностям. Ср.: И он стал размышлять об этом, в первый раз за свою жизнь отпустив моральные вожжи... Во имя каких таких святынь проколесил ты, голубчик, по жизни на натянутых вожжах? Считал себя порядочным человеком, принадлежал к порядочному обществу (А. Толстой); Поплакала я [выходя замуж за многодетного человека. — Н. И.] да и потянула воз, богом мне определенный (В. Астафьев). Вблизи была Обломовка; там вечный праздник! Там сбывают с плеч работу, как иго¹, там барин не встает с зарей и не ходит по фабрикам... (И. Гончаров).

Рассматриваемый лексико-семантический комплекс может быть интерпретирован как метафорическая категория, которая обладает обобщенным значением, реализующимся в комплексе частных разновидностей, и системой средств выражения — словами разных частей речи, разных лексико-семантических и тематических групп, связанных между собой и с ключевым словом ассоциативными отношениями, объединяющимися общим

---

¹ В современном русском языке за лексемой *иго* закрепились только вторичная — типичная для всего данного метафорического комплекса — функция выражения идеи несвободы, гнета, тягот (см., например, [4, с. 115—116]).

эмпирическим образом и тем обобщенным типовым значением, которое с ним связано.

Данная метафорическая категория воплощается в языке на базе ассоциативно-семантического поля, лексический состав которого, имеющий разную категориальную природу и денотативную отнесенность, обуславливает возможность структурирования типовых ситуаций и их разновидностей. Рассмотрим некоторые из основных аспектов семантической структуры данной метафоры.

Ключевая лексема *лошадь* и ее корреляты *конь* и *кляча* способны актуализировать широкий комплекс смыслов, ассоциирующихся с образом в целом и характеризующих лицо. Прежде всего, это «несвобода в каком-либо отношении», «принуждаемость», «обремененность обязанностями», «физическая выносливость», «включенность в тяжелый однообразный труд», «изношенность постоянным трудом, тяготами» и др. В реализации подобных смыслов наряду с ключевым словом участвуют самые разные лексические средства этого поля. Ср.: *Дуня нанялась батрачкой к богатому куркулю, и ее заездили тяжелой работой* (Ф. Гладков); *Говорят, что Горький потом отказался от собственного взгляда на интеллигенцию как на ломовую лошадь истории, я остаюсь при его прежнем мнении* (Ю. Крелин); *Чего-ж не поела-то? Дорогой свалилась бы...— Да я отколупнула корочку, пососала и дотачилась вот, слава богу. Я что? Я— ломовой конь* (В. Астафьев). Ряд этих смыслов заключают в себе и пословицы *Укатали Сивку крутые горки; Укатали Савраску горы да овражки* и др.

Актуальные смыслы и эмоциональные оценки, выражаемые лексемами *лошадь*, *конь*, *кляча*, оказываются близкими при их употреблении и в прямом, и в переносном (см. выше) значениях, и в составе сравнительной конструкции. Ср.: *Он тянул все эти устои, как лошадь воз, хотя без понукания, но и без всякой охоты. Уставщика из сына не получалось...* (В. Астафьев); *И по сию пору, когда я гляжу на рабочую конягу, мне вспоминается покойный дедушка Илья Евграфович...* (В. Астафьев).

Глаголы *запрячь*, *обуздать*, *захомутать*, *зашорить*, *стреножить* и др. с разным акцентом передают общую идею установления ограничения, часто связанного с подчинением данного лица кому-либо или чему-либо.

Лексемы *обуздать*, *взнуздать*, сочетание *надеть узду* эксплицируют смысл «ограничить поведение, развитие лица», например: *Это быстро надоело Рудаеву, и он решил обуздать отца* (В. Попов); *Некрасов усвоил такую манеру: едва поставив в правительстве требование к военному министру, спешит тотчас опубликовать его и в газетах: обуздайте ваших солдат на моих железных дорогах...* (А. Солженицын); *Не менее пугает русскую интеллигенцию неизбывное стремление русских же ее*

оппонентов надеть на культуру ту или иную узду (Л. Никитинский).

Сочетание *держать в узде* означает «распространять несвободное состояние на некоторый промежуток времени». Ср.: *Оторвав Гитлера от Папена, Шлейхер рассчитывал в этом случае держать Гитлера в узде* (С. Маслов). Противоположное значение «снять, устранить ограничения» передают глаголы *разнуздать, разнуздаться*, сочетание *снять узду*, например: *Погромы и грабежи разнуздали мамонтовцев настолько, что казаки перестали внимать приказам Мамонтова* (К. Федин).

Лексема *стреножить* чаще всего символизирует предельное ограничение кого-либо в его жизнедеятельности. Ср.: *Нельзя уверенно шагать в завтра, будучи стреноженным иллюзиями и предрассудками прошлого...* (Н. Потапов). Лексемы *запрячь, впрячь, припрячь* означают установление ограничений, которые связаны с выполнением лицом какой-либо обязанности, роли, например: *Токарь Жук лодырничает. Надо запрячь его в работу* (Ф. Гладков); *...обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом, и всем чем ни попало... Нет, пора наконец припрячь и подлеца* [о Чичикове] (Н. Гоголь).

Лексема *хомутать* и производные *охомутать, нахомутать, захомутать*, а также сочетание *надеть хомут* передают значение «облечь кого-либо обязанностями, навязать определенную роль, которые оцениваются как обременительные для лица и ограничивают его свободу», например: *Возмущенные яростным докладом Стеклова, правые в ИК в час ночи собрались назначить противоположного содокладчика — и на кого же нахомутать? — на Гиммера!* (А. Солженицын).

Лексема *оседлать* означает «поставить кого-либо в личное подчинение, которое выражается в откровенно доминирующем положении одного по отношению к другому», например: *Колязин умел вести собственные дела: тут уж никто не мог его оседлать* (И. Тургенев); — *Куда он денется, ваш комбат! Его начштаба крепко оседлал* (А. Чаковский).

Глагол *зашорить* и его производные также связаны с передачей идеи ограничения, однако в специфическом ее аспекте — как ограничения полноты восприятия какой-либо ситуации, создания искусственной узости в представлениях о чем-либо, например: *Пост идеологического работника зашорил ее в отношениях с молодежью* (В. Иванов).

Другая глагольная семантическая парадигма связана с передачей идей принуждения лица в условиях его подчиненного положения: побуждения его либо к осуществлению какого-либо действия (*понукать, пришпорить, подхлестнуть, подстегнуть, поднять на дыбы* и др.), либо напротив, к прекращению действия или определенного поведения (*осадить*).

Лексема *понука́ть* характеризует побуждение к действию лица, не испытывающего собственных потребностей в его осуществлении, неохотно выполняющего свои обязанности, например: — *Скорее! Скорее! Скорее!* — *понукал я без конца своего возницу* (М. Морозов); *Работали, понукая друг дружку...* (В. Астафьев).

Лексемы *подхлестнуть*, *подстегнуть*, *пришпорить* выражают идею более категоричного и эффективного насильственного воздействия с целью принуждения к осуществлению действия, его ускорения, например: *Но статья подстегнула меня. Теперь я должен был действовать* (В. Каверин); *Не знали вы, что в сонмище людском я был как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком* (С. Есенин). Лексема *нахлестывать* указывает на многократность воздействия, ведущего к постоянному содержанию лица в состоянии напряжения.

Лексема *осадить* передает принудительное воздействие с целью прекращения выполняемого действия, например: *...такую резолюцию... выгодно используют против нас. Пойдут толки, что мы — в союзе с Вильгельмом и Германия транспортирует к нам революционеров в своих целях. (Косвенно он так и Ленина осадил.)* (А. Солженицын).

Особняком стоит сочетание *поднять на дыбы*, передающее идею принудительного воздействия к определенному поведению, которое сопровождается сопротивлением со стороны принуждаемого, например: *О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной, На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы?* (А. Пушкин).

Ряд глагольных сочетаний образуют парадигму с общим значением «тип поведения в условиях принуждения». В рамках этой парадигмы по признаку «наличие/отсутствие сопротивления в ответ на принуждение» противопоставлены следующие выражения: с одной стороны, *идти на поводу*, с другой — *встать на дыбы* и *закусить удила*. Первое сочетание характеризует покорное поведение лица в ситуации подчинения, указывает на отсутствие с его стороны какого-либо сопротивления, например: *Борисов собрал комсомольское бюро и спросил — до каких пор они намерены идти на поводу у таких, как Морозов* (Д. Гранин); *Только ты имей в виду, Дом покину, а не буду у тебя на поводу* (А. Яшин).

Сочетания *встать на дыбы* и *закусить удила* характеризуют лицо, которое сопротивляется воле подчиняющего и стремится к освобождению от зависимости, навязывания чужой воли, например: — *Отчего это во всех москвичах... есть что-то резкое. Что-то они все на дыбы становятся, сердятся* (Л. Толстой). Здесь сочетание *встать на дыбы* означает активное сопротивление предлагаемой перспективе. Сочетание *закусить удила* указывает на сопротивление, которое основано на желании избавления (хотя бы временном) от подчинения, получения

некоторой свободы поведения для реализации собственных устремлений.

Особое внимание следует уделить лексической микропарадигме, указывающей на наличие/отсутствие ограничений в поведении какого-либо лица: *необузданный — обузданный — разнузданный*. Лексема *обузданный* характеризует лицо, которое, будучи изначально свободным, в данном случае ограничено чем-либо в проявлении своих устремлений. Лексемы *необузданный* и *разнузданный* характеризуют человека, на которого не распространяются какие-либо ограничения (ср. также сочетание *саврас без узды*), например: *Страшна и необузданна была она в гневе* (Г. Марков); *Лара-Ларский был бесстыднее, разнузданнее, пошлее и самоувереннее всех остальных* (А. Куприн).

В то же время слова *необузданный* и *разнузданный* противопоставлены друг другу, и прежде всего в оценочном плане. Лексема *необузданный* обозначает тип поведения человека, руководствующегося внутренними импульсами и не привыкшего к регулированию поведения извне, иногда может символизировать также естественное свободное поведение, тогда как лексема *разнузданный* характеризует лицо, которое может регулировать свое поведение, но нередко переходит общепринятые границы, чем вызывает соответствующую отрицательную оценку.

Идеи ограничения, принуждения лица отражены также в существительных *хомут, вожжи, узда, упряжка, шоры, путы* и др., служащих в прямом значении названия элементов упряжи.

Так, лексема *упряжка* обозначает средства ограничения свободы какими-либо обязанностями, связями, в которые включено то или иное лицо. В составе некоторых сочетаний (типа *быть, ходить, находиться в одной упряжке, в упряжке с кем-либо*) она выражает идею вынужденного сосуществования нескольких лиц, чаще всего равноправных по отношению друг к другу, например: *Вообразите себе мужа деятельного, энергичного..., который любит путешествовать, веселиться,— и впрягите его в одну упряжку с флегматичной, вялой, медлительной женой...* (А. Моруа); *...У Булгакова в муках выкристаллизовывалась сквозная тема всех будущих лет — возвращение церковного христианства «в общую запряжку истории»* (И. Роднянская).

Лексемы *хомут, иго* (как и примыкающие к ним по функции слова *ярмо, тягло*), *воз* символизируют не только зависимость, ограничение свободы лица, но и тяготы, обремененность какими-либо обязанностями, например: *Судьба запрягла Ивана опять в трудовой хомут* (Г. Успенский); *Нас называют анархистами — за то, что мы не признаем ига капиталистов* (А. Солженицын); *[перед женитьбой] — Э-эх, отыгралась... отвистела жизнь! Теперь до самой смерти в тягло...* (В. Астафьев).

Лексема *возжи*, сочетание *бразды правления* являются символическим наименованием власти, указывают средства управления зависимым лицом. Ср. семантику сочетаний *держать возжи в руках, прибрать возжи к рукам, принять бразды правления, собрать возжи, натянуть возжи, распустить и ослабить возжи*, часто используемых для характеристики разных проявлений властных функций.

Слово *узда* является часто символом сдерживания, ограничения свободных проявлений, например: *Вот опять бога помянул. А ведь сам в душе-то знает, что это лишь пугало для людей, узда невидимая* (В. Астафьев); *...общество битком набито такими женщинами, которых решетка тюрьмы, то есть страх, строгость узды... уберегали от факта* (А. Кони).

Лексема *шоры* функционирует как символ средства ограничения полноты восприятия, например: *Воспитанный на Тургеневе, Гончарове, лучших творениях Писемского и Мельникова-Печерского, Анатолий нетерпеливо рвался в университет — к учебе без шор, инспекторского догляда...* (Г. Миронов, В. Миронов).

Лексема *кнут* символизирует средство жесткого, исключительно насильственного принуждения. В этом значении, как и в прямом, она коррелирует со словами *хлыст, бич* и др., например: *Тогда широко применяли практику кнута и пряника* (К. Назаров); *Появление в «Правде» статьи «Диктатура, где твой хлыст?» ...открывает гонения на ту часть интеллигенции, которая продолжает отстаивать право на независимость мнений от господствующей идеологии* (М. Горбаневский).

Лексема *путы* служит символом ограничения развития, деятельности, например: *Замысловата была его позиция... пустить буржуазию в правительство, перевязав ее левыми путями, и тут же начинать против нее всенародную борьбу...* (А. Солженицын).

Итак, данная метаморфическая категория характеризует:

1) лицо: а) наличие/отсутствие ограничивающих начал в его поведении: *обузданный — необузданный — разнузданный* и др.; б) отношение «подчиняющий — подчиняемый»: *ямщик — лошадь, тройка; всадник — конь* и т. п.; в) вынужденное сосуществование с другим лицом: *быть в одной упряжке* и др.; г) поведение в условиях ограничения: *идти на поводу — встать на дыбы* и др.;

2) акт наложения/снятия ограничений: *надеть узду, обуздать — снять узду, разнуздать* и др.;

3) разные виды ограничения, связанные с частичным или полным лишением свободы, распространяющиеся на разные стороны жизнедеятельности лица: *запрячь, оседлать, зашорить, стреножить* и др.;

4) разные типы насильственного побуждения: *понукать — прищипоривать* и др.;

5) средства ограничения или принуждения: *узда, вожжи, хомут, шоры, кнут* и др.

Названные аспекты характеристики лица, включенного в систему социальных связей, определяют основные контуры семантической структуры метафорической категории «лошадь — человек», выражаясь лексическими средствами ассоциативно-семантического поля ключевого слова *лошадь*. Данная метафорическая категория, благодаря уникальности исходного денотата, организующего данный лексический массив в единое поле, располагает богатым специфическим потенциалом. Исследуемый образ занимает в языковой картине мира особое положение (ср. семантико-ассоциативный потенциал названий других животных: *корова, собака, лиса, волк* и т. д.), представляя собой органическое средство многосторонней характеристики лица в системе широких социальных связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
  2. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
  3. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988.
  4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.
- Т. 2.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Е. И. КОРНИЛКОВА
Уральский педуниверситет

ТИПЫ КОНТЕКСТОВ, МОТИВИРУЮЩИХ ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Исследуются контекстные закономерности образования оценочных значений у относительных прилагательных, выделяются варианты семантики, связанные с актуализацией семантических и ассоциативных признаков базового существительного, и вторичные значения, характерные только для определенных групп прилагательных.

Отсубстантивные прилагательные с исходным относительным значением, развивающие вторичные качественные, требуют особого внимания к анализу типов контекстов, необходимых для актуализации и наведения оценочного компонента значения.

Оценочность — один из показателей перехода относительных прилагательных из разряда идентифицирующих в разряд предикатных слов (по терминологии Н. Д. Арутюновой) [1]. Оценочное значение понимается нами только как «положительный» или «отрицательный» знак, приобретаемый словом или проявляющийся в слове в некоторых контекстных условиях.

Оценочность слова может быть верифицирована путем наложения «модальной рамки» оценки («Это хорошо / плохо, что Р») или путем трансформации фразы в собственно оценочное суждение. Пример такой трансформации дает Е. М. Вольф: «Спокойные (и это хорошо) места, в которых раньше совершались ужасные (и это плохо) события» [2, с. 8]. Основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаками «хорошо / плохо». Оценка понимается нами как «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией субъекта оценки и обозначаемой реалией (точнее, каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, утилитарному и т. д.) в соответствии со стандартом, существующим в некоторой картине мира» [3, с. 23].

При анализе типов контекстов, в которых реализуются оценочные значения у относительных прилагательных (ОП), мы исходили из предположения о том, что данная группа прилагательных неоднородна с точки зрения силы и слабости проявления оценочного смысла слова и речи. В зависимости от этого требуется определенный контекст, объем и качественные характеристики которого рассматриваются в статье.

ОП (в большинстве своем синтаксические дериваты) способны заимствовать оценочность у производящего существительного. Оценочность существительного может быть потенциальной или находиться на периферии его лексического значения, например у существительного *казарма* в качестве оттенка значения в словаре следующее толкование: «некрасивое, унылое, построенное по шаблону здание» (дано с пометой «неодобр.»). ОП *казарменный* в сочетании с существительными *дух*, *быт* реализует оценочную сему, которая у существительного *казарма* находится на периферии. Аналогично: *тюремная мораль*, *подвальная жизнь*. Отмечено, что оценочный смысл появляется у данной группы ОП в сочетании с существительными абстрактной семантики.

Минимальный контекст (определяемое слово) для проявления оценочности ОП достаточен и в том случае, когда у существительного оценка входит в денотативный компонент значения. По закону семантического согласования аналогичная оценка находится в значении ОП: *венозные сплетни* (Л. Ванеева), *книжное дрянцо* (А. Белый).

Говорить о наведении и актуализации оценочности у ОП целесообразнее в контексте большем, чем словосочетание, так как в высказывании в целом есть больше возможностей для поддержания или наведения оценки. Вне высказывания затемнена оценочность прилагательного в сочетании *казарменный быт*. Ср.: *Шла уборка, и не уборка, прямо сказать, штурм казарменного черного быта* (В. Астафьев). Интенсификации оценки служит позиция прилагательного в синонимиче-

ском ряду с собственно оценочным прилагательным *черный*. Кроме того, в слове *уборка* есть сема «грязь», которая вызывает отрицательные коннотации, влияющие на усиление яркости оценочности ОП.

Иногда интенсификация оценки приводит к обратному результату, когда избыточность оценки изменяет эмоциональный компонент. Это несовпадение оценочности и эмоциональности слова (энантиосемия) — средство создания иронического смысла в высказывании: *Прошли мимо нас окна международного, нейлонного, медного, бархатно-кожаного, ароматного* (В. Аксенов); *Конечно, конечно,— пробормотал Дрожжинин и стал с усилием глотать пахучий, сифонный, сифонно-водородный, сифонно-винегретно-котлетно-хлебный, культурный, освежающе-обурающий напиток* (В. Аксенов). Во втором примере, на наш взгляд, столкновение во фразе прилагательных, несущих противоположные по знаку коннотации, делает суммарную оценку минусовой, что проецируется на ОП в однородном ряду. Аналогично: *Вижу: бронзовый генералиссимус шутовскую ведет процессию* (А. Галич). ОП в данном контексте приобретает отрицательный смысл, что противоречит традиционной оценочной коннотации слова. Собственно оценочное прилагательное *шутовской* определяет оценочность ОП во фразе. Кроме того, на уровне словосочетания (*бронзовый генералиссимус*) можно отметить семантическое рассогласование эмоции и оценки, когда избыточность плюсовой оценочности дает эмоциональный минус (иронический смысл). В лингвистической литературе отмечалось, что «энантиосемия с минусовой характеристикой, т. е. изменением положительной коннотации на отрицательную, является более распространенной, чем энантиосемия с плюсовой характеристикой» [4, с. 71].

Оценочность ОП актуализируется за счет введения слова в ситуацию противопоставления: *Непривычные мы к бумажной работе, нам вилы, лопаты да коня бы* (В. Астафьев). *Но ненависть пока книжная, еще по сердцам не прошедшая* (В. Астафьев). Хотя в высказываниях нет слов, несущих противоположную оценочность, ситуация противопоставления налицо. Ее можно выявить с большей наглядностью, построив оппозиции словосочетаний с контрастной оценочностью и трансформировав их в собственно оценочные суждения с обозначением субъекта оценки: *ненависть книжная* (плохо с точки зрения солдата) — *ненависть, прошедшая по сердцам* (хорошо с точки зрения солдата); *бумажная работа* (плохо для крестьянина) — *работа вилами, лопатами* (хорошо для крестьянина). Основания для оценки достаточно ясны, хотя их можно было бы ввести в оценочные суждения, тогда знак оценки будет выявлен с еще большей точностью. Например, бумажная работа (т. е. интеллектуальная) для жизни крестьянина не так важна, как работа вилами и лопатами (т. е. физическая) и т. д.

Яркость оценки за счет включения в высказывание контрастного смысла несомненно возрастает. Это происходит, вероятно, потому, что абсолютная оценка появиться в значении ОП практически не может. Абсолютная оценка всегда предполагает имплицитное сравнение. Если оценочная сема осознается со знаком «плюс», это означает, что есть семы в лексическом окружении ОП со знаком «минус». Например: *Продавщица, что ли, виновата, что колбасу продает стеклянную, оловянную, деревянную, но не мясную* (И. Полянская). В данном контексте наблюдается процесс моносемизации ОП, когда благодаря окказиональному употреблению на первый план выходит оценочный компонент значения, все остальные семы затемнены. На наш взгляд, в этом примере окказиональная оценочная синонимия и антонимия ОП — это случаи включения контекста более широкого, чем фраза и даже текст в актуализацию смысла слова. Контекст, необходимый для выявления оценочности ОП, равен объему национальных культурных знаний. Орфографическое правило, известное любому школьнику, оправдывает включение ОП *стеклянный, оловянный, деревянный* в синонимический ряд. Оценочность ОП в тавтологическом сочетании *мясная колбаса*, где прилагательное, безусловно, идет со знаком «плюс», понятно только современному носителю русского языка и представителю нынешней социокультуры. Таким образом в синтаксической позиции противопоставления ОП *стеклянный, оловянный, деревянный* приобретают противоположный знак, т. е. отрицательную оценочность.

Иногда традиционные (стереотипные) оценочные коннотации ОП, характерные для данной культуры, противоречат смыслу, приобретаемому словом в высказывании. Так, в обыденном сознании в ситуации сопоставления положительный знак несет прилагательное *каменный* в сочетании с существительным *дом* и отрицательный — *деревянный*. Основание оценки понятно: прочность, удобство для жизни, долговечность и т. д. В. Н. Телия отмечает антропометричность коннотации, т. е. представление о стандартах, эталонах (все это входит в структуру оценки и определяет ее шкалу), детерминированных мировоззрением народа — носителя языка, его культурно-историческим опытом [3]. В высказывании этот стереотип сталкивается с субъективной шкалой автора или героя произведения, в результате чего знак оценки может измениться: *Посносили, посжигали старое деревянное жилье, понастроили неживого, каменного* (А. Иванченко).

Правильное понимание оценочности ОП возможно в иных случаях только при учете контекста целого произведения и даже всего творчества писателя, так как герой или автор — субъекты оценки. Контекст в объеме фразы или целого текста не способен в полной мере мотивировать появление положительной оценочности прилагательного *деревенский* в произведениях

В. Астафьева. Например: *Папа — крестьянский сын, пусть из бурной, непутевой, но деревенской семьи; Исчезли и наши чудные деревенские и лесные поляны, под корень срубаются пригородные леса — буйствует дачная стихия; Папа забыл, но скорее делал вид, что забыл, деревенские законы, среди которых главный — почтение к родным людям.* Кроме положительной оценочности у прилагательного *деревенский* под влиянием контекста творчества В. Астафьева наводятся следующие семы: «имеющий корни», «настоящий», «народный». Это критерии оценки, являющиеся для автора шкалой ценности.

Как было уже отмечено, есть среди ОП такие, оценочность которых мотивирована контекстом в объеме национальной культуры (это не исключает поддержание оценочного смысла слова фразовым окружением). Например: *Был вкус во рту. Этот ужасно длинный вкус пирожка в вокзальном буфете (А. Битов); В Семикачалинске, как и во всяком городе, новые кварталы, состоящие из панельных домов средней этажности толпятся вдали от реки, от удобств рельефа...* (А. Образцов). Вероятно, нам как носителям русского языка, живущим в социальной культуре 1980—1990-х гг., достаточно ясен оценочный смысл ОП *панельный* (дом) и вне фразы, так же как и ОП *вокзальный* (буфет), т. е. для нас контекст достаточен в объеме словосочетания. Можно привести еще примеры ОП с ярко выраженной оценочностью: *бумажные* (деньги); *деревянный* (рубль). Читателю, не входящему в данную социокультуру, необходим контекст в объеме картины мира для адекватного понимания оценки. Это максимальный по объему контекст, на который проецируется значение ОП. Он отличается тем, что его качественные характеристики не остаются неизменными. Иными словами, шкала оценки постоянно меняется.

Проанализированные особенности наведения и актуализации оценочного смысла у ОП, переходящих в разряд предикатных слов, зависят прежде всего от их семантики. Исходя из возможностей производящего существительного ОП требует различные по объему и качественным характеристикам контексты, чтобы реализовать оценочность (минимальный — для слов типа *подвальный, казарменный*, максимальный — для ОП *вокзальный*). В то же время контекст, реализующий оценочность ОП, в значительной степени определяется воспринимающим сознанием. Оценочность слова *панельный*, понятная для современного русскоязычного читателя в минимальном контексте, будет требовать поддержания максимальным контекстом в объеме знаний о русской социокультуре для человека, не входящего в эту культуру. Таким образом, можно говорить о различных основаниях для выделения типов контекстов, поддерживающих или наводящих оценочный смысл у ОП: во-первых, семантика производящего существительного, во-вторых, характеристика адресата речи. Безусловно, этот ряд можно продолжить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
4. Смоленская С. С., Давыдов М. В. Интонация как показатель энантиосемии слов и словосочетаний // Вестник МГУ. М., 1972 (Сер. Филология; № 3).

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. В. БАГИЧЕВА
Уральский педуниверситет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Определяются модели, по которым образуются вторичные типовые значения русских терминов родства, выделяются типовые компоненты семантики, лежащие в основе указанных моделей, и лексические единицы, приобретающие соответствующие значения.

В современной семасиологии прочно утвердилось разграничение двух типов варьирования семантики слова — речевого варьирования и полисемии [4; 5; 9; 12; 14; и др.]. При полисемии слово обладает несколькими значениями, каждое из которых характеризуется особой понятийной и денотативной соотношенностью, а следовательно, различным набором семантических признаков и специфическими синтагматическими связями. Указанные значения могут иметь социально осознанный языковой статус или относиться к числу индивидуально-авторских, существующих только в конкретных коммуникативных условиях.

Полисемия порождает сложную и многоаспектную проблему смысловой структуры слова, под которой подразумевают не простую совокупность значений и употреблений слова, а некоторую «систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов» [11]. Иначе говоря, элементы смысловой структуры слова связаны друг с другом сложными иерархическими отношениями [1; 6; 8].

Описание лексико-семантического варьирования русских терминов родства требует предварительного обращения к проблемам структуры лексического значения, поскольку только правильно представив особенности значения того или иного термина родства, можно адекватно описать его модификации в языке и речи, выяснить потенциальные способности его употребления.

В основе традиционной теории компонентного анализа лежит представление о лексическом значении как о комплексе семан-

тических признаков, среди которых выделяются категориальные (объединяющие слова в группы) и дифференциальные (противопоставляющие слова внутри группы). Впервые на материале русского языка описание терминологии родства по компонентной методике было выполнено Т. П. Ломтевым, который выделяет такие аспекты конкретизации, как «пол», «поколение», «прямое и не прямое родство», «кровное и некровное родство» (ср. *отчим, мачеха, падчерица*) и «родство по супружеству» (ср. *теща, золовка, сват*) [7]. В последующих публикациях по системным связям в русской терминологии родства семантика основных терминов представляла собой практически один и тот же набор дифференциальных признаков: *отец* — «кровное прямое родство, мужская линия, предыдущее поколение»; *мать* — «кровное прямое родство, женская линия, предыдущее поколение»; *брат* — «кровное прямое родство, одно поколение, мужчина»; *теща* — «некровное прямое родство по супружеству, женская линия, женщина, предыдущее поколение». Однако эти немногочисленные признаки не в состоянии в полной мере отразить всю глубину реальной семантики слова.

Так, выделив в слове *мачеха* семы «юридическое родство, женская линия, женщина, предыдущее поколение», мы вовсе не должны считать, что полностью определили значение этой лексической единицы. Названные компоненты составляют лишь ядро значения, которое окружено множеством ассоциаций — «злая, сварливая, несправедливая к приемным детям» и т. п. Эти признаки акцентируются в художественных текстах. Ср.: *Стеша со страхом ждала мачеху. Одно только слово «мачеха» рождало всевозможные представления, почерпнутые из страшных сказок о мачехе и падчерицах* (А. Кузнецова). Из этого контекста можно определить и ассоциативные признаки слова *падчерица* — «добрая, кроткая, трудолюбивая, терпеливо сносящая все несправедливые попреки мачехи, не знающая материнской заботы и ласки» и т. п.

Ассоциативные признаки относятся к периферии лексического значения, однако это вовсе не говорит о том, что они малозначимы для развития вторичных значений. Например, указанный выше ассоциативный признак слова *мачеха* — «несправедливая к приемным детям» — служит основой для метафорического использования в таких контекстах: *Не мать, а мачеха — Любовь: Не ждите ни суда, ни милости* (М. Цветаева); *Я понимаю, что для многих из вас [каторжников Сахалина] родина, наша великая, наша прекрасная, наша необъятная Россия, стала только злой мачехой* (В. Пикуль). Ср. также: *Макаров писал, что непотопляемость — падчерица морского дела, флоты Европы пренебрегают ею, все внимание и деньги вкладывая в броню и пушки* (В. Пикуль). В рассмотренных случаях ассоциативные признаки слова служат основой для метафоры, становясь более существенными в переносном значении.

Однако можно наблюдать и противоположный процесс. Нередко семы основного значения превращаются в ассоциативные признаки переносного и тем самым становятся основой для противопоставления и сближения слов во вторичном значении, образуя своего рода экспрессивно-стилистический фон. Наличие ассоциативных признаков способствует восприятию нового значения как производного, в котором одновременно присутствуют как бы два значения: первичное и вторичное. Как писал В. В. Виноградов, «основное значение слова никогда не погаснет до конца. Это значение всегда предполагается как фон и фундамент для дальнейших смысловых изменений слова. Оно причастно в той или иной степени переносным смыслам слова» [3, с. 21—22]. Следующие контексты подтверждают это положение.

Ср.: [Спиридонов] *взял ребенка на руки и продолжал говорить, обживая новое для себя обличье — не секретаря обкома, не лидера парламента — отца нации* (М. Зараев). Ассоциативный признак вторичного значения слова *отец* — «кровное прямое родство, предыдущее поколение» — поддерживается контекстом: упоминание о ребенке, которого герой берет на руки, включает слово *отец* в семантический ряд *отец — ребенок* со значением «кровные родственники». Ср. еще:— *А в Матросской Тишине по палатам ходит медбрат вот с такой здоровенной плеткой — как вдарит разок, так сразу позабудешь, какой у тебя диагноз!.. — Ничего себе медбрат, — задумчиво скажет Ваня Сабуров. — Это по-настоящему медвраг какой-то, а не медбрат!..* (В. Пьецух). В первой реплике слово *медбрат* употребляется в прямом значении, актуализируется сема ядра «заботливый». Ассоциативный признак вторичного значения «свой, родной, не дающий в обиду» акцентируется в ответной реплике за счет противопоставления антонимичной семы «чужой, враждебный» в окказионализме *медвраг*. Ср. также: *Руководил депортацией майор Такаси Кумэда, и ему, знавшему русский язык, наверное, не раз приходилось слышать с палуб отплывавших от Сахалина кораблей: — Да будь ты проклят, зараза паршивая! Ты не сын Страны восходящего солнца — ты просто сукин сын...* (В. Пиккуль). Здесь актуализация ассоциативных признаков «родственный» — «безродный» наиболее ощутима за счет противопоставления высокого и низкого стилей.

Разграничение семантических (а среди них — категориальных, дифференциальных и интегральных) и ассоциативных признаков имеет важное значение для исследования закономерностей лексико-семантического варьирования, но это лишь один аспект соотношения сем в структуре значения. Между тем развитие у терминов родства вторичных значений, возможность речевого варьирования их семантики могут определяться и рядом других существенных свойств, характерных для компонентов лексического значения. Наиболее важным в этом отношении

является разграничение ярких (приоритетных) и затемненных (слабых) признаков словесной семантики, о чем писал в свое время Ю. А. Тынянов (см. [10, с. 77—78]).

Яркими могут быть и категориальные, и дифференциальные, и ассоциативные, и интегральные семы. Речь в данном случае идет о тех признаках, которые лежат «как бы на поверхности языкового сознания. Такие семы первыми приходят на память, легко формулируются на метаязыке. Носитель языка, если его просят объяснить значение слова, называет эти семы в первую очередь» [10]. Иными словами, чем ярче та или иная сема, тем больше она создает возможностей для метафорической экспансии слова. Опираясь на этот критерий, заметим, что в значении слова *муж* достаточно яркими будут не только те признаки, которые отражены в словарном толковании «некровное прямое родство по супружеству, мужчина, одно поколение», но и «забота о жене, детях, материальном достатке семьи» и т. п., которые очень часто акцентируются и в речевой практике. Ср.:— *А у меня общественный муж есть — производственное объединение «Тамбовагроомонтаж», — смеется в ответ мать многочисленного семейства. — Оно мне и дом за месяц поставило, и мебель в него завезло, и бдит, чтобы в нем ничего не сломалось и не прохудилось... а на рыбалку, в ночное его не возьмешь, за руль велосипеда не посадишь* (В. Мухин).

Непосредственное отношение к исследованию закономерностей семантического варьирования имеет противопоставление личностных (они могут быть и групповыми) и системных компонентов лексического значения. Коммуникативная специфика терминов родства во многом определяется тем, что для этой группы слов особенно характерно развитие личностных сем. Речь идет о тех компонентах семантики, которые существуют лишь для конкретного человека (или группы людей) и возникают «независимо от собственной семантики слова и от экспрессивно-стилистической значимости, присущей ему в общенародном языке» [13, с. 107]. Варианты употребления личностных сем зависят от различного жизненного опыта говорящих, контекстуального окружения, в котором данное слово им встречалось, особой роли предмета или явления, обозначаемого словом, в жизни конкретного человека, ассоциативных звуковых сближений и многих других причин.

Например, герой пьесы Л. Петрушевской «Вставай, Анчутка!», пытаясь помирить поссорившихся родственников, произносит: *Люди должны оставаться людьми, даже родственниками*. На первый взгляд, это двойной алогизм, так как, во-первых, люди — это всегда люди, во-вторых, родственники — тоже люди. Первую часть высказывания можно интерпретировать следующим образом: люди всегда должны действовать по законам общечеловеческой морали. Для адекватного понимания всего высказывания необходимо учитывать смысл всей пьесы. Анчут-

ка помогла чужому человеку (т. е. действовала «по-людски»), чем обидела родственников (так как поступила не «по-родственному»). Очевидно, что периферийная сема в составе значения слова *родственники* — «помогают в беде» модифицируется в личностную — «должны помогать друг другу в первую очередь».

Личностные семы могут быть положены в основу метафоры. Такая метафора относится к числу индивидуально-авторских, занимая совершенно особое место среди других метафор: она слабо предсказуема с точки зрения системной семантики слова и вне контекста малопонятна абсолютному большинству говорящих на данном языке. Ср.:— *Его [крестьянина] жизнь — отлаженный, целенаправленный трудовой день, а крестьянская семья — все равно что бригада на заводе. Уведите со двора корову — и весь уклад семьи, и трудовой, и бытовой, полетит вверх тормашками. Корова для крестьянина не только машина, производящая молоко, а полноправный, иногда самый необходимый член семейного организма. — Эх ты, горе-теоретик! — Роман Гаврилович рассмеялся. — Выходит, корова родня мужику? Кума? Племянница?* (С. Антонов).

Мы рассмотрели факторы, имеющие наибольшее значение для семантических преобразований терминов родства: характер семы (основная или ассоциативная), ее принадлежность к категориальным, дифференциальным или интегральным, ярким или слабым, системным или личным. В большинстве случаев наличие той или иной семы с определенными свойствами создаст лишь возможность для того или иного употребления слов.

Перейдем к описанию наиболее типичных лексико-семантических вариантов существительных, обозначающих отношения родства. Материалом для наблюдения послужили художественные и публицистические тексты современных русскоязычных писателей (более трех тысяч фраз). В ходе анализа выявлено около двухсот пятидесяти случаев употребления терминов родства во вторичных значениях, как прямых, так и переносных. Случаи употребления терминов родства в основном значениях нами не рассматривались, так как для выяснения коммуникативной потенции языковых единиц они не представляют интереса.

В речевом акте наблюдаются две основные разновидности реализации системного значения терминов родства: прямое употребление и переносное. При прямом употреблении слова обозначается традиционный референт, который изначально, «по традиции», соотносится с данным словом и в котором имеются все признаки системного денотата слова. При переносном употреблении слова предмет номинации ясен из самой коммуникативной ситуации, в данном же случае, при переносном употреблении терминов родства, он используется для той или иной характеристики предмета, при этом актуализируются диктуемые

коммуникативной задачей компоненты значения. Наибольший интерес представляет индивидуально-авторское (окациональное, разовое) употребление.

Наблюдения над семантикой терминов родства позволили сделать следующий вывод: в переносном значении чаще всего употребляются слова, полностью нейтрализующие в своем значении сему «лицо», тогда как в прямом — сему «родство». Кроме выделенных групп терминов родства можно отметить группу слов, нейтрализующих в своем значении дифференциальные признаки («кровное», «некровное», «юридическое родство» и т. д.). Деление на эти три группы явилось основанием для описания лексико-семантических вариантов слов, обозначающих отношения родства.

При описании значения слова в коммуникативном акте все ядерные компоненты перечисляться не будут, так как это привело бы к необходимости полной лексикографической разработки каждого термина родства. В связи с поставленной нами задачей — описанием лексико-семантических вариантов терминов родства в коммуникативном акте — мы сочли возможным указывать лишь актуализированные семы в составе значения.

Нейтрализация семы «лицо». Как уже отмечалось выше, в этой группе термины родства употребляются в переносном значении, т. е. соотносятся одновременно с двумя денотатами: переносного (собственного) значения и основного.

Самыми частотными в этой группе будут слова *мать, матушка*, употребляемые в качестве приложений со словами *земля, родина, Россия, Москва* и т. п. Нетрудно заметить, что в состав этих слов также входят ассоциативные признаки «самое дорогое для человека», «давнее жизнь» и др. Это подтверждают примеры из художественных текстов. Ср.: *И лишь одно название было всем дорого и понятно, как, скажем, мать или хлеб,— Россия* (Е. Носов).

Рассмотрим наиболее типичные случаи употребления этого термина в речи. Ср.:— *Россия,— говорил он,— никогда не была для меня матерью. Я человек вполне новой формации, и мне вообще смешна сама мысль, что какую-то страну можно любить только потому, что там родился...* (В. Пикуль). Актуализированная сема «давняя жизнь» поддерживается глаголом *родился*, в семантике которого есть тот же признак. Ср. также: *Ничтожная Япония злодейски размахнулась на великую и могучую матушку-Россию!.. Надеюсь, что и сейчас все мы, как единая дружная семья, встанем...* (В. Пикуль). Актуализирована архисема «родство», которая поддерживается существительным *семья* той же семантической группы, что и *мать*. Ср. еще: *Дошкандыбаю до своей матушки-Волги — такие страдания разведу, елки-ишники посыпятся!* (Е. Носов); [герой уходит на войну]— *Ну, матушка Остомля,— проговорил он виноватой скороговоркой.— Прости-прощай. Какие будем пить воды-реки, в какой стороне —*

пока незнамо (Он же). В этих двух контекстах слово *матушка* относится к названиям рек, на берегах которых прошло детство героев. Актуализирована сема «самое дорогое, без чего не мыслится жизнь».

Рассмотрим особенности употребления терминов родства в окказиональном переносном значении. Денотаты, о которых говорилось выше (Россия, Москва), получают здесь совсем иную характеристику. В качестве приложений с ними используются слова *вдова*, *вдовица*. Так, вдовой называет Москву! Ю. Уваров в стихотворении «Трамвайное кольцо»: *Москва, Москва моя, вдова...* Адекватное понимание этого слововоупотребления возможно лишь при учете смысла целого стихотворения, которое воссоздает атмосферу одиночества, утраты моральной и материальной поддержки слова *бомж*, *душа томится* и т. п.).

Ср. также: *То ли жена Россия, то ль вдовица.// Куда ни глянь — хозяйской нет руки:// Худая кровля, капает водица// В пустые миски — впору выть с тоски* (Л. Савинская). Актуализируются семы «одиночество», «отсутствие опоры в жизни», поддерживающиеся контекстом (запущенность в доме, пустота, неприютность, отсутствие мужа-хозяина). Первая метафора *жена Россия* должна, казалось бы, привнести противоположные ассоциации, однако этого не происходит. Весь последующий контекст выступает как антитеза метафоре и разрушает ее. Грамматически это обозначено разделительным союзом *то ли... то ли*, выражающим отношения взаимоисключения.

Интерес представляет использование других терминов родства в переносном значении. Ср.: *Вы отдаете себе отчет, что у этой ели было имя? Елена Александровна, да! Она была его дитя, и он ее растил! Она укрепила своим корнем эту землю!.. Бы бы видели, как он убивался над этой елью!.. Бинтовал!* (Л. Петрушевская). Актуализированы признаки «требующий защиты, заботы». Ср. также: [беглецы спасаются от погони, туман не смог укрыть их] *То, что не по силам было брату туману, сделала сестра фольга: накрыла «Вавилонию» многокилометровым шатром, спрятала от электронных лучей, оторвала смертельные шупальца* (И. Ефимов). Актуализированы признаки «самые близкие, оказывающие помощь в любых обстоятельствах». Ср. еще: *Этот народ нельзя оставить без постоянных правильных разъяснений. Этот народ нельзя держать в неуверенности. Революция оставила его сиротой и безбожником, а это опасно* (А. Солженицын). Актуализированы признаки «лишенный поддержки, заботы». Или: *Для Мити комод был таким же привычным членом семьи, как папа и мама, а мама, стирая по утрам пыль с узор, разговаривала с комодом ласково, по-деревенски, будто то был не комод, а буренка* (С. Антонов). Включение слова *комод* в семантический ряд «папа — мама — комод» актуализирует признак «то, без чего нарушится привычный уклад жизни».

Нейтрализация семы «родство». В этой группе термины родства употребляются в прямом значении. Как мы уже отмечали, основное значение не рассматривается. При анализе вторичного значения будут отмечаться семы, которые связывают его с основным. Актуализируясь, они, как правило, входят в ядро значения.

В этой группе наибольшую активность проявляют такие термины родства, как *отец, сын, дочь, дети, брат*. Ср.: *Беззаботная страна может спать, но Отец ее спать не может!* (А. Солженицын). Актуализирована сема «заботящийся», которая поддерживается контекстом: *не может спать*, т. е. бдит, заботится. Ср. также: *Да я Федота Федотыча с малолетства знаю. Он меня из детприемника взял, одел, выкормил и к труду приспособил... Да он всей Сядемке отец был* (С. Антонов). Актуализирована сема «покровительствующий». Контекстные партнеры слова *отец* акцентируют семы, составляющие содержание его значения (*одел, выкормил, к труду приспособил*). Ср. еще: *Он ушел на завод, а когда Отец народов скончался и разобрались, что он не отец и даже не отчим, Константин вернулся в институт и комсомол* (Н. Леонов). Вторичное значение слова *отец* связано с основным через ассоциативный признак «заботящийся». Сема «родство» перемещается из ядра на периферию, но поддерживается контекстом, содержащим термины родства для обозначения отцовства в основном значении: *отец и отчим*. Наличие явный, причем двойной, алогизм (*отец — не отец и отец — не отчим*), который исключает из значения слова *отец* (первое употребление в этой фразе) дифференциальные признаки «кровное и юридическое родство». Частица *не* привносит отрицательную оценку и нейтрализует сему «заботящийся». Таким образом, *Отец народов* — это человек, который лишь называет себя отцом, но не является и не выполняет, даже формально, основные обязанности отца.

Слова *сын, дочь, дети* развивают одинаковые вторичные значения, так как в основном значении имеют общие дифференциальные признаки «кровное прямое родство, последующее поколение». Сема «кровная, тесная связь» актуализирована в следующих контекстах. Ср.: *Человек, сделавший первый шаг в космическое пространство, сын России, был, казалось, и сыном всей планеты...* (М. Найдич); *Как жилось Соне в роли первой дамы Индии? Соотечественники, не в пример свекрови, не спешили отдать должное ее самоотверженному стремлению стать дочерью этой страны. Долгое время она оставалась подозреваемой иностранкой...* (Л. Третьякова); *Родина-мать, десятилетиями топтавшая своих детей, постепенно приходит в себя и кается* (В. Беллис).

Сема «родство» нейтрализуется также в терминах родства, выступающих в роли обращений к людям и животным. В этих случаях актуализируется сема «объединенные общей судьбой,

интересом, целью». Ср.: *Радио? Радио, оно и есть радио, а жизнь, она, брат, не по радио идет, она, брат, о-го-го!...* (В. Астафьев);— *Эх, братья-славяне!*— с горькой веселостью воскликнул *Самоходка*.— *Мне бы девчоночку!* (Е. Носов);— *Ну что, брат?*— с душевной тоской спросил он пса.— *Тебе, я вижу, стало жаль меня...* (В. Пиккуль).

Нейтрализация дифференциальных признаков. К этой группе относятся термины родства, обозначающие юридическое (*отчим, мачеха, пасынок, падчерица*) и некровное по супружеству родство (*тесть, теща, свекор, свекровь, невестка, зять*). В коммуникативном акте они заменяются на синонимичные слова, обозначающие кровное родство (*мачеха — мать, зять — сын*), или подобные аналитические конструкции (*свекровь — мама мужа*). Такая замена по понятным причинам носит интимный характер.

Например, герои повести А. Кузнецовой «Честное комсомольское» вкладывают разный смысл в слова *мать* и *мачеха*. Для Александра Александровича, знающего, что между падчерицей и ее мачехой нет душевной близости, взаимной симпатии, принципиальным является употребление слова *мачеха*. Актуализируются ассоциативные признаки «недобрая, несправедливая к падчерице». Алевтине Илларионовне важна чисто формальная сторона вопроса. Ср.:— *...у меня была мать Стефании Листковой...*— *Мачеха*,— поправил Александр Александрович. Алевтина Илларионовна вскинула плечи; это означало: *мать или мачеха — все равно*. Ср. также: *Отец у меня выдающийся. Не отец, отчим. Но воспитывал меня с раннего детства, с четырех, что ли, лет* (А. Иванченко). Актуализирована сема «воспитывающий», которая поддерживается контекстом. Ср. еще: [о мачехе]— *У нас настоящая свадьба*,— ответила Наташка.— *Папа женится... Теперь у меня тоже будет мама*,— не унималась Наташка.— *Я ее уже полюбила* (В. Железняков). Как видим, употребление терминов кровного родства является здесь выражением любви, симпатии, доверия. Ср. также: [о падчерице] «*...У моей дочери ...у моей дочери* (разрядка моя.— Н. Б.)»,— как дурак, твердил я про себя. Я здорово обрадовался, когда наконец почувствовал значение ее слов. Выходило, что она любит Наташку, раз называет своей дочерью (В. Железняков). Слово *дочь* выделяется интонационно; актуализируется сема «кровное родство».

Замена терминов некровного родства по супружеству связана также со стремлением говорящих приблизить родство, потому что чаще всего слова *теща, свекровь* вызывают негативные ассоциации («злая», «сварливая», «нарушитель семейного спокойствия»). Это именно признаки слов: в действительности далеко не каждая теща или свекровь вызывает указанные ассоциации. Поэтому замена терминов родства в этом случае — процесс, носящий личностный характер. Ср.: *Жених тоже всем*

понравился, ...тихий, уважительный, Ивана Егоровича с Марьей Тимофеевной сразу родителями, отцом с матерью стал звать (И. Евсенко). Ср. также: Ланин звал ее тещу мамашей и любил за спокойный, ровный характер, за мудрость, а еще больше за способность гасить семейные ссоры (А. Жуков); [све-кровь о себе]— Я мама мужа вашего... Я вам не чужой человек. Я мать (Л. Петрушевская).

Рассмотренный материал позволяет убедиться в важности анализа компонентов лексического значения русских терминов родства, выделить наиболее существенные с точки зрения лексико-семантического варьирования противопоставления признаков (дифференциальных, интегральных, категориальных и ассоциативных) и сем (ярких, затемненных, системных/личностных), установить коммуникативные потенции терминов родства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
2. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5.
3. Он же. Стиль Пушкина. М., 1941.
4. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
7. Ломтев Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // Филологические науки. 1974. № 2.
8. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
9. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
10. Тынянов Ю. А. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.
11. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.
12. Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
13. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
14. Он же. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

С. В. ПЛОТНИКОВА
Уральский педуниверситет

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ С ВЫСОКОЙ ЧАСТОТНОСТЬЮ

На основе отобранных по словарям наиболее употребительных русских глаголов решается вопрос о том, насколько влияет высокая частотность употребления глаголов в речи на развитие его многозначности, анализируется распределение высокочастотных глаголов по ЛСГ.

Большое значение для характеристики лексической системы имеют данные о частотности употребления слов в речи. Выявлению закономерностей соотношения между частотой употреб-

ления слова и его лексико-грамматическими свойствами посвящено немало работ. Наибольшее распространение получила идея о связи частотности слова и количества его значений, впервые выдвинутая Дж. К. Ципфом. Он считал, что число значений слова прямо пропорционально корню квадратному из частоты его употребления [11; 14]. В дальнейшем характер этой зависимости уточнялся для разных языков в работах П. Гиро, Ю. Тулдавы, А. Поликарпова и др. [8; 9; 13].

Проведенные исследования позволяют предположить наличие универсальной тенденции к уменьшению полисемии с падением частоты, что отмечалось С. Ульманом, И. Г. Ольшанским и др. [6; 10]. Эти же авторы предприняли попытки исследования характера зависимости между частотой употребления слова и его фонемным составом, этимологией и другими характеристиками, в том числе и семантическими. По словам П. Гиро, «частота слова связана с целым ансамблем его фонетических, морфологических, семантических, этимологических характеристик, она является их отражением, и через нее мы можем попытаться их проанализировать. С другой стороны, всякое изменение частоты влечет за собой изменение других характеристик слова» [13, с. 4].

Однако необходимо отметить, что исследователей в основном интересуют такие свойства слова, которые могут получить количественное выражение: мерой многозначности выступает количество значений слова в толковом словаре, мерой словообразовательной активности — количество дериватов, сочетаемость представлена количеством словосочетаний, в которых слово является аргументом лексических функций, и т. п. Это объясняется стремлением исследователей как можно более точно представить вид зависимости данных характеристик от частоты употребления слова. Несомненно, все эти количественные характеристики свидетельствуют о значимости слова в системе языка, но не являются достаточными для описания семантики слова. Таким образом, проблема соотношения частотных и семантических характеристик слова остается не разработанной до конца.

В данной работе предпринимается попытка установить взаимосвязь между частотой употребления и семантикой слова на материале русских глаголов. Обращение к глагольной лексике объясняется прежде всего тем, что, как показывают специальные наблюдения [3; 5; 7], эта часть словаря характеризуется в индоевропейских языках максимальной многозначностью. По словам В. В. Виноградова, «семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий» [2]. Кроме того, выявление соотношения между частотными и семантическими характеристиками глаголов в значительной мере облегчается наличием словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» [4].

Объектом анализа послужили 100 самых употребительных глаголов русского языка. Состав этой группы был определен по «Частотному словарю русского языка» (см. [12]). Глаголы находятся в частотном интервале от 13 307 словоупотреблений (*быть*) до 257 (*требовать*) и составляют примерно пятую часть слов с высокой частотой. В ходе исследования выяснились полисемические характеристики этой группы глаголов, характер значений и отнесенность данных глаголов к различным лексико-семантическим объединениям.

1. Соотношение частотности и полисемии. Для глаголов этой группы характерна многозначность: в среднем на каждый глагол приходится по 13,4 значений. Абсолютное большинство глаголов этой группы (89 %) имеют более пяти значений. Так, 13 значений зафиксировано у 7 глаголов (*вести, прийти, подойти* и др.), столько же глаголов имеет по 9 значений (*узнать, видеть, являться* и др.), 10 значений — у 8 глаголов (*знать, слушать, войти, входить* и др.) и 8 — у 10 глаголов (*получить, спросить, прочитать* и др.).

Максимальное количество значений имеют глаголы *идти* (53), *пойти* (52), *проходить* (37), *стоять* (35). Закономерно, что они характеризуются высокой частотой употребления в речи (*идти* — 1818, *пойти* — 1027, *стоять* — 922).

Количественные данные о распределении 100 самых частотных русских глаголов в зависимости от количества их словарных значений приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Количество		Количество		Количество	
значений	глаголов	значений	глаголов	значений	глаголов
1	3	12	4	25	1
2	2	13	7	27	2
3	5	14	2	28	1
4	3	15	2	30	1
5	7	16	2	31	1
6	6	17	4	32	1
7	5	19	1	34	1
8	10	20	1	35	1
9	7	21	3	37	1
10	8	22	3	52	1
11	2	23	1	53	1

Частотно-полисемическое распределение глаголов рассматриваемой группы представлено в таблице 2.

Первые 20 самых частотных глаголов характеризуются большей многозначностью: среднее количество значений в первой двадцатке — 15,75 (в их число попадают и самые многознач-

ные глаголы — 6. *идти*, 12. *пойти*, 15. *стоять*), в остальных группах — 12,75.

Однако самые частотные глаголы не являются самыми многозначными, хотя в среднем их многозначность все же высокая; это положение подтверждает результаты других исследований (см. [9; 14]). Данные о количестве значений у пяти самых частотных глаголов приведены в таблице 3.

Т а б л и ц а 2

Распределение глаголов по частотности	Средняя частота	Среднее количество значений
1—20	2034,85	15,75
21—40	616	12,9
41—60	425,2	13,65
61—80	334,25	10,6
81—100	274,8	13,95

2. Значение высокочастотных глаголов носит в большинстве случаев очень общий, малосодержательный характер. Об этом свидетельствует наличие в составе группы 25 базовых глаголов, имеющих максимально общее значение. Например, глагол *дать* — базовый в ЛСГ глаголов передачи объекта, *иметь* — в ЛСГ глаголов обладания, *создать* — в ЛСГ глаголов создания объекта, глаголы *брать*, *решишь*, *понять*, *думать*, *писать* и др. являются базовыми в своих ЛСГ.

Т а б л и ц а 3

Ранг	Глаголы	Количество значений
1	быть	10
2	мочь	5
3	сказать	9
4	говорить	12
5	знать	10

Глаголы, которые не являются базовыми, также имеют общее значение: в их семной структуре выделяется мало дифференциальных сем. Например, глаголы *подойти*, *стать*, *становиться*, *приехать*, *ходить* и др.

3. Семантическая классификация. Сто самых частотных русских глаголов являются достаточно разнородной по своей семантике группой слов. Для установления общих семантических признаков этих глаголов был использован словарь-

справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» [4].

Распределение глаголов по ЛСГ имеет определенные трудности. Как известно, отнесение глагола к той или иной ЛСГ зависит от значения глагола в определенном контексте. Как указывалось выше, почти все глаголы в списке являются многозначными, поэтому принадлежность глагола к ЛСГ определялась по основному значению (этот принцип положен в основу вышеуказанного словаря).

Рассмотрим распределение высокочастотных глаголов по семантическим подполям, выделенным в словаре. В составе 100 наиболее частотных глаголов представлены глаголы почти всех семантических подполей. Нет глаголов, относящихся к подполям: «физическое воздействие на объект», «социальное состояние, бытие», «социальные отношения».

Наибольшее количество глаголов относится к следующим подполям: «интеллектуальная деятельность» — 22 глагола (*видеть, смотреть, слышать, читать, понимать, знать, думать* и др.), «перемещение» — 19 глаголов (*идти, уходить, вести, следовать, бежать, вернуться* и др.), «бытие» — 15 глаголов (*быть, стоять, жить, сидеть, ждать, находиться* и др.), «владение» — 13 глаголов (*дать, брать, взять, принять, получить, искать* и др.), «речевая деятельность» — 10 глаголов (*сказать, рассказать, молчать, спросить, ответить* и др.).

Данные семантические объединения охватывают в русском языке значительное число глаголов, поэтому преобладание среди высокочастотных глаголов именно этих семантических групп является вполне закономерным. Однако большими по объему являются такие подполя, как «физическое воздействие на объект» (хотя глаголов, относящихся к этому под полю, вообще нет среди высокочастотных), «помещение» (среди них всего 3 высокочастотных), «созидательная деятельность» (таких глаголов 5), «межличностные отношения» (2 глагола), «социальное состояние, бытие» (высокочастотных нет).

Таким образом, полученные данные позволяют предположить, что указанные семантические объединения исследуемых глаголов характеризуются в среднем более высокой частотой употребления в речи, чем остальные.

Интересным оказывается также распределение высокочастотных глаголов по принадлежности к более мелким семантическим объединениям — ЛСГ. Из 108 ЛСГ, выделенных в словаре, 40 представлены в составе ста самых употребительных глаголов. Однако одни из этих ЛСГ представлены широко, другие — лишь единичными глаголами. Например, ЛСГ глаголов помещения объекта представлена одним глаголом *поставить*, ЛСГ глаголов называния — *называть*, ЛСГ глаголов определения — *считать*, ЛСГ глаголов взаимосвязи — *приходиться*, ЛСГ глаголов питания — *есть*.

Некоторые ЛСГ представлены двумя глаголами, но эти глаголы являются видовой парой. Очень часто словарь либо вообще не отмечает различий в семантике этих глаголов (*подходить* — несов. к *подойти*), либо они минимальны. Например, ЛСГ глаголов графической передачи информации представлена глаголами *писать*, *написать*; ЛСГ глаголов проникновения субъекта куда-либо — глаголами *входить*, *войти*.

Таким образом, 23 из 40 ЛСГ представлены в составе высокочастотных глаголов либо одним глаголом, либо видовой парой.

Наиболее характерными для высокочастотной зоны оказались глаголы семи ЛСГ: существования (11 глаголов: *быть*, *стать*, *стоять*, *жить*, *сидеть*, *бывать*, *оказаться*, *лежать*, *ждать*, *находиться*, *становиться*), восприятия (10 глаголов: *видеть*, *видать*, *смотреть*, *слышать*, *увидеть*, *слушать*, *читать*, *посмотреть*, *глядеть*, *заметить*), перемещения в пространстве (8 глаголов: *идти*, *пойти*, *уйти*, *уходить*, *вести*, *ходить*, *следовать*, *бежать*), перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (7 глаголов: *вернуться*, *прийти*, *приехать*, *подойти*, *подходить*, *приходить*, *являться*), речевого общения (5 глаголов: *отвечать*, *спросить*, *просить*, *ответить*, *требовать*), познания (4 глагола: *знать*, *узнать*, *помнить*, *забыть*), приобретения (4 глагола: *получить*, *брать*, *принять*, *взять*). К этим ЛСГ относится почти половина всех высокочастотных глаголов.

Итак, специфика семантики первых ста высокочастотных русских глаголов проявляется в следующем:

- 1) большинство глаголов имеет очень общее значение;
- 2) для этих глаголов характерна развитая многозначность;
- 3) среди них преобладают глаголы определенной семантики, а именно: глаголы интеллектуальной деятельности, перемещения, бытия, владения, речевой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андрукович П. Ф., Королев Э. И. О статистических и лексико-грамматических свойствах слов // Науч.-тех. информация. 1977. № 2 (Сер. 2).
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
3. Вишнякова С. М. Опыт статистического исследования многозначности слов в английском языке // Вычислительная лингвистика. М., 1976.
4. Лексико-семантические группы глаголов: Словарь-справочник. Свердловск, 1988.
5. Муране С. Н. Однозначные слова, их основные разряды и семантические свойства // Слово как предмет изучения. Л., 1977.
6. Ольшанский И. Г. Полисемия в системе языка и структуре текста // Иностранные языки в высшей школе. М., 1982. Вып. 17.
7. Папп Ф. О машинной обработке одноязычных словарей // Науч.-тех. информация. 1969. № 3 (Сер. 2).
8. Поликарпов А. А. Элементы теоретической социолингвистики. М., 1979.

9. Тулдава Ю. О некоторых квантитативно-системных характеристиках полисемии // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1979. Вып. 502.
10. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.
11. Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964.
12. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
13. Guiraud P. Les caractères statistiques du vocabulaire. Essai de méthodologie. P., 1954.
14. Zipf G. K. Human Behavior and the Principle of least effort. Cambridge, 1949.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

О. И. ГЛАЗУНОВА
Санкт-Петербургский университет

СЕМАНТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ, СОВМЕЩАЮЩИХ КОНКРЕТНЫЕ И АБСТРАКТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СУБЪЕКТОВ И ПРЕДИКАТОВ

Анализируются сложные предложения, в которых одна часть характеризуется конкретностью, локализованностью во времени, а вторая — абстрактностью, отсутствием прикреплённости к определенному темпоральному отрезку, выявляется функциональная нагрузка указанных предложений.

Содержание высказывания может быть конкретным, локализованным во времени или обобщенным, лишенным конкретных временных ориентиров [2, с. 210]. Временные значения такого рода взаимодействуют с аспектуальными, модальными и персональными характеристиками лексем и определяют не только предикаты, но и субъекты, и объекты, и, в конечном итоге, ситуацию в целом. Особый интерес представляют случаи совмещения данных временных значений в одном высказывании.

Между абстрактной и конкретной частями высказывания могут существовать различные синтаксические связи: уступительные, противительные, причинные и т. д. Чаще других в этом плане выступают отношения сравнения. Абстрактные ситуации в процессе коммуникации приобретают языковые формы придаточных сравнения. Благодаря ассоциативным связям, существующим между абстрактными и конкретными структурно-семантическими компонентами, повышается информационная насыщенность высказывания, усиливается его эмоциональное воздействие. При этом смысловая и функциональная нагрузка обобщенной части высказывания может быть различной.

По своему статусу в предложении обобщенная часть может быть обязательной и выполнять функции обстоятельств образа действия. Например:

(1) Он сидел, *как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала* (М. Лермонтов);

(2) Выгляжу, *как Ван Гог, который уже решил, что одно ухо ему мешает* (В. Конецкий);

(3) Проводя этот вечер у Долли, Левин был особенно весел и, объясняя Степану Аркадьевичу то возбужденное состояние, в котором он находился, сказал, что ему весело, *как собаке, которую учили скакать через обруч и которая, поняв наконец и совершив то, что от нее требуется, взвизгивает и, махая хвостом, прыгает от восторга на столы и окна* (Л. Толстой).

В каждом из данных примеров обобщенная часть высказывания не только выражает сравнение, но является обязательным распространителем информативно-недостаточного глагола (2) или ситуативно необходимым распространением предиката (1, 3). Абстрактные сравнительные обороты могут быть заменены в тексте одним словом, эквивалентным им по смысловому содержанию: *сидел* (как?) «расслабленно», *выгляжу* (как?) «скверно», *весело* (в какой степени?) «чрезвычайно».

Сравнительные придаточные предложения, не нарушая структуры высказывания, могут вносить дополнительный эмоциональный элемент, усиливая конкретную часть сопоставлением с общеизвестными и общепринятыми фактами:

(4) *И как голодное животное хватает всякий попадающийся предмет, надеясь найти в нем пищу*, так и Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины (Л. Толстой);

(5) Я не знал, была ли жива Ася, моя соученица по пригодинской школе, подруга по Южному фронту, ее не было ни вблизи, ни вдали, нигде, ее засыпало и похоронило время, *как рудокопа хоронит обвал в шахте, и теперь как мне спасти ее?* (Ю. Трифонов);

(6) Лягушка приходила смотреть на яркий огонь, *так же как дети собираются вокруг неубранного чайного стола послушать перед сном сказку* (К. Паустовский);

(7) *Как птицы летят куда-то за моря*, стремились эти люди с женами и детьми туда, на юго-восток (Л. Толстой).

По своему композиционному положению абстрактная часть высказывания может предшествовать конкретной (4, 7), а может следовать за ней (5, 6). Сравнительные придаточные предложения (4—7) можно изъять из текста без ущерба для информационной насыщенности конкретной части высказывания, но с утратой в значительной мере ее эмоционального воздействия.

Смысловая и функциональная значимость высказываний с

совмещением абстрактной и конкретной частей во многом определяется соотношением между их структурно-семантическими компонентами. Особый интерес в этом плане вызывает субъект как выразитель основного предметного начала в сравнительном обороте. Обобщенный субъект (S_1) в высказываниях данного типа может находиться в качественных либо в количественных соотношениях с субъектом определенным (S_2).

В высказываниях с качественным соотношением субъектов S_1 не включает в свой состав S_2 . На первое место в таком случае выдвигаются характерные для S_1 качества или функции, которые, как считает автор высказывания, свойственны в той или иной степени S_2 . Соотношение между S_2 и S_1 носит наглядно-примерный характер. При этом в роли обобщенного субъекта чаще всего выступает предмет-символ, который является самым типичным носителем данных функций или качеств. В приведенных выше примерах *голодный* — символ ненасытности, жадности (4), *рудокон* и *обвал* — символы безнадёжности (5), *дети* — символ любопытства (6), *птицы* — символ свободы передвижения (7). Отношения между субъектами в этом случае строятся по формуле « S_2 такой же, как S_1 ».

Определенные взаимоотношения существуют и между предикатами определенной и обобщенной частей высказываний. Они могут быть выражены одной глагольной лексемой с разными видовыми значениями *хоронить* — *похоронить* (5), разными глагольными лексемами с общей семантической наполненностью *хватать* — *хвататься* (4) или синонимичными глаголами *приходить смотреть* — *собираться* (6), *лететь* — *стремиться* (7).

Если субъекты высказывания находятся в количественных отношениях, то S_2 представляет собой часть, единицу «целого», выраженного S_1 . Отношения между субъектами строятся по формуле « S_2 один из S_1 ». Данные субъектные ситуации могут реализовываться в различных соотношениях: «я» — «мы», «он» — «человечество» и т. д. Например:

(8) В восемнадцать лет Оленин был так свободен, *как только бывали свободны русские богатые молодые люди сороковых годов, с молодых лет оставшиеся без родителей* (Л. Толстой);

(9) Если с Варей Ася нередко ссорилась из-за всякой безделицы, *как это бывает между сестрами*, иногда до легких потасовок, с очень злобным выражением лиц, я видел однажды, как они били друг друга веерами — не сильно, но вдохновенно, — а со старшим братом Алексеем была и вовсе далека, то с Володей ее связывала непостижимо глубокая дружба (Ю. Трифонов);

(10) Наташа шла в своем лиловом шелковом с черными кружевами платье так, *как умеют ходить женщины*, — тем спокойнее и величавее, чем больше и стыднее у ней было на душе (Л. Толстой);

(11) Дядя Ерошка прост был, ничего не жалел. Зато у меня вся чечня кунаки были. Придет ко мне какой кунак, водкой пьяного напою, ублажу, с собой спать положу, а к нему поеду, подарок, пешкеш, свезу. *Так-то люди делают...* (Л. Толстой).

Степень генерализации обобщенного субъекта высказывания бывает различной. Он может выражать человечество в целом (11), а может отождествляться с узкой возрастной или социальной группой людей (8) и т. д.

Определенное взаимодействие существует и между предикативными членами определенной и обобщенной частей высказывания. Виды такого взаимодействия разнообразны. В высказывании (8) предикат обобщенной части повторяет определенный предикат. При этом в высказывании можно наблюдать зеркальное расположение главных структурно-семантических компонентов: определенный субъект находится в препозиции к предикату, обобщенный субъект занимает постпозиционное положение по отношению к нему.

Определенный предикат может соотноситься с обобщенным предикатом, выраженным лексемами *бывает, случается, происходит*, которые в силу своей обобщенной семантики способны коррелировать с любыми предикативными членами конкретной части (9).

Соотношение между определенным и обобщенным субъектами и предикатами может быть осложнено различными модальными значениями. Обобщенная ситуация может приобретать оттенок возможности или необходимости действия. При этом обобщенный предикат сопровождается вспомогательными модальными глаголами *мочь, уметь, должен, обязан* и т. д. (10). Значение необходимости прослеживается в обобщенной части высказывания (11). Глагольная форма настоящего времени, «настоящее предписания» [1], взаимодействует с определенными предикатами, обобщая их и придавая высказыванию в целом семантический оттенок облигаторности.

Взаимодействие конкретной и абстрактной частей распространяется также и на второстепенные члены высказывания. Это можно проиллюстрировать на примере высказываний, в которых абстрактные и конкретные части имеют общие второстепенные распространители:

(12) Маленькая княгиня, как старая полковая лошадь, *услышав звук трубы, бессознательно и забывая свое положение, готовилась к привычному галопу кокетства, без всякой задней мысли или борьбы, а с наивным, легкомысленным весельем* (Л. Толстой);

(13) Становишься бесчувственным, как мешок с песком. Тебя *колют иглой в живое тело*, а тебе ничего — игла буравит песок (Ю. Трифонов);

(14) Князь Николай Андреевич слушал, как верховный судья *слушает доклад, который делают ему, только изредка мычани-*

ем или коротким словом заявляя, что он принимает к сведению то, что ему докладывают (Л. Толстой);

(15) Дядюшка пел так, как поет народ, с тем полным и наивным убеждением, что в песне все значение заключается только в словах, что напев сам собой приходит и что отдельного напева не бывает, что напев — так только, для складу (Л. Толстой).

В высказываниях (12, 13) существует общий для конкретной и абстрактной частей характеризующий предикативный член, объединяющий глагол и специфические лексемы, которые тематически ассоциируются с обобщенным сравнительным оборотом, такие как *галоп*, *песок* и др. Если из данных высказываний исключить обобщенный сравнительный оборот, то нарушится логическая связь между определенным субъектом и предикативным членом, включающим в себя лексемы, тематически связанные с этим оборотом.

В примерах (14, 15) предикативный член менее зависим от обобщенной части высказывания, так как специфические лексемы-связки отсутствуют. Но несомненно, что в этом случае он также в равной степени принадлежит и определенной, и обобщенной частям высказывания. Наличие общего предикативного компонента указывает на сложные взаимоотношения между конкретной и абстрактной частями высказывания, между их элементами.

Таким образом, при совмещении конкретной и абстрактной ситуаций в одном высказывании между частями, выражающими данные ситуации, возникают сложные отношения на семантическом и синтаксическом уровнях. Сравнительные синтаксические связи, возможные между конкретной и абстрактной частями высказывания, осложняются взаимоотношениями между их главными и второстепенными компонентами. При этом отношения между субъектами носят количественный или качественный характер, а в роли предикатов употребляется одна и та же глагольная лексема, возможно с разными видовыми значениями, или близкие по смыслу глаголы-синонимы. Соотношения между субъектами и предикатами определенной и обобщенной частей могут быть осложнены различными модальными значениями, а также наличием общих второстепенных распространителей.

Сравнительные обороты, в основе которых лежат абстрактные ситуации, являются довольно распространенным художественным приемом. Выбор и структурное расположение обобщенных образов зависит от личностных особенностей говорящего, от стиля и жанра произведения. Чаще всего сфера применения высказываний данного типа ограничивается художественными и публицистическими текстами, в которых они играют определенную характеризующую роль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола: значение и употребление. М., 1971.
2. Теория функциональной грамматики. Л., 1987.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

И. В. РОДИНА
Уральский университет

СОПОСТАВЛЕНИЕ ВАРИАНТОВ ОТОБРАЖЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ НА УРОВНЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА И СЛОЖНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Анализируется соотношение семантики глагола как центра каузативной конструкции и сложного предложения, отражающего расчлененную каузативную ситуацию, делаются выводы о характере отражения языковой картины мира на уровне лексемы и текста.

Языковые конструкции, описывающие причинно-следственные ситуации, являются частью языковой картины мира, которая отображает соответствующую область действительности — причинные связи между явлениями.

Существует мнение о том, что языковая картина мира формируется лишь на уровне текста (см. [3]). Однако Ю. Н. Караулов указывает на наличие логико-семантического слагаемого словарной дефиниции, т. е. на то, что значение слова способно отображать логические отношения, в том числе и причинно-следственные, которые в человеческом сознании связывают представления о явлениях действительности. В качестве примера Ю. Н. Караулов приводит дефиницию слова *гипноз*, которая содержит описание трех необходимых компонентов каузальной ситуации — каузальной связи, причины и следствия («состояние, похожее на сон, вызываемое внушением и сопровождающееся подчинением воли спящего воле усыпляющего») и высказывает идею о существовании «...индивидуальных лексем, которые оказываются эквивалентны целой пропозиции» [2].

Данная работа пытается ответить на следующие вопросы:

— о степени соответствия значения слова, в частности глагола, и развернутого высказывания, описывающих каузальную ситуацию;

— о степени полноты языковой картины мира в области каузальных отношений, представленной на уровне текста и на уровне глагольной лексемы.

1. Специфика семантики глагола заключается в том, что структура его семемы может быть соотнесена с синтаксической структурой, так как глагол обозначает целую ситуацию, в ко-

торой его центральным компонентом является значение отношения между предметами, явлениями действительности. Участники ситуации, описываемой глаголом, могут по-разному фиксироваться значением глагола.

В одном случае они могут быть представлены в виде синтагмем, которые «бронируют» место для актанта определенного типа в развернутом высказывании. В этом случае актант выражается имплицитно на уровне семемы и эксплицитно на уровне речи. В другом случае значение конкретного актанта может быть включено в семему глагола в виде «полноправной» семы, вычленяемой при помощи компонентного анализа значения слова. В этом случае актант выражается имплицитно на уровне высказывания и эксплицитно на уровне значения лексемы.

Глаголы с включенным значением субъекта уже исследовались в ряде работ (см., напр., [4]). Включенные компоненты значения, конкретизирующие ситуацию, отображаемую лексемой, снимают необходимость актуализации позиции актанта в синтагме. Значения подобных глаголов не задают содержание высказывания, а более или менее полно реализуют его посредством системы собственных сем. Лексическое значение глагола оказывается близким значению целого высказывания. Значение глагола может соотноситься со значением не только простого, но и сложного высказывания, состоящего из двух простых, соединенных логической (предикативной) связью, и имеющего структуру сложного предложения.

Существует целый класс глаголов, значение которых соответствует описанию причинно-следственной ситуации. Причинно-следственная (или каузальная) ситуация — это сложная ситуация, которая состоит из двух микроситуаций — причины и следствия, связанных логическим отношением каузации. Значение таких глаголов может быть развернуто в полипредикативное высказывание, соответствующее сложному предложению с тремя предикатами:

бередить — «причинять боль прикосновением к ране» («К ране прикасаются, и это приводит к тому, что возникает боль»);

ахнуть — «воскликнуть «ах», выражая какое-либо чувство: удивление, восторг, печаль, сожаление» («Человек испытывает сильное чувство, которое так на него влияет, что он восклицает „ах“»);

выдрессировать — «дрессировкой привить живому существу какие-либо навыки или обучить исполнять определенные действия» («Животное какое-то время дрессируют, и это приводит к тому, что оно приобретает какие-либо навыки»);

гладить — «делать гладким, проводя горячим утюгом» («Горячим утюгом проводят по ткани, и это приводит к тому, что она становится гладкой»);

дознаться — «узнать что-либо путем расспросов, расследова-

ния» («Провести расспросы, расследования и этим добиться того, чтобы получить нужную информацию») и т. п.

Таким образом, семемы глаголов данного класса отображают три разноуровневых ситуации: ситуации причины и следствия, каждая из которых манифестируется своим предикатом и актантной рамкой; ситуация более высокого уровня, в описании которой предикатом выражается каузальная связь, а актантной рамкой служат высказывания, описывающие ситуации причины и следствия.

Для описания структуры семем глаголов данного типа, характеризующихся включенными причинно-следственными значениями, целесообразно использовать системы констант и формулу каузативной конструкции, разработанную Недялковым и Сильнищиком (см. [5, с. 5—20]). Предложенная каузативная конструкция основана на каузации — причинно-следственной (или обуславливающей) связи между двумя ситуациями.

Авторами была предложена формула $gissiKrsjsj$, где K выражает отношение каузации между микроситуациями причины и следствия, gi — субъект ситуации причины, si — предикат ситуации причины, gj — субъект ситуации следствия, sj — предикат ситуации следствия.

Авторы также указали на существование среди каузативных глаголов (в качестве каузативов ими рассматриваются только переходные глаголы) лексем, семемы которых могут быть описаны как $siKsj$ (*подозвать*, *застрелить*).

На наш взгляд, эти глаголы могут быть описаны с точки зрения включенной в них причинно-следственной ситуации: *подозвать* — «голосом или жестом попросить приблизиться, подойти» («Человек что-то говорит или делает определенный жест, и это побуждает другого человека (или животное) к тому, чтобы тот (или то) приблизился (приблизилось)»); *застрелить* — «выстрелом лишить жизни» («В живое существо стреляют, и это приводит к тому, что оно погибает»).

Однако следует учитывать тот факт, что каузативные глаголы, значение которых соответствует структуре логической модели $siKsj$ (значение gi и gj у переходных глаголов конкретизируется в развернутом высказывании), являются лишь частью класса глаголов с включенным значением причинно-следственной ситуации. В него входят глаголы, семемы которых могут быть описаны как $risiKsj$:

замерзнуть — «погибнуть от мороза» → «Наличие (si) мороза (gi) приводит (K) к гибели (sj) живое существо или растение (ri)»;

выболеть — «уничтожиться от боли, страданий» → «Есть (si) страдание (ri), боль, и под их действием (K) чувство (ri) (или часть ткани тела) исчезает (sj)»¹;

¹ В этом и предыдущем примерах gi конкретизируется в синтагме.

износиться — «прийти в негодность от долгой носки» → «Хозяин (гi) долго носит (si) (одежду или обувь), и в результате (K) она (гj) приходит (sj) в негодность».

Подобная формула логической структуры семем имеет место при автокаузации, когда $гi = гj$ и конкретизация позиции автоматически устраняет неопределенность $гi$:

каяться — «испытывать сожаление, сознавая свою вину или ошибку» → «Человек (гi) сознает (si) свою вину, и это приводит (K) к тому (гj), что он испытывает (sj) сожаление»;

напиться — «выпив спиртных напитков, стать пьяным» → «Человек (гi) пьет (si) чрезмерное количество спиртных напитков, под действием (K) которых он (гj) становится (sj) пьяным»².

Необходимо также учитывать, что даже требующие конкретизации в тексте семы субъекта ситуации следствия в случаях $гi s K s j$ и субъектов обеих ситуаций в случае $s i K s j$ задают семантические характеристики субъектов причины и следствия очень жестко, до минимума сужая количество вариантов. Так, $гj$ в *замерзнуть* — «живое существо или растение», в *выболеть* — «чувство или часть ткани тела» (в зависимости от лексико-семантического варианта слова), в *износиться* — «одежда или обувь», в *напиться* и *каяться* $гi$ и $гj$ — «человек» и т. п.

Семантические рамки значений субъектов ситуаций причины и следствия бывают настолько узки, что оставляют возможность только для конкретного индивидуума. Так, семема глагола *засечь* — «задевая при ходьбе ногой ногу, пораниться (о лошади)». Формально лексема является каузативом, который имеет в синтагме актантную рамку, соответствующую $s i$ и $s j$ и может быть описана как $гi s K r j s j$, где $гi$ — лошадь, а $гj$ — ее нога, в развернутом же высказывании может актуализироваться лишь указание на конкретную лошадь (ее имя, ссылка на хозяина и т. п.) и дополнительная характеристика ноги (левая, задняя, часть ноги и т. п.). Но возможно и тавтологичное высказывание, дублирующее значение сем в структуре семемы: «Лошадь засекла ногу».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что вопрос о соответствии языковой единицы со значением причинно-следственной ситуации определенному уровню языка оказывается непринципиальным для ее семантической структуры, так как одна и та же семантическая структура может манифестироваться и сложным предложением (и двух-, и трехчастным), и простым предложением, и лексемой. Это происходит за счет перехода эксплицитно выраженных компонентов значения в имплицитные и наоборот.

---

² В этом и предыдущем примерах $гj$ конкретизируется в тексте.

2. Представляется интересным определить степень полноты языковой картины мира в области причинных отношений действительности, фиксируемых человеческим сознанием, представленной на уровне лексического значения, по сравнению с языковой картиной мира, задаваемой сложными развернутыми высказываниями (в тексте), т. е. максимально полной.

Безусловно, содержание языковой картины мира есть понятие сверхсложное и глобальное по объему. Однако, на наш взгляд, есть возможность упростить его, сделать пригодным для исследования, опираясь на специфику причинно-следственной ситуации. Часть языковой картины мира, отображающей причинно-следственные отношения, можно рассмотреть как совокупность потенциальных высказываний, описывающих причинно-следственную ситуацию. Предикат их будет иметь значение каузального отношения. Различные ситуации причины и следствия можно, не конкретизируя их, выразить переменными. Отношение причинности является универсальным, и разница между высказываниями будет выражаться лишь набором переменных и их отношением к каузальной связи и между собой. Таким образом, термин «семантическое пространство», который удобно ввести для определения содержания языковой картины мира в определенной области действительности, можно определить как множество потенциально возможных моделей высказываний, описывающих данную область действительности. Для обозначения степени полноты языковой картины мира вводится термин «границы семантического пространства». При решении проблемы о соотношении границ семантического пространства представляется целесообразным применение аппарата и методов исследования пропозициональной логики, в частности логики причинности.

Логика причинности создана финским ученым Георгом фон Вригтом на основании методологических взглядов раннего Витгенштейна на картину мира: она представляется состоящей из фрагментов мира, если же речь идет о динамическом существовании мира, процессах, то вводится понятие истории мира, равной совокупности его фрагментов — ситуаций.

Фон Вригт предлагает описание причинно-следственной ситуации как сложного высказывания pTq , где p — ситуация причины, q — ситуация следствия, а оперант T задает временное соотношение причины и следствия (Г. Х. фон Вригт считал временное соотношение причины и следствия наиболее удобным для внешнего выражения каузальной связи). Выражение pTq читается так: «Сейчас происходит событие p , а в следующий момент происходит событие q », или « p потом q ».

Для верификации любого высказывания (текста), описывающего причинно-следственную ситуацию, логика причинности предлагает набор аксиом, с помощью которых высказывание можно привести к одной из аксиоматических схем и оценить с точки

зрения непротиворечивости. Аксиоматический ряд представлен следующими аксиомами:

$$T1 (p \vee q \rightarrow r \vee s) \leftrightarrow (p \rightarrow r) \vee (p \rightarrow s) \vee (q \rightarrow r) \vee (q \rightarrow s);$$

$$T2 (p \rightarrow q) \wedge (p \rightarrow r) \rightarrow (p \rightarrow q \wedge r);$$

$$T3 p \leftrightarrow (p \rightarrow q \vee \sim q);$$

$$T4 \sim (p \rightarrow q \wedge \sim q).$$

Читаются они соответственно так:

(T1) Р или q потом г или s тогда и только тогда, когда р потом г или р потом s или q потом г или q потом s.

(T2) Если р потом q и р потом г, то р потом q и г.

(T3) Р имеет место тогда и только тогда, когда р потом q или не q.

(T4) Неверно, что р потом q и не q.

Так как любое высказывание, описывающее причинно-следственную ситуацию, можно привести к высказыванию, соответствующему одной из схем (формул) аксиоматического ряда, можно допустить, что весь объем моделей данного семантического пространства может быть задан моделями, соответствующими схемам аксиоматического ряда.

Значения глаголов с включенной и причинно-следственной ситуаций также могут быть описаны как сложное высказывание (рТ):

бередить — «причинять боль прикосновением к ране» → «К ране прикасаются (р), потом (Т) возникает боль (q)»;

выключить — «прервать действие чего-либо, отсоединив от сети питания» → «Прибор отсоединяют от сети питания (р), потом (Т) действие прибора прекращается (q)»;

замерзнуть — «погибнуть от мороза» → «Наличие мороза (р), потом (Т) человек умирает (q)»;

зацеловать — «утомить поцелуями» → «Человека слишком часто (или долго) целуют (р), потом (Т) человек утомляется (q)»;

истаскаться — «прийти в негодность от долгой носки» → «Одежду (или обувь) долго носят (р), потом (Т) одежда (или обувь) приходят в негодность (q)».

При актуализации глагола в речи логическая структура семемы может представлять собой единичный фрагмент истории мира, как это имеет место в случаях *замерзнуть* (ЛСВ «погибнуть от мороза», «затвердеть от холода»), *бередить*, *выключить*, *гладить* и т. п., так как в значении этих лексем ситуации причины и следствия задаются однозначно, т. е. каждая из них характеризуется только одним предикатом. Для верификации множества высказываний, воспроизводимых на основе актуального

значения слова с аналогичной элементарной структурой, достаточно ряда из аксиом ТЗ и Т4.

Однако в других случаях актуализированное значение или лексико-семантический вариант слова содержит описание каузальной ситуации более сложной структуры за счет того, что в качестве ситуаций причины или следствия предлагаются их варианты. В этих случаях микроситуации определяются в дефинициях двумя или более предикатными словами.

Так, в значении глагола *подозвать* — «словом или жестом попросить приблизиться кого-либо» причиной может быть как речь, так и жест, причем для контекста данного глагола конкретизация причины может быть неактуальна: [Обломов] *уже хотел уйти, но тетка Ольги подозвала его к столу и посадила подле себя*. Высказывание, воспроизводимое на основе значения глагола *подозвать* («Человек, произнося слова или делая жест, заставляет другого человека (или животное) приблизиться к нему») — может быть переведено на язык пропозициональной логики как $(p \vee qTr)$ и соотнесено с аксиоматической схемой Т1.

Ср. значение глагола *дознаться*, позволяющее репродуцировать высказывание («Человек расспрашивает других людей, проводит расследование и в результате этого получает необходимую ему информацию»), которое может быть выражено как $(p \wedge qTr)$ и соотнесено с аксиомой Т2. Значение глагола *избить* — «ударами, побоями причинить боль, увечье» может быть выражено как $(p \vee qTr \vee s)$ и соотнесено с аксиомой Т1.

Что же касается значения слова в совокупности всех его лексико-семантических вариантов, содержащих описание каузальной ситуации, то его информационный потенциал, безусловно, позволяет воспроизвести высказывания, задающие развернутую цепочку фрагментов истории мира. Так, информация, «храняемая» несколькими лексико-семантическими вариантами глагола *замерзнуть* («затвердеть от холода»; «погибнуть, умереть от мороза»; «сильно озябнуть на холоде») позволяет репродуцировать высказывание: «На морозе некоторые вещества затвердевают, а человек и животные сильно зябнут и погибают». Оно может быть переведено на язык пропозициональной логики как высказывание $(pTq) \wedge (pTr) \wedge (pTs)$ и соотнесено с аксиоматической схемой Т2.

Разнообразные по модели сложные высказывания конструируются на базе других многозначных слов, например:

замяться — «остановиться на месте от нерешительности, затруднения, в замешательстве»; «прервать речь, сбиться, замолчать в замешательстве или подыскивая нужное слово»; «Чувство замешательства, нерешительность или затруднение приводят к тому, что человек останавливается, топчется на месте или прерывает речь». Это высказывание может быть переведено как $(p \vee q \vee bTr \vee s \vee c)$ и соотнесено с аксиоматической схемой Т1;

избить — «ударами, побоями причинить боль, нанести увечья»; «ударами, битьем повредить, привести в негодность»; «ударами, битьем причиняется боль живому существу, а вещи приводятся в негодность». Логическое высказывание ($pTq/\wedge r$) соотносится с аксиоматической схемой T2.

Итак, информационный потенциал слова задает семантическое пространство, внутри которого могут строиться высказывания, соотносимые по модели со схемами всего аксиоматического ряда. Таким образом, возможный набор семантических моделей высказываний, репродуцированных на базе информации о явлениях действительности и их причинных связях, содержащейся в свернутом виде в семантической структуре слова, принципиально ничем не отличается от множества семантических моделей, отражающих эксплицитно выраженные высказывания.

Анализ глагольных лексем с использованием аппарата пропозициональной логики, в частности логики причинности, позволяет выявить достаточно четкий критерий границ семантического пространства, задаваемого системой языка на различных уровнях языкового стратума. Он заключается в сопоставлении логических моделей высказываний, репродуцируемых на основе семантики языковых единиц, и моделей, задаваемых аксиоматическими схемами внутри определенного семантического пространства.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что границы семантических пространств, задаваемых значением глагола и сложным высказыванием, текстом, совпадают.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986.
2. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
3. Колишанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
4. Михайлова О. А. Глаголы со специализированными предметно-субъектными семами в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.
5. Небялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Л., 1969.

О. Б. АКИМОВА
Уральский педуниверситет

ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ В СТРУКТУРЕ ОБОРОТОВ ТИПА «НЕИЗВЕСТНО КУДА»

Анализируется место слов с обобщенно-указательной семантикой в структуре оборотов со значением неопределенности, состоящих из местоименного слова (*куда, кто, какой* и т. п.) и слова с финалью на -о (*неизвестно, безразлично* и т. п.).

Оборот — синтаксическое целое, для которого характерно переплетение всех структурных, грамматических и семантических свойств образующих его компонентов. Отличительной чертой оборотов типа *неизвестно куда, безразлично кто* является то, что структурные и грамматические признаки, тесно взаимодействуя между собой, формируют значение неопределенности. Структура оборотов может быть охарактеризована двумя основными признаками: постоянным количеством составляющих ее компонентов и закрепленным порядком слов. Грамматическая характеристика складывается из отдельных признаков входящих в него компонентов: морфологическая природа слов на -о и местоименных слов; тип опорного для оборота слова и контактное расположение оборота по отношению к нему; наличие соотносительности лексических значений сочетающихся слов. Таким образом, структурно-грамматическая характеристика оборотов данного типа складывается из комплекса существенных для них признаков [1].

Предметом анализа данной статьи являются слова с обобщенно-указательной семантикой, входящие в состав описываемых оборотов.

Местоименные слова, функционирующие в составе оборотов типа *неизвестно куда, безразлично куда*, представляют круг слов, включающий почти все местоимения и наречия современного русского языка. К ним, в первую очередь, относятся местоимения-существительные *кто, что* в разных падежных формах; во-вторых, местоимения-прилагательные *какой, чей, который, каков* также в разных формах; в-третьих, местоименные слова с количественной и обстоятельственной семантикой (наречия) *куда, откуда, где, как, отчего, почему, когда, сколько, откуда, зачем*.

В оборотах анализируемого типа местоименному слову принадлежит ведущая роль в семантической характеристике оборотов в целом, в детализации единого для него значения неопределенности, а также в валентных свойствах оборотов.

Одной из семантических особенностей местоимений является широта их употребления, обусловленная отсутствием у них постоянной соотносительности с определенными предметами, каче-

ствами. Они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы «беспредметным» (см. [2, с. 324]). Именно этими свойствами объясняется тот факт, что обороты анализируемого типа могут быть подчинены любому имени существительному или любому глаголу.

В оборотах типа *неизвестно куда, безразлично куда* употребляются вопросительные местоимения в функции относительных слов. Выступая как относительные слова, местоимения утрачивают значение вопросительности, сохраняя при этом собственное лексическое значение [3, т. 2, с. 720—721].

Отмеченные свойства местоименных слов по-разному проявляются у местоимений разных групп и по-разному влияют на сочетаемость конструкций в целом.

Местоименные слова *какой, каков, чей, который* в силу своего значения, как лексического, так и грамматического, способны сочетаться с любым по семантике и грамматическим признакам именем существительным.

Утрачивая значение вопросительности в составе оборотов, местоименные слова сохраняют лексическое значение: указывают на принадлежность, свойство, качество кого-либо или чего-либо. Эти местоименные слова, выступая в роли относительных слов, обозначают признак вообще, вне зависимости от конкретного лица или предмета. Именно существительные по природе своей обладают свойством иметь при себе атрибутивное слово для передачи того или иного признака, необходимого в данном конкретном случае. Этим объясняется разнообразие имен существительных, при которых употребляются обороты данного типа.

Подумаешь, проблема, какое-то фото, неизвестно чье (Э. Брагинский). Данное предложение возникло из вопросительного, но поскольку утрачивается вопросительное значение, а значение неопределенности при этом сохраняется, то возникает необходимость в какой-то мере компенсировать ущербность местоимения *чей*. Роль компенсатора берет на себя оборот *неизвестно чье*, слова которого объединены не только грамматически, но и семантически, занимая при этом позицию неопределенного местоимения [3, с. 328—329].

Необходимо отметить, что местоимения-прилагательные недифференцированно указывают на признаки предмета, так как даже при наличии системы форм словоизменения лексическое значение местоимения не оказывает влияния на образование данных оборотов, на создание значения неопределенности. Например, в таких предложениях, как *В книжных лавках он спрашивал газеты безразлично на каком языке* (М. Шагинян); *Всегда хорошо выбрит, подстрижен, не пьет, курит сигареты безразлично какие* (Г. Боровик); *Бабушка Шура неизвестно по каким соображениям счи-*

тала внучку виноватой в собственном сиротстве (А. Афанасьев) обороты передают признак вообще, без его детализации.

Предложно-падежные формы местоименных слов, особенно их частные грамматические значения, играют в оборотах ведущую роль. Основными и самыми обобщенными падежными значениями, отвлекаемыми от функционирования падежей во всех возможных позициях как при слове, так и в предложении, являются значения объектные, субъектные и определительные. Внутри каждого из названных значений существует дальнейшая смысловая дифференциация, отражающая те частные виды одного значения, которые связаны именно с данным падежом (см. [3, т. 1, с. 476]).

За счет частных значений предложно-падежных форм всего два слова могут передавать до десяти значений (цель, место, значение адресата, направление действия, субъекта действия и др.). Данные местоимения уточняют значение оборота в целом. Например: *Но и он, он теперь был неизвестно кто* (В. Распутин) — неопределенный субъект действия; *...я уезжаю из своего дома, неизвестно куда, неизвестно для чего, зачем и к кому* (К. Симонов) — значение причины или цели действия; *Брожу, глазами по свету шаря, шепча про себя невесть что* (И. Сельвинский) — значение прямого объекта и др.

Местоимения *кто, что* более экономны в передаче оттенков значения неопределенности, в отличие от местоименных слов с обстоятельственным значением: эти слова передают те же значения, что и наречия. *Когда, куда, откуда, как, где, зачем, почему, отчего* относятся к разряду неизменяемых слов и, как правило, являются однозначными. Вследствие этого они более специализированы в обозначении того или иного понятия, в отличие от двух предыдущих групп. Уточнение значения оборота происходит за счет лексических значений наречий: *Манилов тоже неизвестно отчего оглянулся назад* (Н. Гоголь); *Армия — неизвестно где* (С. Залыгин); *Шум великого города растекался в разные стороны неизвестно куда* (В. Белов); *Но во взгляде его осталась невысказанная мольба — что-то придумать, чтоб всего этого не было. Неизвестно как — но не было* (К. Симонов) и др.

Для всех местоименных слов, входящих в состав оборотов анализируемого типа, характерна постоянная закрепленная позиция по отношению к слову на -о. Такой позицией для местоименных слов является постпозиция. Закрепленная постпозиция местоименного слова в оборотах является одним из важных, существенных структурных признаков этих оборотов, так как именно при таком порядке сочетающихся компонентов формируется единое для них значение неопределенности. Если местоименное слово оказывается в силу ряда причин в препозиции по отношению к слову на -о, то происходит это чаще всего при

актуализации одного из компонентов оборота. Актуализироваться могут оба компонента оборота — как местоименное слово, так и слово на -о в зависимости от поставленной автором текста задачи. При этом значение неопределенности ослабляется, подчас разрушается совсем. Ср.: *Настена и так тайком от Михеича сняла в амбаре со стены ружье, завешанное одеждой; хватится — неизвестно, что еще будет* (В. Распутин) и *Из детей еще неизвестно что получится* (В. Панова).

Таким образом, местоименные слова, являющиеся одним из компонентов оборотов типа *неизвестно куда, безразлично куда*, характеризуются следующими основными признаками: во-первых, утратой значения вопросительности, что способствует формированию значения неопределенности; во-вторых, функцией уточнителя этого значения неопределенности, для выполнения которой важны два основных момента — лексическое значение местоименного слова и наличие/отсутствие предложно-падежных форм и стоящих за ними определенных грамматических значений; в-третьих, постоянный порядок расположения их по отношению к опорному слову на -о. Все местоименные слова проявляют тенденцию к слиянию со словами на -о, что ведет постепенно к лексикализации оборотов отмеченного типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акимова О. Б. Об одном способе выражения значения неопределенности в современном русском языке // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания. М., 1987.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.
3. Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Т. А. ГРИДИНА
Уральский педуниверситет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Исследуются контексты, фиксирующие отдельные этапы ономасиологического процесса, связанного с порождением и семантизацией наименования, выявляется роль словообразовательных механизмов в актуализации значения мотивированного слова.

В современной лингвистике все больше утверждается мысль о том, что восприятие семантики производного (словообразовательно мотивированного) наименования представляет собой автоматический (скрытый от непосредственного наблюдения) или

осознанный процесс воспроизведения словообразовательного акта. В этой связи актуально положение о том, что семантика мотивированного слова всегда может быть определена через отсылку к производящему (см. [1; 8]). Согласно теории единого мотивационно-derivационного процесса (см. [2]), как новообразования, так и узуальные производные лексические единицы обнаруживают одинаковый механизм восприятия их значений: через анализ словообразовательной структуры и как бы повторное «синтезирование» слова. Однако значение производного слова, как правило, не складывается из суммы значений составляющих его морфем, а в большинстве случаев содержит семантические приращения (фразеологичные компоненты семантики) (см. [4; 10; 11; 12]). Последнее значительно усложняет процесс синтеза семантики производного слова при его восприятии, что в особенности касается осознания неизвестных говорящему ЛЕ.

Учитывая сказанное, перспективным представляется исследование контекстов, фиксирующих, «выводящих на поверхность» отдельные этапы ономастического процесса, связанного с порождением и семантизацией исходного наименования (см. [5; 6; 7; 9]). Анализ таких контекстов позволяет выявить роль словообразовательных механизмов в актуализации значений мотивированных слов, рассмотреть факторы, определяющие содержательную вариативность словообразовательной модели.

Материалом для данной статьи послужили словообразовательные инновации и порождающие их контексты, извлеченные из книги А. Милна «Винни-Пух и все, все, все» в переводе Б. Заходера¹. Особенностью данного перевода является стремление в доступной форме донести до читателя (ребенка) смысл шутки, каламбура, заложенный в стилистике оригинала. С этой целью используются и многочисленные «объяснительные» (словообразовательные) контексты, из которых становится понятным смысловое (ассоциативное) наполнение соответствующего новообразования.

Среди используемых в рассматриваемом тексте приемов семантизации производных неузуальных слов наибольший интерес для нас представляют: 1) создание номинативных «серий» путем тиражирования новообразований одной и той же словообразовательной структуры; 2) создание словообразовательных контаминаций; 3) создание производных от одного корня, образующих окказиональные словообразовательные гнезда.

Создание номинативных серий актуализирует прежде всего ассоциативные связи слов одинаковой словообразовательной структуры и включает в себе возможность ситуативного варьирования семантики производных на основе лексического напол-

---

¹ Милн А. Винни-Пух и все, все, все. Алма-Ата, 1991.

нения модели и конкретизации ее денотативной отнесенности (специализации значения словообразовательного форманта). Так, словообразовательная модель «глагол + -лк- = сущ. с общим семантическим значением (СЗ) „носитель процессуального признака“» в узусе имеет конкретизированные СЗ «субъект действия», «орудие действия», «место действия», «объект или результат действия» и т. п. Новообразования, создаваемые по данной модели, обладают потенциальной идиоматичностью, так как могут обозначать любой предмет, характеризуемый определенным процессуальным признаком; это позволяет варьировать номинативную отнесенность подобных слов в соответствии с потребностями речевого акта.

В рассматриваемом тексте, например, наблюдается ситуативная конкретизация результативного значения отглагольных существительных с суффиксом -лк-, используемых для номинации песенок Винни-Пуха: *ворчалка, кричалка, пыхтелка, шумелка*. Тематическая специализация суффикса (ср. *песенка-кричалка* → *кричалка*) и актуализация в значении лексического мотиватора семы «характер исполнения» определяют денотативную функцию и ассоциативный фон отмеченных новообразований. Ср., например, контекст, формирующий восприятие лексического значения существительного *ворчалка*: *Как-то Пух не спеша прогуливался по лесу с довольным видом, ворча себе под нос новую песенку. Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром*. Таким образом, *ворчалка* — «песенка, которую Пух поет для себя, негромко, ворча» (ср. *ворчать* (о животных) — «издавать короткие, низкие звуки»). Одноструктурные образования *кричалка* и *пыхтелка* своей внутренней формой также указывают на ситуативно обусловленные особенности исполнения сочиняемых Пухом песенок: *кричалка* — «хвалебная песня в честь чего-либо, кого-либо». Ср.: Но [Пуху] *нужно было сочинить Хвалебную песню-кричалку про ее* [Совы] *прежний дом*. *Пыхтелка* — «песенка, сочиненная в тот момент, когда Пуха придавило креслом в домике Совы»: *И он запел, вернее, запыхтел Пыхтелку*.

Особо следует отметить специфику семантического варьирования существительного *шумелка*, которое в текстовом поле получает двоякую интерпретацию: как мотивированное глаголом *шуметь* и существительным *шум*. Последнее означает состояние Пуха, при котором опилки в его голове приходят в движение, порождая очередную прилив сочинительства: *Вдруг в его голове внезапно зазвучал Шум, и он показался Пуху хорошим Шумом, который может, пожалуй, многим понравиться*. Придуманная Винни песенка получает название *Шумелка* и ассоциативно включается в систему уже заданных контекстуальных значений данной номинативной серии (см. *ворчалка, кричалка, пыхтелка*). Ср. контексты, в которых слово *Шумелка* актуализирует

значение «песенка, содержащая шумовые эффекты»: — *Мы будем сейчас повторять Шумелку по дороге... Это специальная Дорожная Шумелка... Иду вперед (Тирлим-бом-бом).* — *Тирлим что?* [вопрос Пятачка] — *Бом-бом,* — сказал Пух. — *Я вставил это, чтоб она была шумелочней.*

Таким образом, серия наименований, созданных по одной словообразовательной модели, получает однотипное истолкование на основе их тематической общности в тексте. Широкое (ориентированное на обозначение любого предмета по процессуальному признаку) значение модели конкретизируется (варьируется) в соответствии с ситуативными потребностями характерологической номинации. В данном случае существительные с суффиксом *-лк-* указывают на действие, названное мотивирующим глаголом, как источник характерологических свойств обозначаемого: *кричалка* — «хвалебная песенка, исполняемая громко (ее кричат)»; *ворчалка* — «песенка, исполняемая тихо, «себе под нос», с характерными для голоса медвежонка звуками (ворчанием)»; *пыхтелка* — «песенка, сопровождаемая пыхтением»; *шумелка* — «песенка, содержащая шумовые эффекты (при ее исполнении шумят, многократно повторяя припев — ритмизированный звукокомплекс „тирлим-бом-бом“)». Ср. *Шумелка* — «песенка, возникшая как результат „творческого“ Шума (движения опилок) в голове Пуха». Все перечисленные образования идиоматичны по причине ситуативно обусловленной конкретизации значений мотивирующих ЛЭ и текстовой тематической специализации предметной отнесенности суффикса *-лк-*.

Рассмотренная серия наименований принадлежит к разряду потенциальных слов, созданных путем нового лексического наполнения и контекстуального варьирования семантики узуальной словообразовательной модели.

Другим видом актуализации механизмов словообразовательной системы является порождение собственно окказиональных ЛЕ (новообразований, созданных по непродуктивным моделям узуса или вообще не имеющих аналога в системе узуальных словообразовательных типов). К такого рода явлениям относится *контаминация* — способ образования слов-гибридов, «...объединение структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» [13, с. 238]. Данный способ содержит в себе большие возможности актуализации ассоциативного потенциала сближаемых слов, контекстуальной семантизации гибридных новообразований.

В анализируемом тексте представлены следующие приемы формирования контекстуальной семантики инноваций, созданных на основе контаминации.

1. «Срецивание» значений слов, описывающих фрагменты единой внеязыковой ситуации (контаминируемые лексемы связаны лишь отношениями речевой синтагматики): ср.

кашкочить — «наскочить и кашлянуть»:— *Я просто кашлянул*,— сказал Тигра.— *Он наскочил*,— сказал Иа.— *Ну, может быть, я немножко кашкочил*,— сказал Тигра [описывается ситуация, когда Тигра сбил с ног ослика Иа-Иа, неожиданно наскочив на него сзади]. Семантика окказионального глагола формируется всем предшествующим его появлению ситуативным контекстом. Контаминация служит средством актуализации целостного представления об описываемой ситуации. Ср. контаминационное образование *пушишки* — «*игра в шишки*, названная в честь Пуха, который ее придумал». Ситуативно обусловленный характер данной контаминации со всей очевидностью обнаруживается в том, что при изменении описываемой словом ситуации возникает новая номинативная единица. Так, «*Игра в пушишки*» (бросание шишек в воду с одной стороны моста и наблюдение за тем, какая шишка первой выплывает с другой стороны моста) переименуется в «*Игру в Пустяки*», поскольку вместо шишек начинают использоваться палочки: *Потом они стали играть палочками вместо шишек, потому что палочки легче различать, а Игру назвали просто Игрой в Пустяки, и в этом названии от Пуха осталось только «Пу», а от шишек вообще ничего не осталось*. Приведенный контекст не только комментирует словообразовательную структуру названия *пушишки*, но дает также дополнительную интерпретацию слову *Пустяки* как ассоциативно связанному с именем *Пух*, подчеркивая каламбурный смысл приведенных наименований.

2. «Скрещивание» значений лексем, тематически связанных в системе языка (контаминация слов одной тематической группы). Ср., например, *слонопотам* — название воображаемого страшного зверя (производное от *слон* и *гиппопотам*). В семантической структуре контаминационного образования актуализируются семы «животное больших размеров (как слон и гиппопотам)», «страшное». О такой ассоциативной стратегии, использованной при создании наименования, свидетельствуют контексты последующей «переработки» существительного *слонопотам*: — *Караул! Караул!*—закричал Пятачок... *Слонопотам, ужасный слонотам!!! ...Слонастый ужопотам! Потасный слонотам. Слоноул! Карасный Потослонам! Ужо... Пото... Слонопотам*. Текстовые контаминации синтагматически связанных лексем *слонопотам* и *ужасный* (ср. *слоноужастый ужопотам, потасный слонотам*), *караул* и *ужасный слонотам* (ср. *карасный потослонам* — метатеза от *слонопотам, слонотам*) эксплицируют эмоционально-оценочные коннотации, запрограммированные в содержании существительного *слонопотам* в соответствии с его номинативной функцией в тексте.

3. Контаминация ложноэтимологического характера, в основе которой лежит сближение (уподобление) созвуч-

ных ЛЕ с целью объяснения внутренней формы и значения непонятого узуального слова (см. [3]). Так, существительное *экспедиция* переименовывается в *искспедиция* по связи с глаголом *искать* (в соответствии с тем смыслом, который вкладывает в это слово Винни-Пух, решивший отправиться со своими друзьями на поиски Северного полюса). Семантизация наименования осуществляется путем введения «нового» корня в модельную сетку слова.

Семантическое наполнение лексических инноваций в художественном тексте определяется не только спецификой конкретного словообразовательного акта, но и возникающими в текстовом поле ассоциативными связями между однокоренными окказиональными образованиями. Так, в рассматриваемом тексте выделяются однокоренные новообразования, формирующие окказиональные словообразовательные гнезда (СГ) и словообразовательные цепочки (СЦ), при анализе которых выявляется семантическое наполнение каждого члена соответствующего комплекса наименований.

Ср., например, окказиональное СГ, базовым элементом (вершиной) которого является имя собственное *Винни-Пух*: — *пушистая песенка* («песенка Винни-Пуха»); — *Пушель* («ласк. от Пух»); — *Пухова опушка* («опушка, названная в честь Пуха»); — *пушишки* («игра в шишки, придуманная Пухом»); — *Винни-Пух де Медведь*.

Восприятие каждой единицы данного СГ осложнено дополнительными ассоциациями, заданными: а) исходной мотивацией имени Винни-Пух (так называли медвежонка в честь его любимого друга — лебедя Пуха, или в честь знакомой Пуха — медведицы Винни, или просто потому, что Пуху свойственно произносить *пух-х-х*, пыхтеть); б) структурными особенностями производных (*Пушель*, *Винни-Пух де Медведь*); в) контаминационной природой новообразований (см. *пушишки*).

Текстовая семантизация исходной единицы СГ или СЦ обуславливает специфику лексического наполнения словообразовательной структуры производных. Так, для рассматриваемого текста характерно «развертывание» в словообразовательных актах семантики производящего звукоподражательного наименования: *бум-бум-бум* (звук, производимый головой Пуха при соприкосновении со ступеньками лестницы, когда Кристофер Робин несет его вверх ногами) → *бумкать* (характерный для Пуха способ сходить или подниматься по лестнице «головой вниз») → *бумкнуть* (однократное к *бумкать*, буквально стукнуться головой о ступеньку, произведя звук «бум»). Ср. аналогичную СЦ: *тирлим-бом-бом* → *тирлиббомбумкать* → *тирлиббомбумкнуть* (глаголы обозначают многократное или однократное исполнение припева песенки, сочиненной Пухом).

Особый интерес представляют собой текстовые словообразовательные связи однокоренных слов, не соответствующие узу-

альным: при этом в качестве производящей единицы может выступать и созданная в тексте лексическая инновация, и узуальная ЛЕ. Производное же слово всегда эксплицирует контекстовую семантику производящего. Сравним в этой связи два отмененных типа словообразовательных корреляций.

В рассматриваемом тексте, например, представлена модель образования формы сравнительной степени не от прилагательного или наречия (как в узусе), а от существительного: *шумелка* → *шумелочней*, *приманка* → *приманочней*. Семантическое соотношение членов первой пары описано выше: *шумелочней* — буквально «с большей степенью шума, характерного для исполнения песни-шумелки»; в паре *приманка* — *приманочней* исходным элементом является узуальное слово *приманка*, контекстуальное значение которого определяется указанием на горшочек меду как средство «приманить» в ловушку воображаемого Слонопотама. Оценочные коннотации, заключенные в семантике существительного («нечто заманчивое, кажущееся легко доступным, чем очень хочется овладеть»), актуализируются словоформой *приманочней* — буквально «о чем-либо, в большей степени обладающем свойствами приманки». Аналогичен механизм актуализации окказионального наречия *одиннадцатичасно*, образованного от словосочетания *одиннадцать часов* (при отсутствии, «пропуске» опосредующего звена СЦ — прилагательного *одиннадцатичасный*). Мотивирующее словосочетание в тексте указывает на время, когда Пух начинает обычно ощущать чувство голода и не прочь чем-нибудь подкрепиться; отсюда *чувствовать себя одиннадцатичасно* — «проголодаться» (о Винни-Пухе). Ассоциативные связи мотивирующего словосочетания и наречия ситуативно заданы и вне текстового поля нерелевантны.

Текстовые связи ДЕ обуславливают их идиоматичность. Вместе с тем в словообразовательной структуре производных незузуальных лексем заложена «программа» семантизации наименования. Эта «программа» ограничивает возможности семантического варьирования тем диапазоном модификации значения словообразовательной модели, который определен системой. К словообразовательным механизмам актуализации значения производного слова следует отнести однотипное восприятие слов тождественной словообразовательной структуры; возможность переосмысления отношений между членами словообразовательной цепочки (ср. явление опосредованной мотивации как основу чересступенчатого словообразования); парадигматические и синтагматические связи однокоренных слов, отражающие комплексное восприятие последних в сознании носителей языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М., 1946. Т. 5. Вып. 4.
2. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

3. *Гридина Т. А.* Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
4. *Ермакова О. П.* Лексическое значение производных слов в русском языке. М., 1984.
5. *Зайченкова М. С.* Экспериментально-ономасиологическое исследование словообразовательного контекста (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1987.
6. *Земская Е. А.* Словообразование и текст // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
7. *Клеменцова Н. Н.* Создание, восприятие и использование производного слова в тексте (на материале аффиксальных производных современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
8. *Кубрякова Е. С.* Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
9. *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
10. *Малеева М. С.* Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. Воронеж, 1983.
11. *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
12. *Панов В. М.* О слове как единице языка // Учен. зап. Московского гос. пединститута им. В. П. Потемкина. М., 1956. Т. 51. Вып. 6.
13. *Панова А. А.* Идиоматичность имени существительного и ее возникновение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1977.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Т. В. ПОПОВА
Уральский университет

О ДЕРИВАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ПЕРЕСТРОЙКИ

Исследуется словообразовательная активность лексемы *демократия* как одного из ключевых слов-символов периода перестройки советского общества, выявляются закономерности сочетаемости возможных корневой морфемы, преобразования его ассоциативного потенциала.

Обостренный интерес лингвистов к проблеме человеческого фактора в языке повлиял на введение в научный обиход многих понятий. Среди них — понятие национального русского менталитета и его ключевые слова. Под национальным менталитетом обычно понимают специфический для того или иного народа способ видения мира и обусловленный им способ когнитивной и прагматической деятельности (см. [1]). Ключевые слова национального менталитета выражают его опорные концепты: символы, образы, понятия, определяющие идеи и представления.

Ключевые слова, отражающие менталитет современного русского человека, складываются из языковых единиц двух типов. С одной стороны, в их состав входят номинативно-образные средства и символы, выражающие национально-специфические константы, характеризующие менталитет русского человека во все периоды его исторического развития. С другой стороны,

ключевые слова могут передавать исторически конкретные понятия и представления, связанные с определенным временем. Ядро ключевых слов составляет первая группа лексем, но вторая не менее важна для правильного понимания национального менталитета того или иного времени.

Период общественно-политических и экономических преобразований советского общества, получивший название перестройки, изменил набор ключевых слов, характеризующих особенности мировоззрения и мироощущения русского человека конца XX века. В их состав, например, проникли такие идеологически окрашенные номинации, как *Советы, империя, перестройка, демократ, общечеловеческие ценности, Сталин, Горбачев* и др. Актуализация этих понятий в общественном сознании оказалась мощным стимулирующим средством для деривационного потенциала обозначающих их лексем, способности последних порождать новые слова, удовлетворяющие потребностям общества в тех или иных номинациях.

Так, словообразовательное гнездо существительного *Советы*, по данным периодики последних лет, пополнилось новообразованиями: *рассветить, советизировать, десоветизировать, советскость, советизация, постсоветский; перестройка* породила лексемы: *постперестройка, катастрошка* (катастрофа + перестройка), *перестройщик, перестроечный, доперестроечный, постперестроечный, доперестраиваться*; имя собственное *Сталин* мотивировало неологизмы: *сталинщина, неосталинизм, сталинист, сталинистка, неосталинист, антисталинский, просталинский, сталинизировать*; *Горбачев* — лексемы: *Горби, Горбач, горбистройка, горбостройка, горбатостройка, гробостройка, Горбистан, горбачевщина, горбачевизм, горбачевцы, пригорбачевский* и т. п. Особенно резко увеличились деривационные возможности слов с корнем *демократ* (более распространен его усеченный вариант — *дем-/демо-*): *демократ, демократический* и подобных, о чем свидетельствует значительное количество мотивированных ими новообразований на страницах периодических изданий последних 4—5 лет. Это неудивительно: перестройка идет под знаком демократических преобразований, поэтому данное понятие оказалось в центре идеологической борьбы сторонников и противников проводимого курса реформ.

Значительно возросший деривационный потенциал слов с корнем *дем-/демо-*, их ключевое положение в менталитете человека перестроечного и постперестроечного периода обусловили наш интерес к ним и описание их в предлагаемой работе.

Как показал анализ, собранные нами неологизмы с данным корнем обладают рядом особенностей.

Согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова, существительное *демократия* мотивирует 34 слова: 11 существительных (*демократ, демократизм, демократичность, эсдек, эсдечество* и др.); 19 прилагательных (*де-*

мократичный, национал-демократический, революционно-демократический и др.); 2 глагола (демократизировать, демократизироваться) и 2 наречия (демократично, демократически) [2, с. 286, № 117].

Количество неологизмов, созданных в последние годы на базе лексем с этим корнем, превысило общее число слов в словообразовательном гнезде и составило 50 единиц. В настоящее время словообразовательное гнездо, возглавляемое существительным *демократия*, состоит из 85 лексем, включая исходное слово. Все новообразования, за исключением прилагательных *псевдodemократический* и *деморосовский*, — имена существительные: *демократизатор*, *демократура*, *демагитпроп*, *депреформы*, *демлагерь*, *демРоссия* (встречается также, хотя и реже, написание *Демроссия*), *деморос* и др. Такая грамматическая семантика неолексем резко изменила частеречную структуру данного словообразовательного гнезда, значительно повысив в нем долю субстантивов и сократив удельный вес адъективов. Преобладание среди неологизмов имен существительных — естественное для языка явление, хотя в последнее время среди новообразований отмечается и рост глаголов: удельный вес последних среди всех неологизмов, по нашим наблюдениям, повысился от обычных 4—5 % до 11—12 % (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Частеречная структура словообразовательного гнезда
существительного «демократия»**

Период образования неологизмов	Количество неологизмов в словообразовательном гнезде			
	сущест- вительные	прилага- тельные	глаголы	наречия
1-я половина 80-х гг.	14 (41 %)	16 (47 %)	2 (6 %)	2 (6 %)
2-я половина 80-х гг.	61 (73 %)	19 (23 %)	2 (2 %)	2 (2 %)

Рассматриваемые неологизмы обладают рядом структурных особенностей.

Среди новообразований с корнем *дем-/демо-* преобладают композиты (всего 47 из 50 слов), простых слов лишь 3: *дем* «демократ», *демократура* «совокупность демократов», *демократизатор*.

Большинство неологизмов содержит 2 корня (45 слов из 50), два новообразования — 3 корня (*демагитпроп*, *демартподготовка*) и лишь три слова — один корень (см. приведенные выше простые слова).

Из 50 неолексем в 38 при словообразовании используется морф *дем-*, в 2-х — *демо-*: *демогракобесие*, *демофашизм*, *демо-*

пришибевы, демоскоморохи, демомафия, деморос и др. Например: *Господами нас зовут, // вновь с крестом на шее мы. // Только больно в морду бьют // демопришибевы!; Сотни лет терзали Русь // смуты и агрессии... // Но страшнее всех, боюсь, демомракобесие!* Использование алломорфа *демо-* обусловлено в основном морфологическими причинами: появлением на стыке морфем неудобопроизносимых сочетаний трех согласных звуков: *м + мр, м + пр, м + ск*; нечеткостью морфемных границ (*дем + мафия*), что нехарактерно для композита, и др.

Все новообразования с данным корнем пополнили вторую и третью ступени словообразовательного гнезда, в настоящее время на его I ступени — 8, на II — 67, на III — 6 и на IV — 3 деривата.

Основным способом создания рассматриваемых неологизмов является сложение разных видов (39 слов из 50), значительно реже используется усечение (1 слово *дем*); префиксальный (1 слово *псевдодемократический*), суффиксальный (4 слова: *демократизатор, деморосовский, демократура* и др.) способы и — при языковой игре — контаминация (4 слова: *демокрад* = *демократ + красть, дерьмократ* и др.). Например: *Демпресса пустила очередную «желтую утку» — о якобы вооруженном выступлении против Саддама Хусейна. Интересно, зачем «демы» провоцируют нашу армию?; Ставит старые фигуры // на местах демократура.*

Подавляющее большинство новообразований (39 лексем из 50) мотивируется, судя по контекстам, существительным *демократ*: *демлагерь* «лагерь демократов», *дем* «демократ», *демманипулятор* «демократ, манипулирующий общественным мнением», *демтелевидение* «телевидение демократов» и т. п.; 8 слов — одним прилагательным *демократический* или его сочетанием с каким-либо существительным: *деморос* «член партии «Демократическая Россия», *демпечатать* «демократическая печать», *демсилы* «демократические силы», *демпресса*, и лишь 2 — глаголом *демократизировать*: *демократизатор* «тот, кто активно демократизирует бывшее советское общество» и «действия, способствующие демократизации общества». Ср.: *Бытье неизбежно, как погода? Толкая нас «демократизатором» и долларом к процветанию, нынешние власть предержащие или забыли или не хотят думать о том, что жизнеспособность любого общества заключается в производительности труда его граждан»; «Останкино» дали демократизатора?* — название статьи о назначении на одну из руководящих должностей «Останкино» члена партии «Демроссия».

Такое распределение новообразований по разным мотиваторам свидетельствует о явном увеличении в последние годы мотивирующей силы имен существительных и снижении дериваци-

онных возможностей прилагательных и глаголов с данным корнем (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Количество дериватов, мотивированных словами разных частей речи, в словообразовательном гнезде «демократия», %

Период образования дериватов	Количество дериватов в словообразовательном гнезде		
	отсубстантивных	отадъективных	девербативных
до 1985 г.	62	29	9
1985-1993 гг.	80	16	4
1993 г.	72	22	6

Среди новообразований с корнем *дем-/демо-* преобладают имена существительные с двумя основными словообразовательными значениями: носителя признака, производителя действия и действия, состояния. Большинство субстантивов со значением агенса обозначает индивидуального производителя действия (*демпутат, демократизатор, демтелевизионщик* и т. п.). Обычно такое существительное характеризует носителя признака не только по его политическим убеждениям, отраженным в корне *дем-* (ср.: *дем, деморос*), но и по его профессиональному, общественному, образовательному и иному уровню или положению, уточняемому с помощью второй части композита: *деминтеллигент, демманипулятор, демшаман, демрасист, дембюрократ* и т. д.

Многие неологизмы называют «коллективного», собирательного носителя признака: *демпресса, демсилы, демгазеты, демлагерь, демфланг* и т. п. Такие композиты также могут содержать уточняюще-оценочный компонент во второй части (*деможандармерия*).

Среди новообразований много существительных со значением действия, качества или состояния, каким-либо образом связанного с демократией: *демагитпроп, демвакханалия, демреформы* и *деммаразм, демомракобесие, демсвободы* и т. п.

Существительные другой деривационной семантики крайне редки и встречаются лишь в частушках и других малых жанрах устного словесного и словесно-музыкального творчества, требующих языковой игры: *Ел и пил всегда досыта, // подметая все дотла: // в три горла — из парткорыта, // нынче же в пять — из демкотла; «Каждой роте — по демкомнате с трудами замполита Волкогонова!»*

Такое деривационно-семантическое своеобразие новообразований-субстантивов резко увеличило в словообразовательном гнезде существительного *демократия* количество слов с категориальной семантикой агенса. До 1985 г. существительные это-

го гнезда распределялись по группам «действие, состояние» и «его носитель» более равномерно: 5 субстантивов со значением действия-состояния (*демократизм, антидемократизм, демократичность, демократизация, социал-демократизм*) и 8 — со значением их носителя (*демократ, эсдек, эсдечка, эсдечество, социал-демократ, социал-демократка, социал-демократия* «совокупность социал-демократов», *национал-демократия*).

Анализ существительных с корнем *дем-/демо-* обнаруживает тенденцию к резкому изменению состава основ, с которыми сочетается данная морфема. До 1985 года все слова в этом словообразовательном гнезде обозначали какие-либо общественно-политические явления и сочетались с мотивирующими лексемами этого же тематического поля: *общедемократический, социал-демократия, народно-демократический* и т. п.

В настоящее время круг мотивирующих баз значительно расширился: корень *дем-/демо-* может присоединяться не только к основам общественно-политической семантики (*демпресса, демгазеты, демдепутат*), но и к мотиваторам с ярко выраженной коннотативной (оценочно-экспрессивной) частью: *демшаман, демкозел, демопришибеевы, дембюрократия* и т. п.

Расширение сочетаемостного потенциала данной корневой морфемы стало возможным вследствие частичной дискредитации идеи демократии в современном общественном сознании из-за недостаточной эффективности проводимых преобразований. Об этом свидетельствует, как нам кажется, появление прилагательного *псевдодемократический* и частое написание слов *демократ, демократия* в кавычках. Все это в целом привело к активному вовлечению лексем с корнем *дем-/демо-* в процесс создания текстов с использованием элементов языковой игры. Последняя строится обычно на нарушении стереотипов восприятия слова, морфемы, их сочетательных возможностей. Ср., например, преобразование *демократа* и *демократии* в *демокрада, демокраба, дерьмократию*, возникновение номинаций *демкотел, демшаман* и др.

Появление большого количества подобных дериватов привело к изменению ассоциативного потенциала данного корня, к возникновению в содержащих его производных не только положительной, но и отрицательной оценки обозначаемых явлений, т. е. в целом к изменению коннотативной части лексического значения многих слов.

Отмеченные выше особенности новообразований с корнем *дем-/демо-*, безусловно, не являются их исчерпывающим списком. Напротив, проведенный анализ поднял новые вопросы и проблемы, требующие привлечения дополнительных материалов для их разрешения. Среди них, например, проблема идиоматичности значения композитов, ее специфики и источников; проблема образности и переносного характера значения таких лексем; проблема влияния новообразований на семантику узу-

альных единиц; перспективы использования резкого повышения деривационного потенциала каких-либо единиц в качестве критерия отнесения их к ключевым словам национального менталитета и многие другие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале науки. СПб., 1991.

2. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985. Т. 1.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. И. КОНОВАЛОВА
Уральский педуниверситет

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ НОМИНАТИВНОГО ПРИЗНАКА В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Анализируются контексты, актуализирующие номинативный признак фитонима, и делается вывод о значимости подобных контекстов для описания соответствующей группы слов как системы.

Принципы номинации¹ (в том числе растений) достаточно полно описаны в парадигматическом аспекте (см. [1; 3; и др.]): в целом представлен «набор» признаков, лежащих в основе номинации реалий данной семантической общности. В последнее время более активно разрабатывается вопрос об актуальности номинативного признака (НП) для функционирования названий соответствующей денотативной отнесенности в речи. В этом плане интересным может быть обращение к высказываниям, ориентированным на передачу определенной информации с учетом принципов номинации тех или иных объектов, являющихся предметом сообщения.

Материалом анализа в данной статье является фитонимическая лексика среднеуральских говоров. В зависимости от роли актуализируемого признака в реализации целей коммуникации можно выделить два типа высказываний.

1. Контексты, отражающие связь названий с их предметной соотнесенностью и сопутствующими коннотациями. К высказываниям этого типа следует отнести:

а) контексты - толкования, разъясняющие признак, положенный в основу наименования того или иного денотата:

---

¹ Под принципами номинации понимаются «своеобразные ономастологические модели, обобщающие наиболее характерные аспекты и признаки, по которым происходит называние однородных предметов» [1, с. 12].

Разбой-трава колотье разбиват; если спина болит, попей ее, и все разобьет, вот разбой-трава и зовут; *По летай* вместе с овсом растет; овес когда веешь, полетай весь улетает, у его семечки легкие, он пустой. Контексты указывают на НП «назначение растения» и «реакция растения на внешние раздражители»;

б) контексты, указывающие на экспрессивность восприятия признака, лежащего в основе наименования реалии (с опорой на внутреннюю форму (ВФ) слова).

Поскольку номинативный процесс имеет ярко выраженный антропоцентрический характер (все обозначаемое соотносится с человеком и его деятельностью), НП могут отражать не только объективные свойства растений, но и те, которыми они не обладают. Это, например, признаки, приписываемые растению номинатором, отражающие эмоциональное состояние человека, связанное с воздействием на него того или иного растения. НП могут быть обусловлены ситуацией, состоянием субъекта, его ассоциациями, уровнем его языковой компетенции [2, с. 10]. Ср., например, наименования, во ВФ которых отражена сема интенсивности признака: *Такой жгучий этот чертополох, обжигат, хуже крапивы, не зря его жигуном зовут*. НП отражает свойство растения оказывать сильное, резкое, раздражающее воздействие на кожу человека; *Как в поле зайдешь, все чулки липухой облепит, шибко приставуч этот лепильник*. Актуализируется коннотация, закрепленная в семантике НП *липучий* (ср. с однокоренными словами *липкий, прилипать* по семе «такой, от которого трудно избавиться»); *Листюгу* *наросло, здоровущий, сразу не выдергаешь*. Контекст свидетельствует об экспрессивности признака «внешний вид сорного растения, имеющего очень большие крепкие листья и трудно поддающегося искоренению». Отрицательная коннотация находит формальное выражение в словообразовательной структуре слова, содержащей экспрессивный формант -юг-;

в) контексты, указывающие на оценочный характер НП, закрепленный в его ВФ: *Царь-трава от девяноста девяти болезней помогает, попьешь царь-травы, всяка боль утихнет; Приятя* (приятна травка) *мелконька, мягонька, цветочки голубеньки, глаз радует*;

г) контексты, содержащие указания на признаки, которые являются основаниями для образной номинации диалектоносителями того или иного растения. Средством создания образности чаще всего являются развернутые сравнительные конструкции: *День и ночь на-под вид фиалки. Когда на луг солнце приходит, лепестки раскрываются, они сверху голубые, светленьки, как бы день, а когда закроются, снизу темны, будто ночь. Врачебница* — она, как фершал, даже лучше, тот не каждую болезнь знат, а врачебница хоть от че помогает: *хоть от надсады, хоть от кашля — от всего*.

Все перечисленные контексты содержат указания на функционально значимые признаки и сопутствующие им коннотации названий фитонимов, связанные с их предметной соотносительностью.

Другой аспект функционального анализа названий растений с учетом их ВФ — установление системных связей ЛЕ в диалектной лексико-семантической системе.

2. Контексты второго типа показывают, что отраженные в названиях растений НП способствуют установлению разного рода семантических отношений между словами одной ЛСП и определяют «оппозицию и комбинаторику лексических единиц как два основных принципа их функционирования» [5, с. 39]. Приведем примеры системно значимых оппозиций, выстраиваемых на основе НП и выявляемых на уровне контекста:

а) гипер-гипонимические. *В поле растет, вот и поляк: васильки да, босоног да, сурепка... всякий бывает.* Контекст уточняет НП, лежащий в основе гиперонима, последующими гипонимами. Встречаются контексты, в которых употребляются два или более гиперонима, связанные общим принципом номинации, например, по месту произрастания реалии. Ср. употребление в одном контексте собирательных названий водных (*водняк*) и луговых (*лужанка, лужайка*) растений: *Так водняк — разна болотна, озерна, рещна трава, на воде живет, а лужанка всяка коло дома да на лугах покосных.* В этом случае высказывание имеет характер сопоставления, «...контекстуальная информация, с одной стороны, поддерживает значение несходства, с другой стороны, указывает на содержательную общность соотносимых частей» [4, с. 621];

б) синонимические. Отметим, что среди диалектных названий растений нет семантических синонимов, что связано со спецификой данной ЛСП. Синонимические оппозиции, таким образом, составляют в основном стилистические синонимы, при этом в наблюдаемом материале стилистически окрашенными оказываются мотивированные наименования, употребляемые в одном контексте с немотивированными. Например, параллельное употребление в одной микросистеме нейтральных немотивированных с синхронной точки зрения названий *пырей, чилибуха* и экспрессивных *коренюга, рвотник*. В высказываниях актуализируется отрицательная коннотация, выражаемая и значениями суффиксов, обладающих коннотативным потенциалом, и самим выбором названия, в котором закрепляется сема оценки говорящим обозначаемого: *Пырей полоть плохо, у него корень противный длиннющий тащится, потому его еще коренюгой зовем; Пьяницы в чай чилибуху запаривают для дурману, опьются этого рвотника, хуже самогону;*

в) варианты. Употребление номинативных вариантов не вызывает семантических или стилистических изменений высказывания, сочетаемость возможностей вариантов тождественна.

венны, поэтому они свободно замещают друг друга в контексте: *Раньше и сплешной травой*² *коней лечили, щас уж мало кто знат, привяжут этот кобы лятник-от к ушибленому месту, помогало, он жар вытягиват; Травой от двенадцати родимцев ребятишек поят от сглазу, запаривают ро'д и мочну и на ночь дают, чтоб не пужался;*

г) номинативные признаки коннотативного характера могут служить базой формирования антонимических оценочных оппозиций: «красивый — некрасивый» (*немила — милоцвет, безобраза — миловида, невзрачка — милушка*), «полезный — бесполезный» (*умна трава — нищая трава, бросова трава*), «полезный — вредный» (*царь-трава, всем травам мать — зловреда, вредоноска*), «имеющий приятный запах — имеющий резкий, неприятный запах» (*приятна травка, прията, благовонник — смердячка, дурнопахучник, козлятник вонючий, ословонник*). Такого рода признаки актуализируются в контекстах противопоставлениях: *Невзрачка-та — зеленая ромашка, ее много, только не сразу заметишь, она мелконька, некрасива, а милушку всякий знат, у ее цветки красивые белые с желтой середкой, на их девки гадают «любит — не любит».*

Особо отметим антонимическую оппозицию «настоящий — ненастоящий», которая выражается, как правило, однословным и составным наименованиями, последнее представляет собой сочетание односложного фитонима с определением. В роли определения, выражающего значение «ненастоящий, ложный», могут употребляться прилагательные *дикий, глухой, земляной* (ср. *чеснок — дикий чеснок, крапива — глухая крапива, хмель — земляной хмель* и т.п.) или притяжательные прилагательные, образованные от названия животного или птицы и не имеющие с ним семантических связей (например, *горох — журавлиный горох, пучки — медвежьи пучки, щавель — конский щавель* и др.). Номинативный признак «ненастоящий» актуализируется в описательно-дифференцирующих контекстах: *Крапива — зеленая и обжигат, а глухая крапива такая мутная, как бы пеплом обсыпанная, листочки-те мягкие, не жгутся, а с виду оне похожи.* Контекст свидетельствует об актуализации одного из признаков фитонима *глухая крапива* — «имеющий лишь внешнее сходство с крапивой, ненастоящий», само же название *крапива*, не мотивированное с синхронной точки зрения, не содержит в своем значении семы «настоящий», являющейся компонентом антонимической оппозиции. НП, выступающий в названии *глухая крапива*, оказывается релевантным для противопоставления только в системе взаимосвязанных номинаций (*крапива — синяя крапива, глухая крапива*), что фиксируется в структуре высказывания.

---

² Ср. *исплет, искрек, исплек* — «ушиб, вывих плеча у лошади».

Таким образом, актуализация в высказывании НП доказывает функциональную значимость ВФ слова для восприятия его семантики и характеристики системно осознанных связей.

Учет подобного рода высказываний необходим при описании системной организации семантических общностей разных деноминативных классов и семантической структуры наименования. Подобные высказывания демонстрируют, кроме того, важную роль ВФ наименования в актуализации коммуникативных намерений говорящего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск, 1981.
2. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
3. Копчева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале растений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
4. Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.
5. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

А. А. КРЕТОВ
Воронежский университет

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

На основе компьютерного анализа трех синхронных срезов в истории русской глагольной лексики делаются интересные выводы о динамике развития лексической системы.

В настоящее время история русского языка представлена исторической фонетикой, исторической морфологией и историческим синтаксисом. Отдел исторической лексикологии отсутствует. Имеющиеся работы по истории лексики написаны на разном материале, характеризуются разными научными позициями и не могут быть сведены воедино.

Работу по созданию русской исторической лексикологии целесообразно начинать с описания лексико-семантической системы современного русского языка, а затем шаг за шагом уходить в глубь истории. «Только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположения об особенностях языков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших» [1, с. 387].

Более того, не научившись описывать синхронные состояния лексико-семантической системы, мы не в состоянии создать и диахронического описания лексики, а обречены на создание

изолированных описаний истории отдельных слов или групп слов, что в исторической фонетике соответствовало бы, к примеру, «истории фонемы [ж]» или «истории аффрикат».

Мы ограничимся рассмотрением глагола как одной из центральных частей речи, наиболее продуктивной, наименее зависимой от экстралингвистических факторов и менее всего исследованной в историко-лексикологическом отношении. Единственным, но блестящим примером такого исследования является неопубликованная кандидатская диссертация А. И. Кузнецовой, посвященная глаголам движения [2].

Для данного исследования взято три синхронных среза (XII, XVII и XX век), каждый из которых представлен сотней примеров (три выборки по 100 встретившихся подряд глагольных словоупотреблений в формах изъявительного наклонения в функции простого глагольного сказуемого в повествовательных предложениях).

В выборках представлена авторская монологическая речь. Для обеспечения лингвистической и жанровой сопоставимости текстов и в соответствии с давней филологической традицией, закрепленной в курсах истории русского литературного языка, академических словарях и грамматиках, выборки делаются из текстов художественной прозы (XX века) и соотносимых с ними древнерусских текстов повествовательного типа, в частности житий.

Полученные синхронные срезы сравниваются попарно, и на основании сравнения делаются выводы о диахронических процессах в исследуемом объекте.

Материалом для описываемого опыта послужили выборки из «Жития Бориса и Глеба» по Успенскому сборнику, «Жития протопопа Аввакума» и романа Саввы Дангулова «Заутреня в Раппало» (см. список сокращений).

Каждое глагольное словоупотребление семантизировалось на основе метода словарной идентификации (см. [3, с. 94—95]) средствами современного русского языка с опорой на Словарь русского языка. Например: *Занялся разговор и погас, а в памяти остался след зримый...* (Дангулов). Семантизация: *заняться* — «2. начаться, возникнуть»; *разговор* — «1. словесный обмен сведениями, мнениями». Семантический класс — «Слово», подкласс — «Начать быть». Ср.: *Аз же, взяв клюку, а мати — некрещенова младенца, побрели, а мо же Бог наставит* (Аввакум). Семантизация: *побрести* — «пойти, с трудом переставляя ноги»; *пойти* — «начать передвигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном)». Класс «Передвижение», подкласс — «Начать двигаться». Ср.: *и абиЕ-оузырь текоущихъ шатьроу блистаниЕ-оружиЯ и мечьноЕ оцещениЕ*¹ [И вдруг

¹ По техническим причинам приняты следующие обозначения: Ъ — буква «ять»; А — буква «юс малый»; Я — йотированная буква «аз»; Е — йотированная буква «есть».

увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи] (Житие Бориса и Глеба). Семантизация: *увидеть* — «1. Воспринять зрением». Семантический класс «Зрение».

Т а б л и ц а 1

Количественная характеристика лексико-семантических классов условной эквивалентности по временным срезам, количество словоупотреблений

Класс	Период		
	XII в.	XVII в.	XX в.
Сообщения — речи	21	9	17
Перемещения	11	19	15
Эмоций	10	7	9
Мысли	8	3	16
Зрения	3	2	3
Времени	3	1	2
Нахождения — пребывания	2	1	9
Болезни	1	3	1
Проявления чувств	7	1	1
Жизни	5	8	
Обладания	4	12	
Физического воздействия		5	10
Слуха (звука)	3		5
Социального взаимодействия	10		
Социальных притязаний, устремлений	3		
Ранения	3		
Власти	1		
Социального окружения	1		
Межсубъектных отношений, опосредованных знанием	1		
Религиозных обрядов		7	
Учения		5	
Положения в пространстве		3	
Стрельбы		3	
Семейного состояния		3	
Этикетных действий		2	
Усердия		1	
Управления транспортом		1	
Хозяйствования		1	
Питья хмельного		1	
Изменения функционального состояния			2
Сортировки			1
Стимуляции деятельности			1

Тексты XVII века семантизируются непосредственно. Тексты XII века переводятся, и семантизируется их перевод. Словоупотребления каждого среза распределяются по классам условной эквивалентности (см. [4, с. 68]). Сопоставление временных срезов дает следующую картину (табл. 1).

Как видим, лишь девять классов оказались представленными во всех трех срезах; из них, пожалуй, лишь первые четыре

содержат достаточно материала для каких-либо содержательных выводов. Рассмотрим их подробнее (табл. 2).

Лексический состав класса «Сообщения-речи» представлен лишь тремя глаголами: *речи* (доминанта класса), *глаголати* и *сѣказати* «сообщить, поведать». Если в XVII веке глаголы класса «Речи» представлены всего восемью лексемами, то в XX веке

Таблица 2

Изменения в классе глаголов сообщения — речи

Глаголы	Частотность употребления по периодам			Глаголы	Частотность употребления по периодам		
	XII в.	XVII в.	XX в.		XII в.	XVII в.	XX в.
Речи	8	1	1 (сказать)	Спросить		1	1
Глаголати	4			Произносить			2
Сѣказати	3			Возопить			1
Отъвещати	1	2		Вопросить			1
Стонати	1			Вымолвить			1
Съповемы	1			Заговорить			1
Испоустити гласъ	1			Закричать			1
Испоушати гласъ	1			Произнести			1
БАше вѣсть (Емоу)	1			Спрашивать			1
Вскричать		1					
Говорить		1					
Известити		1					
Лаять		1					

одиннадцатью. При этом ни в XVII, ни в XX веке в состав класса не попали составные номинации, подобные *испоустити* (*испоушати*) *гласъ* и (*Емоу*) *башь вѣсть*, встретившиеся в XII веке. Составные номинации характеризуются самой низкой частотностью и принадлежат периферии класса. Следовательно, даже выборки в 100 словоупотреблений оказались достаточно для того, чтобы «добраться» до периферии глаголов речи XII века. О большей бедности словаря XII века по сравнению с последующими периодами свидетельствует и то, что в XII веке на 100 словоупотреблений встретилось 65 разных глаголов, а в XVII и XX — 86 и 88 соответственно. Выборки XII и XX веков имеют по две генетически тождественных лексемы: *сѣказати* — *сказать* и *отъвещати* — *отвечать*. При этом следует иметь в виду, что в XII веке глагол *сѣказати* имел значение «сообщить (обычно письменно), поведать». Не случайно в двух случаях из трех *сѣказати* переводится на современный русский язык глаголом *поведать*. В выборе же XX века глагол *сказать* имеет

значение «выразить словесно (в устной речи) какую-либо мысль». В XII веке это значение передавалось преимущественно глаголом-доминантной *речи*.

Итак, мы можем констатировать, что к XX веку в классе глаголов «Речи» произошло самое важное событие, какое только может произойти в истории лексико-семантического класса — смена доминант. На смену паре *речи* — *глаголати* при-

Таблица 3

Изменения в центростремительных деривационных связях глаголов «Речи»

Классы	Периоды		
	XII в.	XVII в.	XX в.
Звучания	<i>стонати</i> < <i>стон</i>	<i>лаять</i> < <i>лай</i> , <i>вскричать</i> < <i>кричать</i> < <i>крик</i>	<i>закричать</i> < <i>кричать</i> < <i>крик</i> , <i>возопить</i> < <i>во-</i> <i>пить</i>
Мысли	<i>сѣповѣмы</i> < <i>повѣдѣти</i> < <i>вѣдѣти</i> <	<i>известити</i> < <i>вестити</i> < <i>весть</i>	
Бытия	<i>баше, вѣсть</i>		
Позволения двигаться	<i>испоустити</i>		
Перемещения	<i>гласъ</i> < <i>поустити</i>	<i>возвратиться</i>	
Перемещения объектов			<i>произносить</i> < <i>износить</i> < <i>носить</i>
Физического воздействия			<i>протянуть</i> < <i>тянуть</i>

шла пара *сказать* — *говорить*. Промежуточный этап этого процесса обнаруживаем в XVII веке: наряду с архаичной словоформой *рекл* в выборке представлена и словоформа *говорю*, отсутствующая в выборке XII века. Второй же член древней доминантной пары — *глаголати* в выборке XVII века уже не представлен. К инновациям XVII века, удержанным языком впоследствии, относятся глаголы с корнями *крик-* и *прос-*. Полученные результаты могут уточняться данными частотных словарей и словоуказателей различных временных срезов. Изменение деривационных связей глаголов «Речи» представлено в таблице 3. (Для каждого класса описываются его центростремительные деривационные связи, которые для остальных классов являются центробежными — так устраняется дублирование описаний: каждая связь описывается один раз.)

Рассмотрим связи этих глаголов с другими частями речи. В XII и XVII веках класс пополняется за счет существительных: *глаголъ* > *глаголати*, *стонѣ* > *стонати* (XII век); ср.: *крик* > *кричать* > *вскричать*, *говор* > *говорить*, *весть* > *вестити* > *извест-*

ти (XVII век). Пополнение класса в XX веке осуществляется исключительно за счет внутриглагольных средств, новые отыменные образования отсутствуют.

В классе «Перемещения» существенных изменений не произошло, однако есть основания предположить количественные изменения, связанные с перераспределением функций единиц внутри класса, повышение функциональной активности одних и понижение других. Аналогичную картину дают и глаголы «Эмоций».

В классе глаголов «Мысли» также произошла смена доминант: глаголы *думать*, *знать* пришли на смену глаголам *помышляти*, *вѣдати*. Выборка XVII века не содержит ни тех ни других, поэтому вопрос о хронологии этого процесса остается открытым.

Смена доминант произошла и в глаголах «Зрения»: на смену древней паре *зрѣти* — *видети* пришла пара *смотреть* — *видеть*. Хронология этого процесса также подлежит уточнению.

Кроме лексико-семантической информации, проведенный эксперимент позволил получить информацию по историческому словообразованию, а именно — по деривационной активности глагольных приставок за обследованный период (табл. 4).

Таблица 4

Динамика словообразовательной активности
глагольных приставок в XII—XX вв.

Приставки	Периоды		
	XII в.	XVII в.	XX в.
<i>вѣ-, в-, во-</i>	1	1	3
<i>вѣз-, воз-, вз-</i>	2	6	5
<i>вы-</i>	—	1	2
<i>за-</i>	1	4	8
<i>из-</i>	4	5	1
<i>на-</i>	1	4	2
<i>о-</i>	1	6	3
<i>об-</i>	—	—	3
<i>отъ-, от-</i>	2	6	7
<i>пере-</i>	—	1	3
<i>по-</i>	11	6	7
<i>под-</i>	1	—	2
<i>пре-</i>	1	—	—
<i>при-</i>	2	5	4
<i>про-</i>	4	2	5
<i>раз-</i>	3	3	3
<i>сѣ-, с-</i>	5	3	5
<i>у-</i>	5	3	4
Всего:	44	56	67

Сравнение приставочных глаголов по трем срезам показывает, что число их последовательно возрастает — глагольная часть словаря растет за счет приставочных глаголов.

Столь же последовательно возрастала продуктивность приставок *вы-*, *за-*, *от-*, *пере-*. Повысилась к XVII веку, а затем снизилась продуктивность приставок *воз-*, *при-*. К XX веку повысилась частотность приставки *об-*.

По сравнению с XII веком несколько снизилась в XVII и XX веках продуктивность приставки *по-*. Стали непродуктивными приставки *пре-* и *из-*. Не претерпели существенных изменений в продуктивности приставки *в-*, *на-*, *о-*, *под-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*.

Проведенный эксперимент показывает, что представление о диахронии как о последовательности синхронных срезов лексико-семантической системы оказывается весьма продуктивным и позволяет — даже на минимальном материале — получать интересные сведения по истории лексики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1973.
2. Кузнецова А. И. Смысловые отношения и их исторические применения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка (с XI по XX в.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
3. Кузнецова Э. В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопросы металингвистики. Л., 1973.
4. Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1970.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957—1961.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аввакум* — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. (Сер. Литературные памятники Сибири.)
- Дангулов* — Дангулов С. Заутреня в Раппало: Роман // Роман-газета. 1983. № 8.
- Жития Бориса и Глеба* — Жития Бориса и Глеба // Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

**Н. Я. СЕРДОБИНЦЕВ,
Е. Н. СЕРДОБИНЦЕВА**
Саратовский пединститут

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается возможность употребления в литературном языке слов, отмеченных в лексикографических изданиях в качестве просторечных, определяются лексические, морфолого-синтаксические и стилистические особенности просторечных лексем.

Просторечие как неотъемлемая часть русского национального языка еще недостаточно исследовано. В нем отражены единицы всех уровней языка. Просторечная лексика, представленная в толковых словарях русского языка, являет собой значительный пласт слов. Разделению просторечия на употребительные и недопустимые в литературной речи слова посвящено немало современных исследований (см. [1; 5; 6; 20]), которые в основном уточняют положение о его двухчастном характере.

Однако вопрос об употреблении просторечных слов в литературной речи является спорным. Некоторые исследователи считают, что в наше время просторечие не играет важной роли в коммуникативной сфере и «активно вытесняется литературным языком, сохраняясь преимущественно в речи людей старых и пожилых» [6, с. 243]. Существуют и другие мнения. Так, Ф. П. Филин справедливо отмечал, что просторечие, «в отличие от письменного литературного языка и местных говоров, изучено очень плохо... Специфика лексики просторечия должна быть еще установлена» [20, с. 376].

Изучение просторечной лексики, ее структуры, значения и функционирования составляющих единиц открывает значительные возможности совершенствования средств литературного выражения, способствует усилению действенности речи и повышению уровня ее культуры. Важность темы обусловила оживленный интерес, который проявляется к ней в последнее время многими лингвистами (см. [10; 11; 16; 17]).

В этом контексте важными предстают вопросы, связанные с изучением просторечия в школьном курсе и на филологических факультетах вузов. Многие просторечные слова известны учащимся, более того, находятся в активном запасе, но они мало используются при изучении лексики, выполнении различных словарных упражнений и в связной речи, хотя такие слова иногда соответствуют теме высказывания, его назначению и стилю.

Отрицательное отношение к литературному просторечию не имеет серьезных оснований. Оказывает влияние «традиция» не включать просторечные, экспрессивно-окрашенные слова в уче-

ническую речь только потому, что они просторечные (хотя они не редкость в образцовых текстах, изучаемых в школе).

Знание слов литературного просторечия, их признаков и особенностей употребления в речи необходимо учителю. Это помогает организовать работу по расширению словарного запаса и по преодолению недочетов в речи учащихся. Так, методист М. А. Рыбникова включала просторечие в число средств, обогащающих речь при обучении русскому языку в школе. Она рекомендовала использовать «просторечные пословицы» с их «живой краткостью» (*Язык без костей; что хочет, то лопочет*), однокоренные слова, среди которых имеются и просторечные единицы (*середка, середний, сердце, среда; сумрак, обморок, морочить*) [13, с. 206].

Большинство просторечных слов обладают оценочностью, экспрессивностью, эмоциональностью и образностью: ср. *прибыток* («доход»), *пробойный* («бойкий», «ловкий»), *сколачивать* («собирать деньги»), *слезиться* («плакать») и т. п. Просторечные слова и формы составляют как бы сниженный стилистический ярус литературной лексики и являются важным резервом «освежения речи» [4, с. 204].

В. Н. Ключева, адресуя «Краткий словарь синонимов» школе, указывала, что огрубление слова в просторечном стиле не дает нам права на выбрасывание его из синонимического ряда; например значение «промедление» присуще не только немаркированным *проволочка, задержка*, но и просторечным *волынка, канитель* [8].

Выразительность просторечных слов и выражений привлекала внимание не только методистов. Так, В. И. Чернышев не считал ошибкой употребление в литературной речи просторечных форм *угащивал, разжалывали* и т. д. [22, с. 448]. «Вывести из литературного языка функционирующее в нем просторечие означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоционально-оценочную нагрузку», — утверждал Ф. П. Филин [21, с. 7].

Надо заметить, что лексический состав устной речи исследован меньше по сравнению с письменной формой. От понимания норм устной речи, ее отличий от письменной зависит успех работы по повышению культуры любой формы речи. Исходя из сказанного остановимся только на некоторых нерешенных вопросах, связанных с проблемой просторечия как одной из разновидностей устной формы речи. К ним относятся, например, особенности просторечной лексики и ее функционирование в литературном языке. Для рассмотрения данных вопросов выбран наиболее приемлемый, по нашему мнению, путь: от речевой формы к тому, что ее обусловило.

Понятие «просторечие» в наше время до конца не определено. Мы исходим из понимания просторечия как цельной лингвистической категории русского национального языка, находя-

шейся в его разговорной разновидности, одной стороной входящей в литературный язык, другой соприкасающейся с нелитературными подразделениями (жаргоном, диалектами и др.). Думается, что категоричное противопоставление просторечия литературному языку неправомерно, поскольку это явления разного порядка и статуса.

В данной статье исследуются элементы просторечия, извлеченные из Толкового словаря русского языка [32], из Словаря современного русского литературного языка (СРЛЯ) [18], из текстов литературных произведений разных родов и жанров. В шести томах СРЛЯ нами выделено 4873 элемента, имеющих помету «просторечие». В данной работе анализу подвергаются лишь 2456 единиц. Эти элементы распределяются следующим образом: из 1377 слов многозначных — 126; отдельных значений непросторечных слов — 595; просторечных оттенков значения у непросторечных слов — 80; 19 отдельных просторечных грамматических форм; 13 акцентных и произносительных форм; устойчивых словосочетаний — 220, фразеологизмов — 162.

Семантико-грамматическую характеристику в данной работе получают лишь неглагольные элементы¹, среди них семантика 902-х представляет всю гамму выражения оценки, чувства и экспрессии. При этом надо заметить, что преобладают выражения оценок и чувств «нижнего» спектра. Не встретились просторечные слова и значения, которые выражали бы «высокие» чувства. И оценки в основном носят характер отрицательного свойства.

Е. М. Вольф отмечает, что «особенностью оценки в естественном языке является асимметрия между положительной и отрицательной зонами «хорошо/плохо»... «в экспрессивных оценках», характеризующих свойства и действия объекта... способы отрицательной оценки более разнообразны в собственно семантическом плане» [2, с. 19—20].

Просторечные элементы с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией среди рассматриваемого массива составляют около 60 % (*пакостник, похвальбишка, потаскуха, растобары, сволота, стыдобушка, страстишка* и т. д.); нейтральные — более 20 % (*поверток, присловка, подвертки, росстань, ряд, сором* и др.). Слов с положительной эмоционально-оценочной коннотацией около 20 % (*племяшка, сподручник* и др.). То же наблюдается в устойчивых и фразеологических выражениях: *сказка про белого бычка, рожу решетом не покроешь, сбоку припека, пришей-пристебай* и др.

Если представить способы выражения чувства и оценки просторечных существительных и их элементов в виде спектра, то получим достаточно неоднородную картину. Одна часть

---

¹ Глагольные элементы в этом контексте уже исследовались рядом языковедов (см. [9; 11; 12; 14]).

спектра окажется в рамках литературного языка: *передых*, *переломка* («ружье»), *перемочка* («мелкий дождь»), *распояска* и т. п.; другая будет за пределами литературного выражения: *пентюх*, *перезрелка*, *сатанюка*, *стервятина* и др. В эту часть могут быть включены также слова со сниженной эмоционально-оценочной окраской, так называемые «грубо просторечные» слова (*рожа*, *рыло*, *рыжак*, *раззява*, *раскорячка*, *сморкач* и т. д.), просторечные слова с положительной оценкой, с выражением чувств ласки, шутки или иронии (*пацаненок*, *ребятенок*, *родненька*, *смертынька* и др.) и, наконец, так называемые «просторечно-областные» слова (*паря*, *пахоть*, *пенек* («улей»), *переруб*, *полушалок* и др.).

В середине спектра остается большое количество слов, которые называют лица, предметы, их действия, признаки и состояния: *пособник* («помощник»), *постой* («ночевка»), *разнота* («различия»), *родительница* («мать»), *сборка* (на одежде), *сродник* и др. Основная масса слов центральной части спектра находится в пределах литературной нормы и не обладает ярко выраженной экспрессивностью.

Сниженная оценка может заключаться в основе слова, имеющей «размытую» семантику: *пакостник*, *пентюх*, *скалдырник-скалыга* и т. п. Иногда к основе с конкретным значением присоединяется «книжный» суффикс. Такая форма интенсифицирует оттенок просторечности: *подарение*, *придурковатость*, *скончание* и др. В большинстве случаев, как показывает наш анализ, сниженность и грубоватость просторечным словам придают специальные языковые средства и способы их использования: формы слов, суффиксы, префиксы, ударение, произношение и др. Одни из них являются литературными, поэтому, соединяясь с литературной основой, выводят слово за пределы нормы: *питух*, *племяш*, *прилипала*, *пустобрех*, *симпатыга*, *скатерётка*, *сороходь* и т. п. Другие, соединяясь с корнем и изменяя его фонетическую оболочку (*почтарь*, *слых*) или морфологический состав (*питок*, *слабина*, *сласть*, *смирена*, *смуглян*), не нарушают норму, хотя ограничивают употребление возникшего слова в литературной речи.

Использование суффиксов нередко ведет к образованию слов-вариантов к литературно-нейтральным единицам: *проводины* («провода»), *поверток* («поворот»), *пехтура* («пехота»), *сотняжка* и т. п. В других случаях суффиксы, присоединяясь к целому слову, как бы удлиняют его, переводят в просторечный пласт (*разговорка*, *разбойство*, *скелетина*, *скукота*, *скупердяй* и т. п.). Иногда суффикс в литературном слове заменяется другим, который придает всему слову просторечную окраску (*поденка* — «поденщина»; *развязка* — «развязность»; *скребка* — «скребок, скребница»; *средствие* — «средство»). Можно встретить одновременную замену суффикса и префикса: *росшивь* — «вышивка»). Приставочных образований среди существитель-

ных встречается очень мало (*похвальба, сподручник, сродственник*).

Достаточно широко представлено безаффиксное образование просторечных слов от основ имен существительных: путем отбрасывания префикса: (по)*стоялец*; суффикса: *расстрой*(ство), *ржавь*(чина), *посыл*(ка), *скоп*(ление), *разжиг*(ание). Иногда производным является этимологический корень существительного: *ржа*(вчина). Встречаются случаи, когда слова, образованные безаффиксным способом, в просторечии меняют свое значение: *салфет*(ка) — форма приветствия, *сказ*(ать) — выражение воли, решения («Вот тебе мой сказ»).

Небольшую группу среди просторечных слов представляют сложные существительные (их встретилось всего 33), включающие основы *сам* и *рук*: *самосуд, самоуправ, самогрей; руковод, рукодел* и др., а также слова: *портомойня, пустобрёх, русопёт, скорохват, скороходь, солнопёк*.

Немало случаев, когда оттенок просторечности возникает в немаркированных словах, используемых в ином значении: *разводы* — «пространные, пустые речи, разговоры»; *разговор* — «произношение, выговор» и т. д. Переносное значение просторечных слов переводит их в разряд литературно-просторечных со сниженной грубоватой окраской. Это проявляется, например, при обозначении человека: *редька* («злая женщина»), *россомаха* («неряшливый человек»), *скот* («непорядочный, грубый человек»), *собака* («жестокий, злой и ловкий человек»), *сапог* («невежественный»), *сосулька* («слабый человек»). Слово с переносным значением просторечного характера может обозначать также другие реалии: *порча* («болезнь»), *сливки* («остатки вина»), *служба* («обращение к военному»), *страсть* («страх»).

В разряд просторечия попадают не только значения полисемантов, но и отдельные формы слов. Например, форма мн. ч. им. п. слов (*стоги, спрыски, текстили* и др.), форма мн. ч. род. п. (*солдатов*), форма ед. ч. (*родитель, родительница*), форма ж. р. (*самородка, самосадка*), форма м. р. (*самоубивец*), форма ср. р. (*чернило*) и др.

Среди просторечных имен прилагательных преобладают качественные, в том числе обозначающие признаки человека, характеризующие его внешность. Как правило, в них выражается оценка или чувство. Эмоционально-оценочные оттенки семантики придают экспрессию прилагательному, благодаря чему оно выступает характеризующим словом, а иногда и образным: *подбористый, порожний* (о ветре); *прокудливый, распотелый, сохлый*. Прилагательных, которые выражают только признак, мало (*подстарший, рождественский, растенельный*).

Значительное количество прилагательных указывает на характеристику внутренних качеств человека: *срывчивый, срывистый, самомнящий, самомнительный, самосильный, разгово-*

ристый, разутешный, рисковый. Такие прилагательные (всего 90) выражают эмоционально-оценочные отношения, как правило, экспрессивны (*разэтакий, растяпистый*), несут оценки и положительные (*радивый, политичный* и др.), и отрицательные (*растяпистый, стожильный* и др.). По своему морфологическому строению они простые, значения выражаются одной основой слова. Сложных прилагательных также немного (25 единиц): *самodelковый, самолучший, самоправный, страхолудный, страховидный* и др. Меньше качественных прилагательных, которые обозначают признак предмета (83 единицы). Просторечность придает им эмоционально-оценочная окраска: *развалющий, разгарчивый, рожонный, свежохонокый*. Экспрессия наблюдается у прилагательных в превосходной степени (12 единиц): *самолучший, худший, худющий* и др. Небольшое количество единиц в группе относительных прилагательных, обозначающих признак, относящийся к обиходным предметам или растениям: *разлатый, разведчатый, разопрелый, сортирный* и др.

Большинство из найденных наречий (78 единиц) выступает как просторечный вариант или синоним к нейтральным или разговорным словам с измененной фонетической оболочкой (*склизко*) или морфемной структурой (*снутри, сподряд* и др.). Почти все наречные слова экспрессивны и отличаются сниженной окраской.

Сравнивая все просторечные элементы в исследуемых томах словарей, мы обнаружили значительное обновление состава просторечного пласта. Количественно пласт просторечия возрастает. Так, помета «прост.» появилась в Словаре современного русского литературного языка (СРЛЯ) у 322 слов, которые не имели ее в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСУ). Некоторые слова с пометой «прост.» в ТСУ маркированы в СРЛЯ пометой «разг.» (9 слов): *полтина, пакостливый, славушка* и др.; «устар.» (26 слов): *полливо, треисподня, фетюк* и др.; «обл.» (2 слова): *паря, плешина*.

Просторечный пласт в СРЛЯ принял значительно больше слов из разных источников, чем утратил. В группу просторечных перешло из ТСУ 30 немаркированных слов (*полюбовный, пособие, ранехонько*); 52 разговорных (*ревмя, салтык, чинодрал*); 70 областных (*размывчивый, роса, проруха*); 225 единиц имеют помету «прост.» в обоих словарях (*постой, разор, рожка* и др.). Кроме того, значительное количество слов, включенных в СРЛЯ, вообще отсутствует в других, в частности в ТСУ, словарях (*папашка, потайка, строгач*). Такое движение слов приводит к увеличению исследуемого пласта русского языка.

Часть исследуемых слов имеет синонимы как среди нейтральных и разговорных единиц, так и среди просторечных: ср. *лицо* (нейтр.), *рожица, мордашка* (разг.) и *морда, мурло*,

рыло, ряшка, харя (прост.) Многие просторечные слова, имея синонимы среди нейтральных слов, выгодно отличаются от них своими дополнительными лексико-стилистическими оттенками, которые придают свежесть и экспрессию: *ражий — здоровый, русак — русский, политичный — вежливый*. Немало слов, выступающих единственно точными обозначениями и потому не имеющих синонимов: *решка, рогожина, рисковый* и др.

В процессе формирования единого национального русского литературного языка просторечие становилось основным средством его демократизации. В XVIII веке этот пласт своими элементами входит только в жанры низкого стиля литературного языка: комедии, басни и эпиграммы [15, с. 72—80]. В начале XIX века просторечные слова проникают в поэзию высоких жанров. А. С. Пушкин закрепил их в поэтическом языке. В середине XIX века просторечие широко вводится и в прозу. Начинает этот процесс Н. В. Гоголь, продолжают писатели так называемой «натуральной школы».

Демократизация языка путем введения просторечных элементов соответствует идейной направленности рассказа. Просторечие в нем художественно оправдано: наиболее выразительные эмоционально-оценочные средства языка используются авторами для выражения своего отношения к героям рассказа и к событиям в их жизни.

Особенно широко, наряду с диалектной лексикой, просторечие входило в произведения, отражавшие жизнь и быт народа второй половины XIX века. В конце века просторечие широко вливается не только в художественную речь, но и в другие стили литературного языка: в публицистику, научно-популярный стиль и др.

Дальнейшая демократизация русского литературного языка усилилась в XX веке. М. Горький, М. Шолохов, А. Бажов, В. Пикуль, В. Шукшин и другие широко и умело вводили просторечные элементы в ткань своих художественных произведений. Это же наблюдаем в языке поэзии. Достаточно указать на обилие просторечных слов, форм, значений и выражений в поэзии В. Маяковского, а в наши дни Р. Рождественского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и др. (см. [16, с. 99—121]).

Проведенный анализ просторечных элементов позволяет сделать следующие выводы.

Состав просторечных слов отличается многообразием в лексическом, морфолого-семантическом и функционально-стилистическом отношении. В лексическом отношении они маркированы эмоционально-оценочными и экспрессивными коннотациями, нередко выступают как варианты и синонимы к словам других стилевых разновидностей литературного языка и к диалектным словам. В морфологическом отношении это большей частью производные слова, имеющие общие с нейтральными словами корни и основы, оттенок просторечия возникает благодаря

использованию суффиксов (-ага, -яга, -ат, -ума, -ыщи, -ун, -ота, -ози и т. п.), непродуктивных в других стилевых разновидностях. Безаффиксный и префиксальный способы менее продуктивны. Редко встречаются сложные слова. В функциональном отношении это слова-оценки, слова-характеристики, к которым не всегда возможно подобрать синонимы в других стилевых разновидностях (*подклик, подстарший, рывом* и др.).

Анализ языка произведений показывает, что начиная со второй половины XIX века расширяется употребление просторечия в художественных текстах, в публицистике и поэзии, что говорит об усилении процесса демократизации литературного языка за счет просторечных единиц. Все указанные особенности придают просторечию устойчивый характер в структуре современного литературного языка, позволяя говорить о самобытной речевой сфере, которую не может обходить вниманием школа при обучении русскому языку. Поскольку просторечие вбирает слова с яркой экспрессией, которые нередко оказываются предпочтительными перед нейтральными их синонимами, то необходимо создавать толковые словари просторечной лексики. Словари просторечия могут быть общими — ненормативными тезаурусного типа и частными — нормативными, ориентированными на школу, включающими лишь литературное просторечие, которое может являться ярким средством изобразительности в речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бельчиков Ю. А. Литературное просторечие и нормы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
3. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
4. Горбачевич К. С. Изменения норм русского литературного языка. М.; Л., 1971.
5. Земская Е. А. Просторечие // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984.
6. Она же. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
7. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978.
8. Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М., 1961.
9. Кочеткова Т. В. О лексико-семантическом классе глаголов говорения в русской разговорной речи // Поэтика и стилистика. Саратов, 1980.
10. Крысин Л. П. Взаимоотношения современного литературного языка и просторечия // Русский язык в школе. 1988. № 2.
11. Лазарева Э. А., Кузнецова Э. В. Библиография советской литературы по лексико-семантическим группам глаголов // Классы и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
12. Погодаева Н. Ф. Просторечные глаголы в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
13. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983.
14. Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М., 1989.

15. Сердобинцев Н. Я. Очерки по истории русского литературного языка первой половины XVIII века. Саратов, 1975.
16. Сердобинцева Е. Н. Состав и функционирование просторечных элементов в современном русском литературном языке // Семантический и функциональный аспекты изучения лексики русского языка. Саратов, 1983.
17. Скляревская Г. Н., Шмелева И. Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском литературном языке // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. М., 1974.
18. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1959—1963. Т. 9—14.
19. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939—1940. Т. 3—4.
20. Филин Ф. П. Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание. 7-й Международный съезд славистов. Варшава. Доклады советской делегации. М., 1973.
21. Он же. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2.
22. Чернышев В. И. Избранные труды. М., 1970. Т. 1.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

В. Р. ТИМИРХАНОВ
Башкирский пединститут

ДИНАМИКА ТРАНСФЕРЕНЦИИ И ЕЕ ТИПЫ

Выделяются типы трансферентных явлений в речевой практике лиц, изучающих второй язык, определяются факторы, способствующие и препятствующие развитию трансферентных явлений.

Вопросы самых различных типов двуязычия и языковых контактов изучаются достаточно активно и эффективно, особенно в последнее время, поскольку адекватное научное решение большей их части приобретает сейчас политическую значимость и должно способствовать общественной стабильности. В нынешнем взаимозависимом, взаимосвязанном мире чрезвычайно актуальны исследования в области индивидуального билингвизма.

Многими лингвистами настоятельно выдвигается потребность иметь достаточно подробное описание таких типов интерферентных (трансферентных) явлений, которые бы позволили объяснить условия, содействующие или препятствующие их возникновению, развитию, исчезновению или закреплению, определяющие их статус и функционирование в речи обучаемого второму языку. Такая попытка и была предпринята нами. Под трансферентцией, вслед за Э. М. Ахунзяновым [1], мы понимаем перенос навыков родного языка на изучаемый, т. е. интерференцию в узком смысле как негативное явление при освоении второго языка.

Материал, лежащий в основе этой статьи, был получен нами

в результате эксперимента, который проводился на занятиях по английскому языку в группах студентов-русистов 1, 2 и 3-го курсов Башгосуниверситета. Форма данного эксперимента по общим критериям может быть названа лабораторной (групповые испытания с объявлением и без объявления цели исследования). Выборка материалов осуществлялась по результатам письменных и устных опросов, проводившихся преподавателем по учебному плану, и реже — по результатам специализированных заданий, составленных нами к определенному типу трансференции. Иногда использовались письменные работы студентов. Данные фиксировались письменно.

Стоит отметить, однако, что наиболее объективные данные были получены при обычных учебных опросах, прохождении грамматических тем, в беседах и диалогах студентов с преподавателем, между студентами. Данных о трансференции в письменной речи было собрано больше, чем данных о трансференции в устной речи. Этот недостаток объясняется несовершенством методики получения данных в естественных условиях обучения. Фактический материал позволил нам сделать ряд небезынтересных наблюдений и выводов.

Трансферентное явление определенного рода и определенного языкового стратума не исчезает, как правило, бесследно, единожды появившись в речи. Существует весьма своеобразная его эволюция, динамика, хронологически соответствующая степени трансференции на ее шкале (термин Л. Л. Аюповой [2, с. 44]) и качественно — уровню достигнутых билингвом речевых навыков в использовании средств данного языкового стратума. Ссылка на стратификационное членение языка здесь особенно важна, так как степень трансференции может быть различной на разных языковых ярусах в пределах одного временного отрезка «интерязыка» [3, с. 169] билингва. Трансферентное явление совершает своеобразный «кругооборот», часто деформируясь под воздействием различного рода причин — факторов социального, внешнего, внутреннего свойства, особенностей связи языка и мышления при билингвизме. Объяснения оборачиваемости трансферентных явлений необходимо искать также в когнитивных функциях мозга (см. [7, с. 188]), в индивидуальных свойствах памяти обучаемого, в эвристическом принципе порождения высказывания, в выборе и изменении говорящим речевой «стратегии», о чем предупреждают А. А. Леонтьев и А. Е. Иванова [5, с. 133; 6, с. 55—56].

К «оборачиваемым» трансферентным явлениям мы отнесли следующие.

По качеству воспроизведения: 1) качественно-динамичные; 2) качественно-статичные.

В первую подгруппу вошли все трансферентные явления, которые в результате своего функционирования, эволюции в речи билингва испытывают значительные деформационные

сдвиги, частично меняя свои качества. В данном случае значительно ощущается проявление силы давления родного языка на говорящего через действие внутренних факторов, а также таких особенностей связи языка и мышления при билингвизме, как отсутствие знания денотативных и сигнификативных свойств языковых единиц и ассоциативных отношений при производстве или переводе образно-метафорических высказываний, различия в семном наборе лексических единиц. Данному типу трансференции свойственно прогрессирующее развитие. Здесь мы наблюдаем такие изменения в речевой практике, которые соответствуют (на шкале трансференции) перемещению от сильной ее степени к слабой, в некоторых случаях и к едва заметной. Нулевая трансференция, в силу обозначенных причин, оставалась идеальной отметкой.

Проявления этого типа мы наблюдали в процессе функционирования в английской речи испытуемых ряда лексем, производные значения которых возникли на основе метафоры. Так, было предложено дать английский эквивалент предложению *Он не сводил глаз с двери*. 76 % информаторов второго года обучения дали прямой эквивалент русского глагола *сводить* — to conduct, тем самым игнорируя возможность использования симилиативных связей полисемии для передачи данного речевого смысла. Все полученные варианты перевода можно свести к следующему: He didn't conduct his eyes from the door. Другие испытуемые вообще прибегли к более сложным обходным маневрам с тем, чтобы воздержаться от употребления переносных значений. Ни один из участников опроса не использовал единственно корректный английский эквивалент *keeps sth. glued*, без которого функционирование построенной ими конструкции лишено смысла. В подобном случае при переводе на английский язык предложения *Пушкин поднялся на вершину славы* были даны такие варианты (они приведены здесь в наиболее общем виде с учетом грамматической трансференции): Pushkin had got up on the top of the fame; Pushkin had risen on the peak of...; Pushkin had climbed in the top of... . Относительно равнозначное английское соответствие должно звучать как Pushkin had sprung into fame, что буквально значит: *Пушкин прыгнул в славу*. Приведенные контексты показывают, насколько отличается семантика русского и английского глаголов, передающих один речевой смысл, и насколько дефицит представлений о различии семного состава влияет на корректное функционирование слова в речи на втором языке. Достаточно уверенное (к концу третьего года обучения) использование полисемии связано обычно с расширением знания об импликационных и классификационных связях многозначной лексики, с преодолением упрощенной квалификации тропов, с отказом от стратегии их разложения на простую сумму составляющих прямых (основных) значений.

Особенно показательна также в качестве иллюстрации рассматриваемого типа динамика акцентологической трансференции. На первом этапе воспроизводства английского [ˈægri.moutə] в произносительной практике обучаемого вторичное ударение отсутствует как таковое, возможно и нарушение места основного ударения, что приводит к относительно равноценному функционированию форм: [ægriˈmoutə] и [ˈægri.moutə]. На следующем этапе наблюдается отсутствие вторичного ударения без нарушения места основного: только [ˈægri.moutə]. В течение второго и части третьего года обучения можно наблюдать явление своеобразного членения одной словоформы на две ввиду присвоения билингвом одинаковой силы как основному, так и вторичному ударению: [ˌægri.moutə]. В последующее время наблюдалась корректная произносительная норма с несколько сниженным уровнем основного ударения.

В отличие от первого типа качественно-статичные трансферентные явления при функционировании в речи не претерпевают значительных деформационных сдвигов, отражающихся на их качестве.

По характеру воспроизведения качественно-статичные трансферентные явления могут быть подразделены: 1) на отмеченные прерывистостью воспроизведения; 2) на отмеченные континуальностью воспроизведения.

Трансферентные явления первого рода более других связаны с действием внешних факторов при билингвизме: информационной ситуации и ситуации обучения, психологической установки, индивидуальных свойств памяти, когнитивного аспекта, эвристического принципа в продуцировании речевых конструкций. Они характеризуются вариативностью употребления произносительных, лексико-грамматических, дистрибутивных навыков, один из которых становится нормой (идентифицированный навык), соответствующей нулевой степени трансференции. Типичной иллюстрацией этого может служить пример с воспроизведением обучаемыми question tag (вопросительного штампа) при разных способах передачи отрицания (один из которых совпадает с нормативным) с целью усиления вопроса: You give Lena this text, didn't you? (норма); You read this text, didn't you? (норма); You ought to be pleased, didn't (вместо oughtn't) you?

Тот же диссонанс в реализации навыка преследовал испытуемых и при ответе на вопрос: Ought he to go? — Yes, he did (вместо he ought); Ought he to back? — Yes, he ought (норма).

Проявлениями данного типа трансференции на фонетическом уровне являются случаи оглушения/неоглушения участниками эксперимента согласных на конце английских слов. Например, в произношении словоформы congresses чаще наблюдался [s], чем [z] (норма), но: leag — чаще наблюдался [g] (норма), чем [k].

При прерывистости воспроизведения трансференции нулевая или одна заметная ее степень может достигаться уже на первом году обучения, но в силу обозначенных причин не становится единственной нормой речевого поведения.

Трансферентные явления, отмеченные континуальностью (регулярностью) воспроизведения, составили самый значительный пласт всех наблюдаемых речевых отклонений. В отличие от качественно-динамических трансферентных явлений последние не испытывали значительных деформационных сдвигов. Они представляли своего рода квазистатический или равновесный процесс, протекавший столь медленно и устойчиво, что его отражение в речи обучаемого характеризовалось как относительной хронологической, так и относительной качественной регулярностью. Подтверждение этому видим в том, что все факты подобного рода распределялись в течение всех лет обучения только на двух нижних ступенях шкалы трансференции — сильной и, редко, умеренной.

Природа трансферентных явлений, отмеченных континуальностью воспроизведения, определяется преобладающей ролью внутренних факторов, осложненной такими особенностями связи языка и мышления при билингвизме, как отсутствие у обучаемых особого типа языкового знания — знания чисто реляционных, несодержательных свойств языковых единиц, их отношений в составе формальных парадигм и синтагм, их связей с известными сферами употребления; отсутствие привычки поведения в иноязычных мыслительных схемах, приводящее к стандартизованности и регулярности воспроизводства навыков родного языка, ставших областью подсознания. Система таких навыков наиболее консервативна и остается близкой к крайне устойчивому состоянию в течение всего учебного процесса.

Фактический материал дает в качестве иллюстрации этих положений некорректное употребление носителями русского языка модального глагола *must* в функции средства долженствования в группах *Past and Future Tenses*, в которых он в английском языке не выступает, а имеет лишь эквиваленты, составляющие периферию средств поля долженствования (см. [9, с. 134]). Таким образом, незнание отношений между ядерными и периферийными единицами рождает трансферентные контексты (ниже они приведены в таком виде, в каком были получены, т. е. с учетом других грамматических сдвигов):

Past: You must went to the war; You must be went to the war;

Future: You will must go to the war.

Как показало наблюдение, в равной степени частотным оказывается употребление по аналогичной схеме глаголов *should* и *ought*. Чрезвычайно стабильной оказалась и лингвистическая операция присвоения некоторым английским глаголам субстантивного коррелята со значением

«носитель действия», например: knew («знать») — knewer («зна-ток»), вместо expert. Лексема knewer отсутствует в английском словаре, но конструирование ее по английским словообразовательным нормам (глагол + суффикс -er- со значением носителя действия) объясняется возможностью подобной корреляции в русском языке, например *играть — игрок, знать — знаток*, а также представлением о наличии связей (при отсутствии адекватного понимания их характера и многочисленных дистрибутивных значимостей) между такими единицами английской лексики, как play — player, record — recorder doctor. Существование названной лексемы регистрируется, например, следующим контекстом: Can you see the last play of the knewers?

Большинство исследователей, склонных рассматривать лексическую трансференцию вне динамического аспекта, несколько упрощенно представляют себе пути ее нейтрализации. Так, болгарские ученые Х. Грынчаров и Л. Босилков, имеющие дело с материалом, подобным нашему, отмечают, что «при частичном совпадении значений модификация каждого из них в верный эквивалент достигается через включение или исключение соответствующего компонента значения, по которому лексические единицы обоих языков не совпадают» [8, с. 177]. В таком подходе, по нашему мнению, заключается наиболее типичное для синхронного анализа заблуждение.

Принимая во внимание сложность семантических различий между языками, которая проявляется не только в своеобразии их значений, но и в чисто реляционных отношениях лексем, в особенности норм словоупотребления, в функциях словообразовательных средств, накладывающих отпечаток на семантику, сочетаемость и корректность речевого контекста, нельзя упрощать механизм функционирования и преодоления трансференции. В наибольшей мере это относится к динамике описанных явлений лексико-грамматического уровня. В связи с этим выделение рассмотренных типов трансференции хотя и предпринято впервые с учетом эволюционного критерия, но должно восприниматься как достаточно условное. В силу многообразия, а порой и непредсказуемости путей развития интерязыка билингва под воздействием разного рода взаимодействующих факторов (см. [7]), не может существовать резких границ между трансферентными явлениями, которые не выступают изолированно, а влияют одно на другое и вместе — на степень трансференции, на степень освоенности второго языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахунзянов Э. М. Общее языкознание. Казань, 1981.
2. Аюпова Л. Л. Вопросы социалингвистики: типы двуязычия в Башкирии. Свердловск, 1988.
3. Белл Р. Современная социалингвистика. М., 1980.

4. *Иванова А. Е.* Эвристический принцип в порождении речи: зрительное восприятие и синтаксическая структура высказывания // Психолингвистические исследования речи и обучения второму языку. М., 1980.
5. *Леонтьев А. А.* Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. 1974. № 5.
6. *Тимирханов В. Р.* Внутренние и внешние факторы при билингвизме // Молодежь вузов республики — науке, школе, производству: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Уфа, 1987.
7. *Юсселер М.* Социолингвистика. Киев, 1987.
8. *Грѣнчаров Х., Босилков Л.* За переводните еквиваленти на лексикалните единици с общо значение «път/улица» в английски език // Трета научно-методическа конференция «Съпоставително езикознание и чуждоезиково обучение». Велико Търново, 1981.
9. *Weiner E. S. C.* The Oxford Miniquid of English Usage. L., 1983.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Л. В. ХРИСТОЛЮБОВА
Уральский педуниверситет

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ РЕЧЬ, КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О КОММУНИКАТИВНЫХ ТАКТИКАХ

Анализируются специальные средства, сигнализирующие об избранной говорящим коммуникативной цели общения, предлагается список устойчивых единиц, отражающих 36 обобщенных коммуникативных тактик речевой деятельности.

Кризисное состояние нашего общества поставило языковую личность, носителя языка, в трудное положение — он не может, не способен преодолеть установившиеся стереотипы, не в состоянии выбрать нужную коммуникативную линию поведения, определить тактику и стратегию общения, которые помогут ориентироваться в новой речевой и социальной ситуации [4; 9]. Поэтому на современном этапе лингвистических исследований важно извлечь объективный языковой материал, который помог бы установить национальную специфику речевых традиций общения, выработать единый подход к построению теории культуры речи, активных культурно-речевых методик.

Таким превосходным источником материала, на наш взгляд, является русская фразеология. «В основе всякого литературного языка лежит накопленное веками «сокровище» фразеологических словосочетаний, комбинаций фраз, изречений, пословиц и т. д. Но это «сокровище» оказывается гораздо большим сокровищем, чем обыкновенно думают. <...> ...В языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей и линии речевого поведения будущих поколений, наследников этого сокровища» [10, с. 136].

Фразеологическая система русского языка всегда привлекала внимание исследователей. В данной работе фразеологизм и, шире, устойчивая единица (УЕ) интерпретируется как своего рода прецедентный текст, существующий в межпоколенной передаче, «определенный символ, образ, знак повторяющегося, стандартного для данной культуры» [5, с. 54]. Фразеологизмы как строение единиц языка фиксируют явления жизни, в них, как и в языке, отражается жизнь народа, менталитет, или национальный способ видения мира, в том числе — взгляд народа на процессы общения, на коммуникативный акт (см. [6]).

Коммуникативный акт (КА) рассматривается нами как основная целостная единица общения, законченная часть речевого взаимодействия, имеющая естественные границы (см. [2, с. 42]). В компоненты КА входят мотив, цель, тактика воздействия на адресата, социальные и личностные характеристики участников общения, их эмоциональное состояние.

Мы полагаем, что УЕ, характеризующие речь (т.е. содержащие сему речи в широком акционально-коннотативном диапазоне), являются объективным источником информации о коммуникативно-тактических средствах, которые используются говорящими на протяжении веков.

Понятие коммуникативной стратегии разработано в отечественном языкознании достаточно широко. Стратегия в общем виде определяется как сверхзадача, а тактика — как средство для осуществления сверхзадачи в общении. «Речевая деятельность является одним из проявлений человеческой жизнедеятельности, а каждое действие связано с определенной целью и поэтому... любое речевое действие является реализацией некоторой цели» [8, с. 170]. Еще Л. П. Якубинский, говоря о целях высказывания, различал «тактические и художественные; безразличные и убеждающие (внушающие), причем в последнем случае — интеллектуальные и эмоционально убеждающие» [11, с. 18].

В. З. Демьянков, сопоставляя конвенции, стратегии и правила общения, разделяет «стратегии, использующие общие свойства коммуникации — как речевые, так и паралингвистические, — и стратегии чисто вербального общения» [3, с. 335]. Он же дает определение стратегии как «лобового» применения правил и знаний о конвенциях, «как средства показать слушающему замысел говорящего» [Там же, с. 336].

В трактовке Ц. Б. Городецкого коммуникативная стратегия складывается из взаимодействия практических и коммуникативных целей как связующих компонентов КА: «...практические цели осуществляются через посредство коммуникативных целей. И те и другие могут быть в пределах фиксированного коммуникативного акта стратегическими и тактическими» [2, с. 42]. Коммуникативная стратегия связана с целенаправленным воздействием на партнера по общению и соответствует замыслу,

интенции говорящего. Стратегия определяет выбор композиционного типа, приемы подачи фактов и их освещение, общую тональность речи.

Стратегический замысел обуславливает выбор тактических средств и приемов, предназначенных для выполнения стратегии. В работах по структуре публичной речи выдвигается в качестве специальной задача выделения и описания тактических средств: «Организовав материал вокруг единого композиционно-стилистического центра, оратор должен реализовать разработанную схему посредством ряда тактических средств и приемов выразительности. Стратегия и тактика тесно связаны между собой. Опытный оратор владеет различными типами речи. Конструируются эти типы отдельными приемами. Выделить и описать их — задача будущего» [1, с. 45—48]. Отметим, что задача эта до настоящего времени не выполнена. Более того, мы не располагаем даже начальным систематизированным списком средств и приемов, которые могли бы в дальнейшем быть рекомендованы в качестве средств коммуникативно-тактических.

Уточним содержание терминов, принятых в настоящей работе. Стратегия — это коммуникативная цель, сверхзадача общения, которая достигается с помощью типизированных речевых и неречевых средств, приемов, а также особого расположения этих средств в речи. Коммуникативная тактика (КТ) — намеренное, целенаправленно отобранное средство (средства), особый прием (приемы), специфическая композиция, которые говорящий использует сознательно для достижения определенной речевой стратегии.

Понятие коммуникативной тактики, имеющее для нас особую важность, специально разрабатывает Е. М. Верещагин в статье «Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры». Рассматривая ситуацию откровенности в качестве конкретной коммуникативно-поведенческой ситуации, он перечисляет коммуникативные тактики, наблюдаемые в данной ситуации, и показывает их реализацию в клишированных речениях: репликах, стереотипных фразах и фразосочетаниях. В указанной работе отсутствует строгое терминологическое определение понятия «коммуникативная тактика». Интерес представляют теоретические выводы, в которых автор сосредоточивается на значении тактик для национальной культуры и говорит о том, что «попытка систематизации разговорно-речевых выражений, реализующих КТ, опыт установления таких тактик, а также, наконец, выявление коммуникативных ситуаций, обнимающих тактики, оборачивается лучшим пониманием народной (национально-народной, идиоматической) психологии. Продвигаясь по этому пути, мы смогли бы приблизиться к трудноуловимому, но тем не менее реальному феномену, имеющему много имен и лучше всего называемому «русским духом» [1, с. 43].

Можно предположить, что русская фразеология — это та

сфера, в которой зафиксировано представление народа о типовых коммуникативных тактиках. При таком подходе понятие коммуникативно-поведенческой ситуации можно соотнести с прагматическим результатом, под ним понимается обобщенная модель толкования различных по компонентному составу устойчивых единиц, их обобщенное прагматическое содержание. Результат рассматривается как некоторый итог функционирования данной единицы и того смысла, который она несет. В качестве такого итога и выступает обобщенное прагматическое содержание, которое дается нами по материалам толкований, имеющихся в словарях, и условно называется прагматическим результатом.

Из языкового материала (около 750 устойчивых единиц, характеризующих речь) выделяются УЕ, передающие информацию о КТ.

Непосредственно указывают на тактику такие УЕ, в семантике которых закреплена сема цели. Целевая сема имеет сигналы в толкованиях УЕ, которые выступают в качестве текстов вторичных по отношению к толкуемым — первичным, прецедентным. Сема цели может также непосредственно присутствовать в лексической семантике слов, входящих в структуру той или иной УЕ.

Сигналами целеустановки в составе УЕ и их дефиниций являются союзы, союзные слова, предлоги, наречия, деепричастные обороты: *с целью, чтобы, ради, для, намеренно, умышленно* и т. п.

Если сема цели ощущается в составе УЕ или/и в дефиниции, можно считать, что само толкование прямо отражает ту или иную КТ. Например: *смея ради* — «с целью пошутить, посмеяться»; *для отвода глаз* — «чтобы отвлечь внимание от чего-либо, ввести в заблуждение, обмануть»; *шутки шутить* — «говорить или делать что-либо ради забавы, развлечения»; *зондировать почву* — «предварительно, заранее разузнавать о чем-либо, выяснять что-либо, обычно с целью определить заранее шансы на успех какого-либо дела, предприятия»; *выворачиваться наизнанку* — «прибегать к любым средствам, уловкам, ухищрениям, чтобы добиться желаемого».

Приведенные примеры показывают направленность установок на ту или иную коммуникативную задачу (с целью пошутить) или задачу практическую (ср.: с целью определить шансы на успех какого-либо дела). В отдельных случаях тип стратегии не зафиксирован (чтобы добиться желаемого).

Встречаются УЕ с семантикой цели, толкование к которым не содержит слова цели. В таких случаях мы стремились получить трансформ со словом цели. Например: *выжимать слезу у кого* — разг., ирон. «стараться вызвать в каком-либо сочувствие, сострадание, жалость» → «говорить так, чтобы вызвать у кого-либо сочувствие, сострадание, жалость»; *беречь рану*

(душу) кого, чью, в ком — «вызвать тягостные воспоминания; волновать, тревожить, беспокоить»→«говорить что-либо, с целью вызвать тягостные воспоминания, разволновать, растревожить»; *вешать собак на шею* кому — прост. «наговаривать, клеветать на кого-либо, необоснованно обвинять»→«наговаривать на кого-либо, чтобы его оклеветать, опорочить, обвинить в чем-либо»; *припирать к стене (стенке)* кого — прост. «ставя кого-либо в безвыходное положение, вынуждать признать или сделать что-либо»→«ставить кого-либо в безвыходное положение, чтобы заставить признать что-либо» и др.

В случае невозможности трансформации УЕ в исследовательский материал не включается.

Таким образом, опорой выделения коммуникативных тактик является наличие целевой установки, семы цели и соответственно слова с семантикой цели, сигнала цели в составе самой УЕ или ее толкований, а также возможность трансформации толкования в предложение, передающее целевые отношения.

Необходимо отметить, что информацию о коммуникативных тактиках содержит не каждая УЕ, характеризующая речь. По нашим данным, устойчивые единицы, в которых обнаруживаются сигналы целевой семы, составляют около 58 % от всего числа УЕ, характеризующих речевой акт.

Материал русской фразеологии позволяет выявить первичный набор коммуникативных тактик. Список УЕ, передающих информацию о них, открыт, он не претендует на окончательность, и хотя дан на фоне стратегии, но без ее дифференциации.

С п и с к и

устойчивых единиц, передающих информацию конкретной КТ

1. КТ ВЕРБАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

припирать к стене (стенке);	брать на испуг;
припирать в угол;	брать в оборот;
вбивать в голову;	брать за горло;
садиться верхом;	брать в обработку;
садиться на голову;	брать за бока;
вправлять мозги;	брать в шоры;
вкладывать в уста;	вгонять в краску;
ловить на слове;	наступать на горло;
тянуть за язык;	наступать на язык;
клещами тащить (вытягивать);	связывать язык;
развязывать язык;	замазывать рот;
расстегнуть рот;	затыкать (закрывать, зажимать) рот;
	затыкать глотку;
	укоротить язык;
	лишить слова

2. КТ ВЕРБАЛЬНОГО ВРЕДИТЕЛЬСТВА

наступать на ногу (ноги);	в ложке воды утопить;
наступать на любимую мозоль;	мяггло стелет, да жестко спать;
наступать на хвост;	перейти на личности;
гладить против шерсти;	в пику;
насыпать соли на (под) хвост;	подносить (преподносить)
рыть (копать) яму;	пилюлю;
испортить много крови;	входить в претензию;
напиться (насосаться) крови;	ударяться (входить, вламы-
кровно обидеть;	ваться) в амбицию

3. КТ ОБОСТРЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ

давать (подставлять)	показывать зубы;
подножку;	накалять атмосферу;
сживать со света;	подливать масла в огонь;
заедать век;	из-за угла;
вбивать клин;	тихой сапой;
совать (свой) нос;	нож в спину;
соваться со своим носом;	нож в сердце

4. КТ НАМЕРЕННОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОРАЛИЗАЦИИ

играть на нервах;	лезть в бутылку;
действовать на нервы;	лезть на стену (стенку);
трепать нервы;	выходить из себя;
сводить с ума;	рвать и метать;
выводить из терпения;	устраивать сцену;
выводить из себя;	входить в претензию;
доводить до белого каления;	ударяться в амбицию;
бередить рану;	повысить тон
гусей дразнить;	

5. КТ НАГОВОРА / ОЧЕРНИТЕЛЬСТВА

бросать (кидать, швырять, пускать) камнем (грязью);	
бросать (кидать, набрасывать, наводить) тень;	
смешивать с грязью;	
забрасывать (закидывать) камнями (грязью);	
обливать (поливать) грязью (помоями);	
втаптывать (затаптывать) в грязь;	
копать под кого;	пришивать дело;
вешать собак на кого;	предавать анафеме;
вешать собак на шею;	пригвождать к позорному столбу;
плевать в душу;	покрыть позором

6. КТ ЗЛОСЛОВИЯ (НАГОВОРА)

перемывать (мыть) косточки;	рыться в грязном белье;
разбирать по косточкам;	выносить сор из избы;

надувать в уши;
напевать в уши;

чесать языки;
склонять на все лады;
склонять во всех падежах

7. КТ ВЕРБАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

брать (хватать) за душу;
бередить рану (душу);
затрагивать за живое;
тронуть (задеть) чувствительную (больную, деликатную), струну;
заронить искру;

8. КТ ПРЕЗРЕНИЯ

крутить носом;
воротить нос (морду, рыло);
отворачивать рыло (морду, харю, физиономию);

с высоты своего величия;
облить презрением

9. КТ РЕЗКОЙ КРИТИКИ

камня на камне не оставить;
брать в переплет;
брать под обстрел;

подкручивать гайки;
закручивать гайки

10. КТ КРИКА, СИЛОВОГО АКУСТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

драть (надрывать) горло;
разевать глотку;
криком кричать;
во весь (в полный) голос;
во весь рот;
во все горло;
во всю глотку;
во всю ивановскую;
что есть духу;

распускать горло (глотку);
надсаживать грудь;
что есть силы (сил, мочи);
благим матом;
во всю силу (мочь);
в полный голос;
на всю катушку;
в голос

11. КТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ

полным голосом;
бить тревогу;
бить в набат;

кричать на всех перекрестках;
кликать клич;
звонить во все колокола

12. КТ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

выводить на свет божий;
выводить на чистую (свежую) воду;
извлечь на свет божий;
проливать свет;
открывать глаза;

срывать маску;
снимать (сдирать, срывать) покров;
приподнять (приоткрыть) завесу;
сорвать завесу;

бросать в лицо;
прижимать к стене;

ловить на слове;
показывать пальцем

13. КТ НАСТОЙЧИВОГО, НАДОЕДЛИВОГО ПОВТОРЕНИЯ

прожужжать (протрубить)
все уши;
жевать жвачку;
жевать мочало (мочалку);
крутить шарманку;
заводить волынку;
капать на мозги;
тянуть канитель;
тянуть одну и ту же песню;

заладила сорока Якова;
не сходить с языка;
в одну дуду дудеть;
без устали;
все время;
изо дня в день;
двадцать раз;
раз за разом;
не раз

14. КТ НЫТЬЯ

петь Лазаря;
плакать в жилетку;
выжимать слезу;

распустить слюни;
распускать нюни;
сопли распустить

15. КТ МОЛЬБЫ, ПРОСЬБЫ

падать (припадать) к ногам
(стопам);
падать в ноги;
падать на колени;
кланяться в ножки;
валяться в ногах;

идти на поклон;
бить челом;
обивать пороги;
стучаться в двери;
просить честью

16. КТ ВЫСМЕИВАНИЯ, НАСМЕШКИ

поднимать на смех;
скалить зубы;

бросать камешки в огород;
прохаживаться на счет;
пройтись (проехаться, прокатиться) по адресу

17. КТ ОСТРОСЛОВИЯ, ШУТКИ

для красного словца;
играть словами;

сыграть шутку;
шутки шутить;
в шутку;
смеха ради

18. КТ ОБМАНА, ЛЖИ, НЕИСКРЕННОСТИ

натрубить в уши;
заговаривать зубы;
замазывать глаза;
отводить глаза;
для отвода глаз;
пускать пыль в глаза;
втирать очки;

водить за нос;
натянуть нос;
поднять на фу-фу;
поймать на удочку;
метать петли;
играть в кошки / мышки;
играть в прятки (жмурки);

вкручивать мозги;
морочить голову;
крутить голову;

брать на арапа;
брать на пушку;
обводить вокруг пальца;
кривить душой;
лить крокодиловы слезы

19. КТ ЗАПУТЫВАНИЯ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ

набросить покров;
наводить тень на плетень;
мутить воду;

напустить туману;
крутить голову;
ставить в тупик

20. КТ ДЕЗОРИЕНТАЦИИ

сбивать с толку;
сбивать с панталыку;
сбивать с пахвех;

выбивать из колен;
с ног на голову поставить;
окатить (облить) холодной
водой

21. КТ НАМЕКА

давать чувствовать (почувствовать);
закидывать удочку;
закидывать (запускать) слово (словечко, словцо);
играть в загадки

22. КТ ВОСХВАЛЕНИЯ

петь осанну;
петь дифирамбы;
петь аллилуйю;
петь (сладкие) песни;
курить фимиами;
во славу;

до небес превозносить;
поднимать на щит;
разводить сантименты;
гладить по головке;
гладить по шерсти (шерстке)

23. КТ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ / СЕКРЕТНОСТИ

за спиной;
по углам;
под сурдинку;
под шумок;

один на один;
глаз на глаз;
с глазу на глаз;
между нами (говоря);
на ухо

24. КТ ВЕРБАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ, ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

зондировать почву;
нащупывать почву;
закидывать удочки

25. КТ МОЛЧАНИЯ, СОКРЫТИЯ МЫСЛЕЙ, ЧУВСТВ, НАМЕРЕНИЙ

заговор молчания;
обойти молчанием;

держать язык за зубами;
держать язык на привязи;

молчать в тряпочку;
играть в молчанку;
молчать как убитый;
знать про себя;
держат при себе;
не добиться слова;
не обмолвиться (ни единым)
словом (словечком);

придерживать язык;
прикусить язык;
проглотить язык;
нем как могила;
набрать в рот воды

26. КТ НАМЕРЕННОГО НЕВНИМАНИЯ, МАНКИРОВАНИЯ

и в ус не дуть;
ноль внимания;

и бровью (глазом, ухом, усом,
носом) не ведет;
хоть бы хны

27. КТ ЛЕГКОМЫСЛИЯ

пропускать мимо ушей;
в одно ухо входит,
в другое выходит;

краем уха слушать;
хлопать ушами

28. КТ ВНИМАНИЯ, ГИПЕРТРОФИРОВАННО-ПОГЛОЩЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

приклонять ухо;
смотреть в рот;
слушать разинув рот;
слушать во все уши;

развешивать уши;
растерять уши;
затаить дыхание

29. КТ БДИТЕЛЬНОСТИ, ОСТОРОЖНОСТИ

наострить (насторожить)
уши;
держат ушки на макушке;

мотать (себе) на ус;
держат ухо остро

30. КТ РАЗЪЯСНЕНИЯ

разбирать по косточкам;
разбирать (перебирать) по нит-
ке (ниточке);
разжевать (да) в рот класть;
со всеми операми;

до нитки;
по пунктам;
от точки до точки

31. КТ МЕНТОРСТВА

учить уму-разуму;
наставлять на ум

32. КТ ВЕРБАЛЬНОЙ МЕТКОСТИ

бить в одну точку;
попадать в одну точку;

не в бровь, а прямо в глаз;
попадать в (самую) жилку
(жилу);
на злобу дня

33. КТ ВЕРБАЛЬНОГО КОПИРОВАНИЯ

точка в точку;	строка в строку;
буква в букву;	до слова
слово в слово;	

34. КТ ПРОСТОТЫ, ДОХОДЧИВОСТИ

говорить русским языком;	черным по белому;
ставить все точки над «і»;	по всей форме;
по всем правилам искусства;	ставить все на свое место (на свои места)

35. КТ НЕМНОГОСЛОВНОСТИ, БЫСТРОТЫ СООБЩЕНИЯ

на два слова;	в двух словах;
на пару слов;	в общих чертах
на полслова;	

36. КТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ

золотить пиллюю;	растопить лед;
сглаживать острые углы;	сбавить (понизить) тон;
спускать на тормозах;	тоном ниже

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Верещагин Е. М.* Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры // *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики.* М., 1991.
2. *Городецкий Б. Ю.* От лингвистики языка к лингвистике общения // *Язык и социальное познание.* М., 1990.
3. *Демьянков В. З.* Конвенции, правила и стратегии общения. Интерпретирующий подход к аргументации // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* М., 1982. Т. 41. № 4.
4. *Караулов Ю. Н.* О состоянии русского языка современности // *Русский язык и современность. Проблемы развития и перспективы развития русистики и материалы гостевой дискуссии.* М., 1991.
5. *Он же.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. *Колесов В. В.* Отражение русского менталитета в слове // *Человек в зеркале наук.* Л., 1991.
7. *Одинцов В. В.* Структура публичной речи. М., 1976.
8. *Почепцов О. Г.* Интенциональный анализ // *Речевые акты в лингвистике и методике.* Пятигорск, 1986.
9. *Скляревская Г. Н.* Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // *Проблемы развития и перспективы.* М., 1991. Ч. 1.
10. *Щерба Л. В.* Избранные труды по русскому языку. М., 1957.
11. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Избранные труды: Язык и его функционирование.* М., 1986.

А. Н. ТРЕГУБОВ
Башкирский пединститут

К ВОПРОСУ О НУЛЕВЫХ АФФИКСАХ В ГЕНЕЗИСЕ КОРНЕВЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследуется история и теория вопроса о квалификации морфемного состава слов, состоящих из материально выраженного корня и окончания, приводятся аргументы против выделения так называемых нулевых суффиксов.

Спор вокруг вопроса о корневых словах в последнее время утратил свою остроту, хотя, на наш взгляд, нельзя сказать, что он решен однозначно. Об этом, видимо, свидетельствует тот факт, что определение данного понятия, за редким исключением (см., например, [5]), до сих пор почти не встречается в учебниках по русскому языку. В связи с этим хотелось бы еще раз остановиться на некоторых моментах, являющихся предметом разногласий между исследователями. Кроме того, мы попытаемся рассмотреть и ряд других вопросов, тесно связанных с этой проблемой, в частности такое понятие, как нулевая аффиксация, — в той степени, которая необходима для освещения заявленной темы.

Как нам представляется, причина упомянутых разногласий лежит в самом понимании явления, называемого корневым словом. Существуют два основных подхода к данной проблеме. Какую лексему называть корнесловом: в которой корень равен слову или основе? Если мы положительно отвечаем на первую часть вопроса, то возникает другая, не менее острая проблема: проблема нулевых аффиксов, и прежде всего флексий. Во втором случае вопрос о нуле снимается, так как в разряд корневых слов попадают слова не только с так называемым «нулевым», но и материально выраженным окончанием.

Остановимся на первом подходе: может ли корень равняться слову? Мнения лингвистов по этому поводу различны. Так, О. П. Суник отвечает на этот вопрос отрицательно, отмечая, что «корневых» слов — «слов, состоящих только из корня (равно как и «корневых» языков), — нет и никогда не могло быть» [3, с. 48]. Основания для этого категорического утверждения следующие: основа и окончание — обязательные компоненты слова, так как основа выражает лексическое, а окончание — грамматическое значение. Корень — часть основы, причем в большинстве случаев далеко не единственная. Помимо корня, основа включает в себя и суффиксы (материально выраженные или нулевые). Следовательно, корень не может быть равен слову, так как это его компонент, а целое не может быть равно

своей части. Однако и основа не существует без окончания, потому что это соотносительные понятия. Но в этом случае в ряд бесосновных, а следовательно, и бескорневых, попадают все неизменяемые слова: некоторые имена существительные, наречия, слова категории состояния. Ср. также: «Корневым словом (производным или непроизводным) является только морфологически членимое слово, имеющее в своем составе корневую морфему и, следовательно, морфему (или морфемы) аффиксальную, и в числе других аффиксальных морфем, возможно, и нулевую» [8, с. 67]. Таким образом, любое грамматически изменяемое слово двухкомпонентно, а следовательно, понимание корневого слова как слова, равного корню, лишено всякого основания.

Вопрос упирается, как мы видим, в проблему нулевых аффиксов. Это явление достаточно полно разработано в современном языкознании, что дало повод В. М. Маркову и Г. А. Николаеву заявить: «Вопрос о нулевых словообразовательных морфемах... в настоящее время можно считать окончательно решенным в пользу нулевых категорий» [2, с. 9]. «Нулевыми могут быть окончания (формообразующие морфемы), интерфиксы и суффиксы (словообразующие морфемы)», — отмечают авторы учебного пособия «Современный русский язык» [5, с. 79]. Круг нулевых элементов по мере углубления изучения этого явления все расширяется, что вызывает некоторые опасения. В первую очередь это связано именно с интерфиксами.

Получается, что если у одного из двух слов, построенных по одной модели, отсутствует какой-либо элемент, то последний автоматически становится нулевым. Конечно, с точки зрения системного описания словообразования такой подход является глубоко оправданным и с теоретической, и с методической стороны. Он, бесспорно, удобен и для решения многих проблем, связанных с машинным переводом, поскольку предполагает бинарные оппозиции. Но вместе с тем не стоит забывать о двух обстоятельствах. Все авторы, признающие нулевые показатели, говорят о «нуле» как о значимом отсутствии какого-либо аффикса. Нулевой суффикс или флексия своим отсутствием, благодаря занимаемому положению слова в определенной парадигме, передает то или иное грамматическое или словообразовательное значение. Как же в связи с этим быть с интерфиксами — элементами, служащими только для соединения морфем, но лишенными какого-либо значения?

Второе обстоятельство, вызывающее описание, связано с тем, кто количество «нулей» в слове может оказаться достаточно большим. Например, слово *нес*, получается, содержит два нулевых формообразующих аффикса: показатель прошедшего времени и показатель мужского рода единственного числа.

Разумеется, сказанное не является поводом для того, чтобы отвергать понятие нулевой морфемы. Но вместе с тем еще раз

подчеркнем, что данное понятие удобно и необходимо лишь как инструмент описания морфологической структуры слова и словообразовательной системы языка. И здесь мы солидарны с точкой зрения В. Г. Адмони, отметившего: «Нулевые показатели являются реальностью просто потому, что внутри одной парадигмы встречаются формы с окончаниями и без них, причём эти формы не могут быть не сопоставлены — именно поскольку они входят в одну парадигму» [3, с. 178—179].

Возвращаясь к проблеме корневых слов, отметим, что приведенная точка зрения не является единственной. Ряд лингвистов относится к этой проблеме более сдержанно. В частности, А. Н. Гвоздев, хотя и не определяет термин «корневое слово», но упоминает об этом явлении в учебнике «Современный русский литературный язык»: «Корень является структурным ядром слова, он может без сочетания с другими морфемами образовывать слово: *дом, рог, тих, мал, вез, очень, там*» [1, с. 120]. Здесь уже признается возможность того, что корень может быть равен слову, и в разряд корнеслов попадают слова не только грамматически изменяемые, но и неизменяемые.

Логическим продолжением идей А. Н. Гвоздева является подход авторов самарского учебника, которые считают корневым словом «слово, основа которого состоит только из корня». Доказательством этого служит то, что А. Н. Гвоздев, говоря о первых пяти словах, отмечает, что грамматическое значение в них передается нулевыми флексиями.

Данная точка зрения имеет то преимущество, что она снимает вопрос о нулевых показателях, так как акцентирует внимание в первую очередь на передаваемом лексическом значении, оставляя без внимания грамматический аспект слова.

Мы придерживаемся несколько иного мнения на данную проблему по двум причинам. Во-первых, при подходе «корень равен основе» возникает некоторая терминологическая неточность: получается, что речь идет не о корневом слове, а о корневой основе как выразителе лексического значения. Слово же передает не только какое-либо вещественное значение, но и различные морфологические и синтаксические.

Во-вторых, абсолютизируется грамматическая значимость флексий, которые являются одним из важнейших показателей грамматического значения, но не единственным. Наряду с ними язык располагает целым арсеналом разнообразных средств: служебными словами, порядком слов, интонацией, чередованием звуков.

На относительность понятия «флексия» указывает и тот факт, что один и тот же звук или сочетание звуков может передавать различные грамматические значения.

Таким образом, та или иная значимость морфемы является, пользуясь терминологией В. М. Солнцева, системоприобретенной. Такими же свойствами обладает и нулевой показатель.

Третья группа исследователей (Б. А. Серебренников [3, с. 220—221], В. М. Жирмунский [3, с. 19—20] и др.) вполне допускает существование корневых слов, состоящих только из корня. Наличие же обязательной нулевой флексии в таких формах ими отрицается. Основанием для подобного подхода является разграничение прямых и косвенных форм имен существительных. Если форма именительного падежа представляется как начальная, исходная, то «формы косвенных падежей и множественного числа могут рассматриваться как производные уже не только в семантическом, но и в морфологическом отношении» [3, с. 20]. Такая точка зрения нам более близка.

В заключение еще раз вернемся к вопросу о нулевых аффиксах. Дискуссия об этом явлении связана с различными подходами лингвистов к корневому слову. В результате смешиваются два угла зрения на эту проблему: синхронический и диахронический. При описании языка как системы нулевая аффиксация оправдана, но для истории языка вряд ли. Г. А. Николаев в связи с этим отметил: «Нулевые словообразовательные средства, способ нулевой суффиксации не были искони присущи системе славянского словообразования. Слова указанного типа формировались на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов, а потому имели в своей структуре корневую, суффиксальную и флективную морфемы» [4, с. 38]. И далее: «Утрата этими именами древних суффиксов связана с различными фонетическими и морфологическими процессами, имевшими общеязыковой характер» [Там же, с. 39].

Таким образом, современные корневые слова на этапе общеславянского единства не были таковыми. Лишь значительные изменения в их структуре придали им тот вид, который они имеют сейчас. Но, вероятно, на заре человеческой речи они были реальностью. Мы не разделяем точку зрения, что в основе языка лежали косвенные формы. Наличие формообразования предполагает у первобытного человека существование абстрактного мышления, пусть даже в зачаточном состоянии. С этим трудно согласиться. Основой первобытной речи являются, как нам кажется, именно корневые слова, хотя, разумеется, в несколько ином виде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., 1973. Ч. 1.
2. Марков В. М., Николаев Г. А. Некоторые вопросы теории русского словообразования // Именное словообразование русского языка. Казань, 1976.
3. Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1969.
4. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Казань, 1987.
5. Современный русский язык. Самара, 1992.
6. Суник О. П. Общая теория частей речи. М.; Л., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Сулименко Н. Е. Лексическое обеспечение речевой коммуникации	3
Тростников М. В. Перевод и интертекст (Анненский и Верлен)	10
Чудинов А. П., Чудинова И. С. Воспроизведение речевого сознания подростка (на материале повестей А. Алексина)	19
Илюхина Н. А. Об одной метафорической категории («лошадиные» метафоры)	24
Корнилова Е. И. Типы контекстов, мотивирующих оценочные смыслы относительных прилагательных	32
Багичева Н. В. Лексико-семантическое варьирование существительных, обозначающих термины родства	37
Плотникова С. В. Семантическая структура глаголов с высокой частотностью	46
Глазунова О. И. Семантика высказываний, совмещающих конкретные и абстрактные значения субъектов и предикатов	52
Родина И. В. Сопоставление вариантов отображения причинно-следственной ситуации на уровне значения глагола и сложного высказывания	57
Акимова О. Б. Функции местоименных слов в структуре оборотов типа <i>неизвестно куда</i>	65
Гридина Т. А. Словообразовательные механизмы актуализации лексических инноваций в художественном тексте	68
Попова Т. В. О деривационном потенциале ключевых слов перестройки	75
Коновалова Н. И. Функциональная значимость номинативного признака в высказывании	81
Кретов А. А. Опыт исторического исследования русской глагольной лексики	85
Сердобинцев Н. Я., Сердобинцева Е. Н. Просторечная лексика в литературном языке	92
Тимирханов В. Р. Динамика трансференции и ее типы	100
Христолюбова Л. В. Устойчивые единицы, характеризующие речь, как источник информации о коммуникативных тактиках	106
Трегубов А. Н. К вопросу о нулевых аффиксах в генезисе корневых слов русского языка	117

Функциональная семантика слова

Редактор С. Е. Зарва-Собко
Технический редактор
Н. М. Руднева

ЛР № 040330 от 17.02.92. Сдано в набор 14.07.94. Подписано в печать 12.10.94. Формат 60×90 1/16. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 800. Заказ 726.
Уральский государственный педагогический университет
620219 Екатеринбург, ГСП-135, просп. Космонавтов, 26
Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий»
620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

